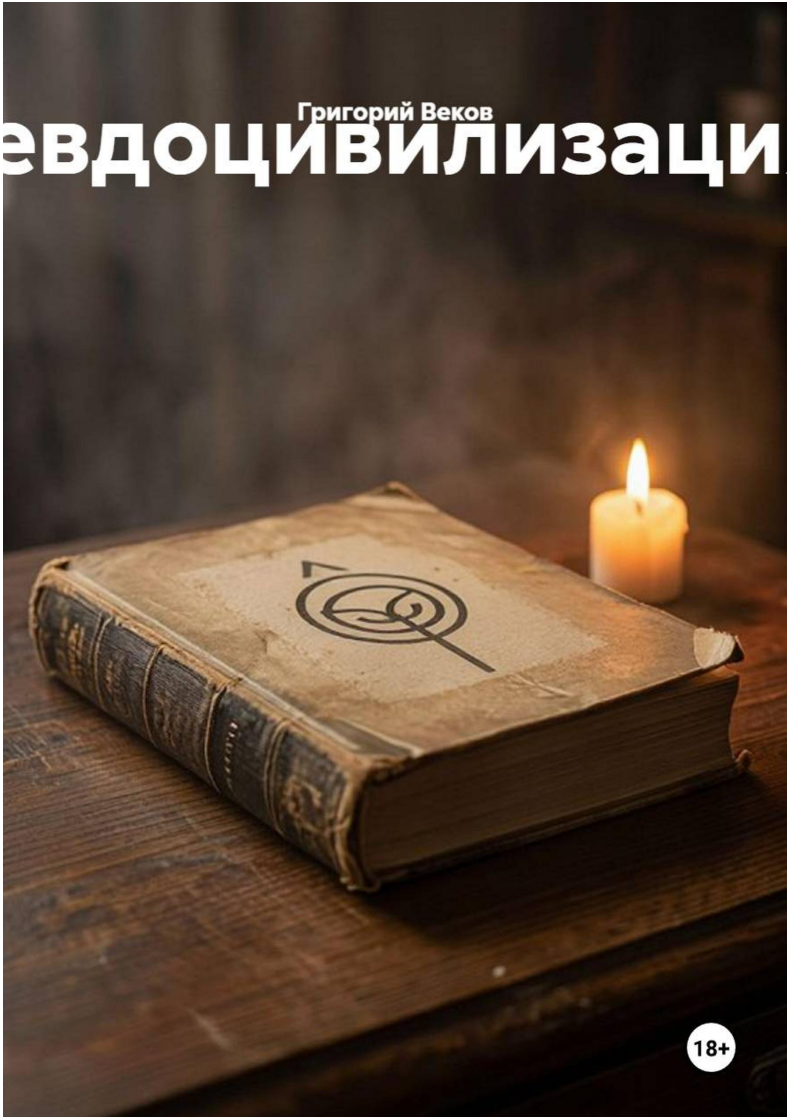
Григорий Веков

евдоцивилизаци

18+

Григорий Веков
псевдоцивилизация...

https://litres.ru/74708584
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга выражает понимание разумной сущности мировой цивилизации за пределами мифов нашей исторической эпохи.

Григорий Веков
псевдоцивилизация...

Глава 1

Эта книга выражает понимание разумной сущности мировой цивилизации за пределами мифов нашей исторической эпохи.

Псевдоцивилизация

Часть I

Цивилизация – это разум, который создает в самосознании иерархию высших ценностей

Гл.1

Историческая реальность высших ценностей……

Гл.2

Иерархия исторических ценностей как разумный критерий существования цивилизации……

Гл.3

Анализ российской культуры с позиции высших ценностей……

Часть II

Псевдоцивилизация – это историческое время, когда разума старой модели цивилизации уже нет, а разумной политической силы новой модели цивилизации пока еще нет

Гл.4

Подобие мировых исторических событий…….

Гл.5

Феномен псевдоцивилизации……

Гл. 6

Конфликт разумных и неразумных ценностей жизни……

Часть III

Государство в мировой истории

Гл.7

Некоторые параллели мировой истории……..

Гл.8

Метафизика действия процессов памяти……

Гл.9

Критика идеального государства Платона Аристотелем

Часть IV
Исторические основы государственности
Гл. 10
Критика идеального государства Платона Гегелем……
Гл. 11
Критика идеализма и отношение к государству Ницше……
Гл. 12
Граница ценностей цивилизации и псевдоцивилизации…….
Часть V
Мировая цивилизация в российской истории
Гл. 13.
Критика российских нравов Чаадаевым…….
Гл. 14
Критика российских нравов Салтыковым-Щедриным…….
Гл. 15
Отношение к российскому государству у Грибоедова……. …….
Часть VI
Ценности разума идеализма
Гл. 16
Платон о высшей ценности целого

……
Гл. 17
Почему именно Платон……
Гл. 18
Отсутствие разумной дискуссии в социальном пространстве современной псевдоцивилизации……

Часть VII
Энергия высших ценностей мировой цивилизации

Гл. 19
Понимание расового бессознательного…….
Гл. 20
Мифы нашей исторической эпохи и разумная действительность …….
Гл. 21
Граница мифологического сознания и разумной действительности самосознания……

Часть VIII
История псевдоцивилизации

Гл. 22

Противоречия цивилизации и псевдоцивилизации……
Гл. 23
Реальность псевдоцивилизации…….
Гл. 24
Мифологические иллюзии против истины……
Часть IX
Граница различных моделей цивилизаций
Гл. 25
Аскетизм……
Гл. 26
Спартанские нравы
Гл. 27
Разум цивилизации против рассудка культуры…….
Часть X
Фрактальная система исторических координат
Гл. 28
Дежавю исторического самосознания и линейные закономерности научного сознания……
Гл. 29
История дежавю высших ценностей мировой исто-

рии……..
Гл. 30
Исторические горизонты космически-технологической модели мировой цивилизации……
Часть XI
Процесс формирование цивилизации в мировой истории
Гл. 31
Многослойный уровень культуры……
Гл. 32
Направление исторического развития новой модели цивилизации
Гл. 33
Действие великой исторической идеи после переоценки ценностей
Часть XII
Цивилизация – это то, что существует за поверхностью мифологии культуры
Гл. 34
Основная проблема XXI – мифология вместо разумной действительности….
Гл. 35
Разумные перспективы будущего…….

Гл. 36
Материя времени разумной действительности…….
Часть XIII
Действия высших ценностей в мировой истории
Гл. 37
Противоречия земного и космического в энергии материи времени…….
Гл. 38
Фрактальные циклы событий мировой истории……..
Гл. 39
Разум мировых исторических событий……

Школа рациональной мысли

Часть I
Цивилизация – это разум, который создает иерархию в самосознании высших исторических ценностей

Гл.1
Историческая реальность высших ценностей

Александр Македонский: «Я — великий царь Александр».
Диоген: «А я — собака Диоген.

(Прозвище «собака» ему дал Платон).

……

Александр: «Проси у меня чего хочешь».

Диоген: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце» — и продолжил греться.

Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

Выделение нами такого явления как псевдоцивилизация нам необходимо для того, что понять, чем является цивилизация по отношению к историческому разуму. Мы слышим очень много разговоров о цивилизации в наше историческое время, но практически все они протекают за пределами разума, то есть за пределами понимания того, какое разумное содержание имеет исторический феномен цивилизации. Здесь мы, вслед за Гегелем, полагаем, что цивилизация существует только там и тогда, где присутствует какая-то разумная модель государственного устройства, то есть в том историческом пространстве, в котором разумным людям удалось объединиться на основании какого-то комплекса разумных идей. И хотя понятие цивилизация у всех на слуху в словесных дискуссиях многочисленных СМИ, в которых утверждается, что она и здесь, и там, то есть встречается на каждом шагу, – мы придерживаемся полярно-противоположной позиции, подобной тому, которая возникла в позиции известного греческого философа Диогена, который, находясь среди людей, утверждал, что он ищет человека с фонарем, но

нигде его не находит. Возможно ли такое, находясь среди людей, утверждать, что человека среди них нет? Понятно, что в системе обыденных представлений о реальности, где действуют только поверхностные схемы абстрактного рассудка, чья стихия – бытовое сознание, это невозможно, но для полноценной философской мысли то, что кажется простым и не вызывающим каких-то вопросов на уровне сознания реальности, может показаться очень сложной задачей в понимании явления с позиции разумной действительности. А поскольку наш метод понимания ценностей – философский, то вопрос, ответ на который кажется для подавляющего большинства людей очевидным, для исторической философской мысли, наоборот, становится сложнейшей философской задачей.

Особенностью любой полноценной философской логики является то, что она акцентирует свою мысль исключительно в разумных идеях. В этом смысле, известная идея Диогена не менее актуальна в наше историческое время, чем и более двух тысяч лет назад, поскольку если человек, следуя современной логике биологической науки, является, в первую очередь, животным, то где же тогда сам человек, то есть где – то разумное существо, которое из столетия в столетие, из тысячелетия в тысячелетие строило мировую цивилизацию, то есть где сама разумная идея человека? Ведь возникает вполне закономерный вопрос: разве может человек быть в первую очередь биологическим существом, если мир

природы лишен зачатков цивилизации в качестве сложнейших технологических инструментов, а человек ими в полной мере обладает? Понятно, что нам сразу же укажут на исключительные достижения современного научно-технического прогресса, доказывая отличие человеческой культуры от остального животного мира. Но проблема состоит в том, что, например, в эпоху между Темными веками и Средневековьем в момент распада античной цивилизации отличие человека от животного доказывалось исключительно тем, что в человеке есть искра божья. Но наука отрицает существование Бога, и кто тогда прав: наука или религия в определении того, что такое человек, если учесть, что через пару тысяч лет в сознании человек в мировой цивилизации будет доминировать какой-то другой великий миф?

В судьбе Диогена, помимо его известной идеи о поиске человека, есть еще один важный момент для понимания взаимоотношений между мировой политикой и философией, связанный со встречей Диогена с А. Македонским. Речь идет о приоритете ценностей сознания и самосознания, поскольку сознание всегда существует в реальности, а самосознание – в разумной действительности, находясь с первым в противоречии. В этом смысле, акцент на чем-то одном неминуемо приводит к конфликту этой различной системы ценностей, поскольку очевидно, что оба участника диалога: и А. Македонский и Диоген – это представители высшей исторической культуры, которая очень малочисленна по отношению к

тому многообразию различных ее полей, которые существуют как информационный поток памяти мировой истории. Но уже тот факт, что мировая история сохранила для нас этот исторический диалог, уничтожив в исторической памяти другие сотни миллиардов человеческих диалогов на различные бытовые темы, говорит о многом. Это говорит о том, что в нем существуют те значительные ресурсы разумного понимания мировой истории, которые необходимо вновь и вновь переосмысливать каждой исторической эпохе. И каждая историческая эпоха сверяет свою шкалу ценностей на подлинность, постоянно возвращаясь назад, к тому наиболее существенному наследию прошлого, которое является своего рода маяком в этом бескрайнем и бесконечно сложном океана исторической памяти.

Что же находим мы в этом замечательном историческом диалоге, в котором отчетливо просматриваются позиции, с одной стороны, великой политики, а с другой, такой же великой позиции философской мысли? Во-первых, мы обнаруживаем эпицентр мировых исторических события в конкретном историческом месте и в конкретное историческое время, где он является эпицентром развития истории мировой цивилизации. Так, Македонский, будучи учеником великого Аристотеля, выражает наступлению европейской культуры на Восток в тот момент, когда она находилась в состоянии одного из своего наивысшего подъема культуры; а Диоген – среду др. греческой философской мысли, когда она бы-

ла представлена своими наиболее выдающимися представителями, такими как Платон. Понятно, что понять масштаб этих исторических личностей с позиции российской культуры крайне сложно, поскольку она еще находится в наше время в младенческом состоянии сознания по отношению к высшим ценностям мировой истории. Аргументом последнего является известное изречение Ломоносова, на день восшествия на престол императрицы Елизаветы» (1747):

Может собственных Платонов

И быстрых разумом Ньютонов

Российская земля рождать.

Понятно, что качество подобных оценок по отношению к событиям мировой истории демонстрирует настолько далекое отношение к пониманию разумной сущности мировых исторических событий, что это даже трудно оценить. Но можно однозначно понять, что подобные оценки существуют полностью за пределами разума, поскольку в истории философии, как мы полагаем, Платон, как и Гегель, являются двумя самыми крупными философами в мировой истории, равно как и Ньютон однозначно входит в тройку трех самых выдающихся физиков в истории мировой науки. В подобной цитате Ломоносова, именем которого назван, как известно, Московский университет, отчетливо выражено нулевое понимание того, что такое разумный человек, и, как следствие,

чем является мировая цивилизация, поскольку на всем протяжении мировой истории ее строили именно разумные люди. Рождаться же и умирать, очевидно, могут все, как, впрочем, и остальной животный мир, существующий рядом с человеком, которому не свойственна иерархия по отношению к высшим и низшим ценностям, поскольку животный мир лишен причастности к разуму. Но, к сожалению, и в наше историческое время российская реальность не особенно утруждает себя пониманием разумных законов мировой цивилизации, что, впрочем, стоит ей очень дорого.

Данный фрагмент суждений Ломоносова демонстрирует глубокий провинциализм российской исторической мысли по отношению тому, что определяет разумные законы мировой цивилизации, поскольку она пока существует полностью за пределами понимания иерархии ценностей по отношению к качеству рациональной мысли. И действительно, если полагается, что может наступить историческое время, когда российская культура сможет «штамповать» Платонов и Ньютонов, то что это за такая культура, в которой нет элементарного понимания: какой исторический вклад каждый отдельный индивид привносит в культуру мировую? А иерархия возникает в культуре только тогда, когда в ней существуют отчетливые позиции исторического разума, то есть взаимосвязь разумных людей, которые и создают в ней основы цивилизации. Ведь цивилизацию от культуры, в первую очередь, отличает уровень иерархии по отношению к разумно-

му пониманию мира, – это главный критерий вообще присутствия цивилизации в качестве доминанты какой-то системы ценностей в определенный исторический момент времени. Если же сравнить, с точки зрения иерархии ценностей, качество цивилизационной мысли Ломоносова по отношению к ее вкладу в мировую цивилизацию, то он поразительно напоминает нам уровень первомайских лозунгов первого десятилетия власти большевиков, где тоже декларировалось нечто подобное, то есть вера в то, что неграмотная и необразованная масса людей будет в будущем рожать «Платонов и Ньютонов».

Вообще, не трудно заметить, что и современная российская гуманитарная мысль недалеко ушла от логики суждений Ломоносова и лозунгов пролетарских агиток первого десятилетия советской власти, где полагается, что пафоса веры достаточно, чтобы в определенной исторической среде присутствовали начала цивилизации. Мы же утверждаем, что этого явно недостаточно, хотя современная российская культура так и осталась приблизительно на этом же уровне. Точнее, было бы сказать, что этого было бы достаточно для какой-нибудь провинциальной культуры, которая существует где-то на периферии мировой истории, особенно ни на что не претендуя; но только не для культуры, которая оказалась в эпицентре наиболее острых противоречий мировых исторических событий. И если до недавних исторических событий так оно и было, когда подражательная российская исто-

рическая культура и была таковой, за исключением космического прорыва во второй половине XX века, то в наше историческое время ей уже не отсидеться за этой сомнительной попыткой подражания всему тому, что выработала мировая история в своей системе высших ценностей. Полагать же, что традиционная культура – это панацея от всех бед, которые несут в себе разрушительные действия современной псевдоцивилизации, ошибочно, поскольку псевдоцивилизация, в отличии от цивилизации, научить уже ничему не может, кроме как усиливающейся деградации человека, но это только, с одной стороны. А с другой стороны, основная мощь власти над сознанием человека в энергии псевдоцивилизации сосредотачивается в остроте тех противоречий, которые она передает, как эстафету, новой модели мировой цивилизации, поэтому уклониться от ее разрушительного воздействия невозможно, забиваясь в угол, как загнанная мышь. Поэтому единственный путь построения новой модели мировой цивилизации, от которого не может уклониться ни один народ в мировой истории, – это подобные противоречия разрешить. Однако не стоит питать иллюзий, что разрешение определенного комплекса исторических противоречий не предполагает дальнейшего их возникновения в своей неизвестности в качестве появления тех новейших политических сил, которые определяют ход мировой истории. Наоборот, именно острота исторических противоречий и является подлинной энергией развития любой модели мировой

цивилизации. Поэтому чтобы начать строительство новой модели цивилизации, необходимо сначала разрешить противоречия старой модели цивилизации в состоянии ее глубокого распада, то есть в состоянии псевдоцивилизации.

Возвращаясь к известному диалогу между Македонским и Диогеном, который очевидно не случайно сохранила для нас мировая история спустя почти две с половиной тысячи лет, мы, в отличии от известных ценностей российской культуры, оказываемся в эпицентре событий мировой истории на одном из ее глобальных переломов, если учесть, что в этот момент европейская цивилизация начала свою экспансию на Восток в качестве завоевательных походов Македонского, которые, как известно, закончились образованием поля эллинистической культуры с влиянием др. греческого наследия ценностей. Именно здесь решалась судьба мировой цивилизации в мировой истории в то историческое время. И, в отличии от поверхностной дискуссии о дальнейшей исторической судьбе мира, которая характеризует современный российский дискурс, диалог Македонского и Диогена исключительно важен со стороны понимания различий между мировой культурой и мировой цивилизацией. Впрочем, мы вообще нигде не обнаруживаем элементарной рациональной дискуссии о будущем мировой цивилизации, поскольку западноевропейская модель развития почти закончила свое существование, а в России она практически отсутствует в силу отсутствия в ней рациональной школы мысли. Переливание

же из пустого в порожнее, чем здесь занимаются те, кого называют здесь «российской интеллигенцией», годится лишь в качестве игры детей в песочнице, которые строят свои детские замки из песка инфантильных воображений о реальности, игнорируя разумные законы развития мировой цивилизации. Отсутствие понимания ценностей разумной действительности – вот главный приговор тому, что здесь называется «интеллектуальной дискуссией».

Этот диалог нам важен по нескольких причинам, характеризующим разумные ценности развития мировой цивилизации. Одна из них – это выбор историческим субъектом ценностей, где, с одной стороны, выступают все земные человеческие блага, а именно, со стороны Македонского, а с другой, наоборот, аскетизм образа жизни с отказом от этих социальных благ, который выражается со стороны Диогена, одного из наиболее ярких представителей др. греческой философской школы киников. Легенда сообщает, что начинал он как Ницше, то есть с переоценки ценностей сознания, когда стал фальшивомонетчиком, будучи сыном менялы, реализуя дельфийское пророчество пифии. Но позже, осознав, что духовные ценности выше материальных, принял их сторону, доказывая своим непосредственным образом жизни, что земное – это то временное в сознании человека, которое не может отвлекать его от размышлений в сфере его индивидуального самосознания. Понятно, что со стороны Македонского мы встречаем систему ценностей, в которой объектив-

ность действия воли к власти разумного субъекта в мировой истории реализуется в полной мере и даже с избытком, учитывая, что военные походы Македонского реализовали все возможные человеческие амбиции на политическую власть, причем, не в результате каких-то наследственных привилегий или дворцовых интриг, а на поле боя, то есть вполне заслуженно.

Так, все земные блага мира в качестве возможности их обладанием столкнулись с тем, что их полностью отвергает на основании философской позиции мысли. Заметим, что не все великие политические деятели, обладающие максимальными возможностями в обладании земными благами, которые дает политическая власть, полагали это ценностью своей жизни. Например, Фридрих II Великий, король Пруссии (1740–1786 гг.), в полной мере довольствовался очень малым в своей резиденции Сан-Суси, где он жил довольно скромно. В покоях не было излишеств: узкая кровать за ширмой, минимум личных вещей. В первую очередь, он уделял время государственным делам и общение с интеллектуалами своего времени. По-видимому, этот приоритет в выборе ценностей, в которых доминировали ценности высшие и стали поводом признать его великим в национальном сознании исторической памяти. Подобные исторические ссылки нам необходимы для того чтобы показать, какая огромная дистанция для выбора ценностей существует в непосредственном образе жизни человека в сознании. Чем же

определяется этот выбор ценностей в непосредственном образе жизни человека? Мы утверждаем, что он определяется непосредственным влиянием действия его самосознания, которое в свою очередь определяется глубинами действия его бессознательной памяти. Так, поле исторической памяти воздействия учения Аристотеля на формирование Македонского определило развитие его самосознания, если учесть, что Аристотель, безусловно, является одним из самых выдающихся философов в истории, а у Диогена – общение со средой, которую формировали такие великие философы, как Платон.

Как известно в момент общения с Македонским Диоген находился в пифосе — большом глиняном сосуде, тем самым высказывая максимальное пренебрежение ко всему земному, в том числе и к выдающемуся полководцу, с которым вел диалог, который определял в то историческое время своей индивидуальной политической волей разумный дух развития мировых исторических событий. Так, мы имеем: с одной стороны, бочку, в которой сидит выдающийся философ, игнорирующий все земные человеческие блага, а с другой, великий полководец, который всеми этими земными благами обладает. Первое, что сразу бросается в глаза при первом сравнении, – это дистанция полярно противоположных приоритетов ценностей и одновременная близость судьбы этих двух великих людей, определяющих дальнейший ход мировой истории: один – в геополитике, другой, во многом,

в философии. Другими словами, со стороны субъективной позиции воли мы обнаруживаем полярно противоположные системы ценностей, а со стороны объективности разумных законов развития мировой цивилизации – единство индивидуального самосознания в качестве движущей силы событий мировой истории.

Вообще, выбор этого исторического диалога между двумя великими людьми своего исторического времени нам необходим для того чтобы понять, чем в разумной действительности является цивилизации, поскольку это понятие стало в наше время какой-то «половой тряпкой», которой различные неразумные интеллектуальные силы размахивают как своим знаменем. Последнее, объясняется тем, что диалог разумных людей практически исчез в последнее десятилетие, тогда как разного рода иррациональные политические силы к цивилизации имеют очень косвенное отношение. Понятно, что, с точки зрения поверхностных представлений, «цивилизацией» можно зазвать все, что угодно, лишь бы это имело какое-то хотя бы косвенное отношение к научно-техническому прогрессу. Но такого рода оценки, которые не утруждают себя поиском разумных оснований любого явления, обречены на забвение, в первую очередь, разумными законами мировой истории. А понятие «цивилизация» в наше историческое время является одним из фундаментальных в той острой идеологической борьбе, которая ведется в наше время в геополитике. Понятно, что махать этим понятием как

красной тряпкой на пролетарской маевке, что характеризует уровень современной интеллектуальной российской мысли, не удастся. В первую очередь, это не удастся в силу законов развития мировой истории, которые разумны, поскольку они определяются не энергией каких-то племенных этносов, о которых так любят рассуждать в России, стараясь хоть как-то прикрыть крайне слабые в ней позиции мировой цивилизации, а волей разумных индивидуальностей. В вопросе того, что в наше историческое время, «цивилизацией» называется все, что имеет отношение к научно-техническому прогрессу, стоит заметить, что еще тысячу лет назад на протяжении веков, то, что подразумевалось под понятием «цивилизация», ассоциировалось с верой в Бога, а в наше время и сейчас ассоциируется с ней, например, в России и Иране. И возникает принципиальный вопрос: «А что тогда будет ассоциироваться с этим понятием, например, через тысячу лет?».

Таким образом, известное утверждение, которое вошло в мировую историю, характеризующую философию Диогена: «Ищу человека!», мы перефразируем в современном ракурсе исторических противоречий мировой истории нашей философии лигаризма как: «Ищу следы цивилизации!» И как на Диогена подавляющее число людей реагировало как на чудака, который искал то, что было у него перед глазами, так и мы готовы к подобному отношению к себе, поскольку особенность философской мысли такова, что, если что-то для массового сознания кажется очевидным, то оно же для

философского понимания может быть крайне сложной задачей в качестве объективного разумного осмысления. А как же тогда те представители российской гуманитарной культуры, кого здесь принято называть «философами»? На это можно ответить цитатой классика, поскольку классика никогда не умирает: «В России нет философии, но философствуют все, даже мелюзга» (А. Чехов). И действительно, в современной российской интеллектуальной среде следы разумной позиции мысли почти не существуют. Существуют разного рода подражания мысли западноевропейской классической школе, но, во-первых, подражание не может быть разумным по определению самой сущности содержания рациональной мысли; а, во-вторых, историческая необходимость возникновения кардинально новой модели цивилизации, космически-технологической, требует принципиально нового подхода к исторической логике философского мышления. Здесь же умудряются подражать даже псевдофилософии, если учесть подражание интеллектуальным конструкциям постмодернизма. Другими словами, из-за отсутствия разумного понимания ценностей приходится платить в полной мере.

Гл.2
Иерархия исторических ценностей как разумный критерий существования цивилизации

На обратном пути, в ответ на шутки своих приятелей, которые потешались над философом, Александр сказал своим спутникам «Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

Насмешки, которые характеризуют попытки массового сознания отрицать разум, который не дает возможности сознанию реальности существовать независимо от высших ценностей мировой истории, демонстрируя временное пребывание человека в мире, всегда было надежным средством в качестве защиты от непонимания того, что выходит за пределы обыденных представлений о мире. В этом смысле, насмешки над Диогеном характеризуют не только спутников Александра, но и личности почти всех философов, которые покушаются на привычные представления о мире в социальной среде, которая их окружает. Показательна в этом смысле позиция Александра, который обладал полной властью над реальностью как великий полководец. Он, как ученик Аристотеля, в отличии от своих спутников, в полной мере понимает позицию Диогена, который оценивает военные и политические достижения Македонского с философской позиции киника, осознавая, что под солнцем ничего не вечно, а земные блага являются преходящими во времени.

Этот пример указывает на другой случай, не так далеко находящийся во времени от данного. Так, он напоминает

нам историю усилий Платона по строительству идеального государства во дворе тирана Дионисия Старшего. Как известно, последний, раздраженный критикой философа, продал его в рабство, заметив, что философ будет справедлив и счастлив даже в состоянии раба, будучи таким идеалистом. Мы видим, что великие идеи всегда в мировой истории мешают жить по привычным представлениям реальности, поскольку указывают на разумную природу мира, которая ломает и топологически мнет сознание реальности под воздействием высших законов действия самосознания, то есть культура постоянно теснится воздействием новейших идей развития мировой цивилизации. Впрочем, не только Дионисий был раздражен критическим отношением к методам своей тиранической власти со стороны Платона. Например, Аристофан высмеял эти утопические ценности в возможности строительства идеального государства Платона в своей комедии «Облака», намекая на то, что Платон витает в облаках по отношению к сознанию реальности. И действительно, разумное всегда раздражает привычные социальные представления о мире, которые отрицают ценности реальности, поскольку реальность – это поток монотонных непосредственных чувственных ассоциаций, из которых сознание человека непрерывно получает информацию об окружающем мире. Подвергнуть их сомнению – это значит, потерять взаимосвязь со знакомыми представлениями о реальности, то есть потерять бессознательный инстинкт самосо-

хранения, который связывает сознание человека со всем известным ему опытом культуры. Однако именно этот разрыв и определяет историческую динамику взаимодействия культуры и цивилизации в историческом времени, когда более глубокие ресурсы подсознательной памяти человека воздействуют на более поверхностные слои, заставляя абстрактный рассудок подчиняться разумным законам развития мировой истории.

Как известно, критиковал идеальное государство Платона и Аристотель в своей работе «Политика». Его критика в основном была направлена на сомнительные идеи об упразднении частной собственности и общности жен и детей. Однако мы полагаем, что, если со вторым критическим утверждением Аристотеля можно согласиться, то первую идею необходимо принять, учитывая то рациональное содержание, которое вкладывал в него Платон. Если с обобществлением жен и детей Платон все-таки погорячился, то с упразднением частной собственности не так все просто, как это кажется таким поверхностным мыслителям, как, например, социологу Попперу, который обрушивается с резкой критикой на «тоталитаризм» Платона. Причины последнего очевидны, поскольку частная собственность – это базовая правовая основа торгово-промышленной модели мировой цивилизации, доминировавшей последние столетия, которая в наше историческое время перешла в состояние псевдоцивилизации, то есть в состояние катастрофического распада. А поскольку великие

идеи, как известно не умирают, учитывая, что они возникают из самых глубоких воспоминаний человека, то есть из его духовного самосознания, то эту идею мы неожиданно встречаем в марксизме, хотя Маркса, как все знают, сложно упрекнуть в каком-то идеализме, поскольку его социальная теория целиком и полностью строится, наоборот, на тотальном отрицании идеализма, упрекая историю идеализма в «нищете». Здесь, конечно, Маркс прав, поскольку идеализм резко сужает полноту непосредственных чувственных ассоциаций сознания реальности, требуя их опосредствования в воздействии высших процессов психики. Последние, возникают и действует не из монотонного движения ассоциативных образов, которые всегда доступны сознанию человека, действуя в качестве устойчивого аппарата абстрактной мысли, а из движения энергии материи времени, которая несет в себе взаимосвязь с духовным наследием предков. Вообще, причины, по которым всплыла идея Платона об отрицании частной собственности в социальной теории через почти две с половиной тысячи лет, которая отрицает ценности идеализма, то есть в марксизме, следует остановиться особо, хотя этот момент, как и в случае примера полярно-противоположных ценностей Диогена и Македонского, указывает на могущество власти великих идей, ломающих привычные представлений о мире со стороны законов действия разумной действительности в процессе развития мировой цивилизации.

Если Диоген искал человека, не замечая его среди своих

сограждан, то что он имел ввиду? Здесь первое, что приходит в память, – замечание Лейбница о том, что, когда ему в руки попалась неизвестная работа Декарта, то это дало ему полгода полноценной жизни. А как же сограждане Лейбница? Общение с ними разве его не вдохновляло? Ведь он вел активный социальный образ жизни, общался с наиболее выдающимися учеными своего времени. Он лично встречался с Петром I в 1697, 1711 и 1716 годах, консультировал русского царя, разрабатывал проекты реформирования образования и государственного управления в России, а также предлагал создать в стране академию наук. Но почему тогда подобное достаточно обширное общение с выдающимися людьми своего времени не давало ему ту разумную полноту жизни, которую он мог почерпнуть из научных работ Декарта? Мы утверждаем, что это объясняется тем, что уровень общения с ценностями, которые не выходят за пределы сознания реальности, не дает той полноты понимания высших ценностей, которое дает причастность авангардным идеям своего исторического времени. А научные идеи того исторического времени в работах Декарта были авангардными по отношению к пониманию разумной действительности, с точки зрения понимания разумных законов развития мировой цивилизации. Получается, что Лейбниц, как и Диоген, тоже «искал человека» в том смысле, что искал полноту разумного мира, которая только и может оправдать существование разумной индивидуальности со стороны высших ценностей жизни. В

этом смысле, «найти человека», причем с «фонарем», то есть в полном мраке реальности, которая непричастна разумным законам развития мировой цивилизации, – это значит, искать новые великие идеи, которые, как это говорится, «витают в воздухе», и лишь требуют понимания своей истины.

Получаются, что жизнь идеи значительно более содержательна, чем жизнь в пределах сознания социальной реальности своей исторической эпохи, которая всегда окружает человека со стороны обыденных представлений о ценностях жизни. Почему жизнь великой идеи более содержательна, чем любая социальная реальность, какой бы энергий она не обладала? Мы объясняем это тем, что великие идеи обусловлены не земными проблемами человеческой жизни, а постоянным взаимодействием его высших подсознательных процессов психики с энергией космоса. Согласно одной из научных теорий, основные частоты пульсара PSR B1937+21 (нейтронная звезда, оставшаяся после взрывов сверхновых) совпадают с колебательными моделями двойной спирали ДНК человека с точностью до 99,7%. По данным совместного исследования МФТИ и NASA (2025), вероятность случайного совпадения ритмов — 1 к 5 миллиардам. Другое дело, что в отличии от земных ритмов монотонности образа жизни бытового сознания человека, которое почти полностью обусловлено ассоциативными потоками памяти, реагирующими на внешнюю реальность, как у животного, его воля, как разумного существа, определяется этими дискретными пото-

ками высших процессов памяти. Понятно, почему они дискретны. Ведь они идут из глубин Вселенной, когда эти фундаментальные фрактальные последовательности дискретных рядов высших процессов памяти и создают разумные импульсы его подсознательной воли.

Высшие ценности самосознания являются отображением космоса в сознании как всей полноты возникновения и раскрытия модели мировой цивилизации, когда становится понятна функциональная взаимосвязь существования человека в качестве земного существа – с энергетическими ритмами Вселенной, как на генетическом уровне, так и на уровне технологических возможностей достижений цивилизации. Последнее, объясняется тем, что образы высших процессов бессознательной памяти человека постоянно возвращаются к высшим историческим ценностям мировой истории, переосмысливая и переоценивая их. А точнее было бы сказать, что это сами высшие ценности мировой истории переоценивают непосредственную жизнь человека в реальности, что и является подлинным критерием отсутствия или присутствия законов мировой цивилизации в среде того или иного народа. Можно сказать, что высшие исторические ценности являются более живыми, чем непосредственная человеческая жизнь, поскольку постоянно заставляют переосмысливать эту жизнь по отношению к этим ценностям, чтобы понять, чего объективно стоит его индивидуальность перед судом мировой истории.

Но чем являются эти высшие ценности? Мы утверждаем, что они являются духовным наследием предков, которое выражает тот маяк исторической памяти, который никогда не угасает в силу глубины и мощи великих идей, создавших историю мировой цивилизации. Ведь если бы их не было, то человечество бы не развивалось, будучи замкнуто той системой обыденных представлений сознания реальности, которое его окружает в качестве природного существа. Примером отсутствия подобного развития могут быть, например, первобытные племена людей, которых было немало еще в XX веке, чье развитие остановилось на первобытном уровне культуры. Почему эти ценности являются высшими, в отличии от ценностей низших? Для этого достаточно лишь понять, почему имена одних людей мировая история сохранила для потомков, а других, в их подавляющем большинстве, безвозвратно стерла. Первые, остались в мировой истории, поскольку выразили какие-то великие идеи своего исторического времени, причем, в независимости от поля культуры, где возникали эти идеи: религиозные, политические, научные; а другие не смогли подняться выше уровня обыденных представлений о реальности, в основном, выполнив свой лишь по продлению человеческого рода.

Вообще, мы должны понимать, что массовое сознание – это не феномен исключительно нашего исторического времени. Так, система низших ценностей утверждает, что массовое сознание есть феномен высокотехнологической куль-

туры, обусловленный резким развитием научно-технического прогресса. Мы же полагаем, что массовое сознание существовало во все времена истории мировой цивилизации, выражая такое состояние человеческой психики, в которой самосознание человека как разумного существа пассивно, то есть властью над его непосредственным образом жизни почти тотально обладает исключительно сознание. Но сознание человека во многом формируется лишь системой бессознательных влечений как у животного, то есть это такое состояние человеческой психики, в которой действие биологических подсознательных инстинктов держит разум в подавленном состоянии. Но почему же тогда современный научно-технический прогресс развивается по экспоненте, с одной стороны, а с другой, все больше и больше удаляя сознание человека от разумных законов развития мировой цивилизации? Это обусловлено тем, что абстрактные ценности постепенно сформировали систему мифологических представлений о реальности, из которых почти полностью исчезло разумное понимание действительности. Эта ситуация подобна тому, когда монотеистическая вера, переварив последние остатки античной модели цивилизации, сформировала жесткую систему религиозных представлений о мире, погрузив сознание человека в мифологическую реальность лишь одного поля, а именно, религиозного, в Темные века мировой истории. Ну и что? А современная научная абстракция погрузила сознание человека в мифологическую реальность

исключительности ценностей научно-технического прогресса. Главное, что сближает эти две исторические эпохи – это резкое исчезновение разумной индивидуальности человека, которая не может существовать вне энергии рациональных коммуникаций, то есть вне иерархии высших ценностей, действующих в его самосознании. Например, философские школы античности были закрыты в 529 году н. э. по указу византийского императора Юстиниана, что характеризует наступление одних Темных веков по отношению к высшим ценностям жизни, а исчезновение великих ученых новейшего исторического времени в XX веке, указывает на наступление уже других Темных веков, отделяющих процесс распада одной модели цивилизации, торгово-промышленной, и предпосылки для возникновения новой модели цивилизации, космически-технологической.

Таким образом, эти насмешки над позицией великих философов существовали всегда со стороны массового сознания, которое всегда было где-то рядом с человеком как своего рода «сточная канава» низших ценностей сознания реальности. Впрочем, смеялись не только над великими философами, но и над великими пророками, и над великими художниками, стараясь показать, что они витают где-то «в облаках». И действительно, высшие ценности, в отличии от ценностей низших, требуют больших внутренних усилий человека для сопричастности их пространству. Не проще ли упроститься до биологического состояния животного, кото-

рое предлагает массовая культура, тем более, что современная наука настаивает на том, что человек является лишь биологическим существом по своим естественным потребностям. Но эти естественные потребности его биологического существа были всегда частью его природы, начиная от первобытной культуры. К разуму они имеют лишь косвенное отношение, поскольку разумная индивидуальная воля человека, в отличии от его влечений, концентрируется в чем-то не земном, то есть в том, что стремится отрицать это земное, то есть отрицать причастность к своему животному образу жизни.

Главная причина, по которой Македонский разделял ценности философии Диогена, состоит в том, что они относятся к высшим ценностям, то есть к ценностям, которые являются внутренней энергией развития мировой цивилизации, поскольку нарушают знакомые представления о мире со стороны неизвестности тех будущих исторических событий, которые меняют ход мировой истории. При этом, и философское, и политическое поле культуры подвергаются топологической деформации ценностей со стороны полемики диалога, который происходит в русле авангардных идей своего времени, если учесть, что за спиной Македонского стоит великая фигура Аристотеля, а за спиной Диогена – не менее великая фигура Платона. Это очень важный момент, который характеризует наличие цивилизации здесь и тетерь. Если же мы оценим современные дискуссии, которые в силу скудоумия на-

шей исторической эпохи принято называть «интеллектуальными», то не обнаруживаем в них ничего кроме некоторого набора низкокачественных суждений, направленных только на то, чтобы создать видимость какого-то «интеллектуального» диалога. В этом смысле, даже ИИ является более логически строгой системой суждений, чем современные гуманитарные дискуссии о ценностях культуры и цивилизации, поскольку он по крайней мере способен выжимать по максимуму логику массового сознания из всех полей культуры, не привнося того мусорно-эмоционального потенциала энергии низшей человеческой психики, которая обусловлена непосредственными живыми человеческими эмоциями.

В аспекте данного диалога между Диогеном и Македонским возникает очень важный вопрос: «Если Диоген не видит человека даже в самом выдающемся человеке своего времени, то где же тогда тот человек, которого он ищет?». Именно здесь проявляются великие свойства философии, которые состоят в том, что любая великая идея всегда сохраняет дистанцию с реальностью в качестве возможного потенциала своей переоценки в историческом будущем в качестве неожиданного поворота фрактальной структуры постановки своей задачи в другую историческую эпоху. И, в отличии от логики ИИ, который задачу любого поля культуры сводит к доступности массового сознания, великая идея максимально многозначна, то есть не сводится к операционным возможностям локальных фрактальных последовательностей логи-

ки реальности. И не случайно Диоген искал человека «с фонарем», что сближает эту позиции великой идеи с известной притчей Платона о «пещере», в которой блуждают тени людей, лишенные света разума. Ведь Диоген просит Македонского отойти, чтобы иметь взаимосвязь с солнцем, то есть с духовной тайной происхождения природы мира, к которому обращались киники, то есть Диоген как бы указывает Македонскому, что война – это не самоцель в высших ценностях жизни; высшие ценности жизни должны концентрироваться в метафизической загадке происхождения мира. Как известно, империя, которую создал Македонский, оказалась недолговечной, поскольку была лишена именно разумности государственного устройства и могла держаться только на непрерывном ведении войны. Она привнесла в восточный мир лишь культуру, а не цивилизацию, а государство может строиться лишь на какой-то полноценной модели рациональных коммуникаций между людьми.

Гл.3

Анализ российской культуры с позиции высших ценностей

Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине.

Чаадаев

Оценивая современное историческое место российской

культуры по отношению к высшим ценностям исторического прошлого мировой истории, мы видим, что оно занимает очень скромное место. Можно прямо сказать, что в обозримом историческом прошлом они отсутствуют, поскольку здесь диалоги о высших ценностях как велись на уровне Ломоносова, так и ведутся в наше время, что ничего хорошего по отношению к ее будущему не предполагает. Эта культура, в основном, носит явно провинциальный характер, который был сформирован воздействием различных моделей цивилизаций, оказывавших на нее влияние в различные исторические эпохи. Но ошибаются те, кто пытается определять современное положение российской культуры как «варварское», замечая, что она как бы выпадает из того единого поля мировой цивилизации, где высшие ценности представлены отчетливо и бескомпромиссно, что, собственно, и является внутренней энергией развития событий мировой истории.

Многие пытались и пытаются в наше историческое время оценивать интеллектуальную позицию Чаадаева как позицию «западника», но он был всего лишь честный человек, обладающий разумом, что уже является своего рода приговором для человека, существующего в России, поскольку разумом здесь обладать не положено. Не положено в силу того, что нужно обязательно принимать позицию какого-то мифологического сознания: религиозного или научного, то есть придерживаться какой-то абстрактной системы представлений о ценностях, которая была бы доступна для понима-

ния всем. Однако природа исторического разума иная. Она, наоборот, предполагает, что разумное всегда существует в конфликте с социальными представлениями своей исторической эпохи, поскольку, заглядывая в историческое будущее, разум в своей объективной или субъективной позиции отрицает конечность любых человеческих представлений в любом поле исторической культуры. Ведь не трудно заметить, что все исторические поля мировой культуры постоянно меняются, причем часто радикально, как, например, изменилось религиозное поле европейских и восточных народов в момент перехода от политеистической веры – к монотеистической. Провинциализм российской культуры есть прямое следствие исторической ситуации отсутствия в ней позиции разумного человека. Причины отсутствия этой позиции есть результат отсутствия здесь какой-то системы рациональных коммуникаций, которая определяется в свою очередь системой отчетливых высших исторических ценностей. Пытаются здесь кого-то поднять на щит из своего исторического прошлого в качестве строительства самостоятельной модели цивилизации, но не получается, поскольку отсутствие отчетливой позиции разума исключает возможность строить только из одного поля культуры основы самостоятельной цивилизации. Мы попробуем разобраться с объективно разумной позиции, каковы здесь позиции мировой истории и мировой цивилизации в наше историческое время со стороны высших ценностей мировой истории, поскольку ни-

кто подобных усилий здесь не проявляет в силу отсутствия элементарных навыков рационального мышления.

В аспекте тех всемирно-исторических перспектив, которые определяют судьбу российской культуры и российской государственности, мы будет обращаться в первую очередь не к истории государства Российского до 17 года, а в большей степени к периоду советской культуры, поскольку феномен ее существования не осмыслен в наше время никем именно с позиции объективного исторического разума. Причины, по которым он не был осмыслен, следует видеть в отсутствии здесь понимания разумных законов мировой истории, что проистекает из отсутствия рациональной школы мысли как таковой. Одна из причин этого отсутствия проистекает из ограниченности двух подходов понимании истории: на базе религиозного сознания или на базе каких-то абстрактно научных представлений. Уровень современных российских «научных» журналов катастрофически низкий, когда возникает ощущение, что российская гуманитарная интеллигенция просто исчезла. Но ведь была же она когда-то хоть в какой-то минимальной степени!

Во-первых, сразу заметим, что понимание феномена советской культуры необходимо искать в отдаленных событиях мировой истории, причем с позиции фрактального подобия, поскольку любые исторические события повторяются, правда, в качестве неповторимости своей сложнейшей исторической картины целого. При этом, характер истори-

ческих событий, который протекал в XX веке, в целом, мы определяем, как процесс расовой катастрофы, то есть как процесс тектонических сдвигов высших бессознательных процессов психики, сопровождающийся катастрофическими последствиями для народов, находящихся в эпицентре развития мировых исторических событий. Во-вторых, не менее важный момент состоит в том, что характер развития мировых исторических событий не линейный, а фрактальный, то есть имеет место некое относительно периодическое повторение этих событий. Относительность подобной периодичности выражается в том, что духовные ценности не могут быть осознаны на уровне абстрактных законов науки, хотя конечно стремиться к их научному пониманию необходимо. Относительная возможность каким-то образом ограничить исторические события линейным законом понимания их развития является прямым следствием духовной составляющей этих событий.

Для понимания исторических событий XX мы должны возвратиться к событиям так называемой «катастрофы бронзового века», которая происходила ок. XIII в. до н.э., когда были уничтожены такие державы как Хеттская, Микены и Крит. В этот исторический момент потеряли свое значительное геополитическое влияние Ассирия и Вавилон, а Др. Египет был потрясен настолько, что выбыл из числа великих держав. Историки указывают на целый комплекс причин различного характера, начиная от нашествия «народов моря»,

массовую миграцию населению, многолетние засухи, землетрясения и другие причины. Но мы видим все-таки главную причину в глобальном переходе авангардных процессов развития мировой цивилизации на новый технологический уровень, который предполагал радикальную перестройку высших процессов психики человека, которая взаимосвязана с его наиболее глубокими процессами памяти.

Но в начале возникновения этих событий расовой катастрофы, которая сопровождалась началом Темных веков, мы встречаем нечто такое, на что должны обратить внимание в качестве главной причины событий этой расовой катастрофы. Оно выражается в нашем понимании в том, что в ближайших к этому времени исторических событиях произошла известная реформа в Др. Египте, сопровождавшаяся глобальным изменением всего образа жизни египтян: от религии – до искусства, которая состояла в том, что фараон по существу создал новый государственный культ, который стал первым опытом монотеистической религии почти за полторы тысячи лет до ее победоносного шествия в его мировой истории в качестве двух великих монотеистических религий: христианства и ислама. Речь идет о культе бога Атона, который был провозглашен единственным богом для сознания египтян, что было немыслимо для привычной для них на протяжении, по крайней мере, двух трех тысяч лет их существования власти ценностей политеизма. Этот культ сопровождался переносом культовых святилищ из старых храмов

на солнечный открытый свет, когда новый бог стал ассоциироваться с образом диска солнца. Как известно, на некотором историческом этапе времени этот культ стал последовательно уничтожать изображения традиционных египетских богов, чтобы утвердить себя в сознании. Но этот новый культ не прижился. После смерти фараона новая столица, которую он построил, город Ахетатон, пришел в упадок, на новый культ был наложен запрет, а новые правители Египта постарались стереть полностью память о новом культе и о самом фараоне Аменхотепе.

Поясним, почему нам важно углубляться в настолько отдаленные исторические события для понимания разумных законов развития мировой истории. Главная причина состоит в том, что эти события проливают свет на возникновение религии иудаизма, основоположником которой был пророк Моисей, на базе которой возникла религия христианства в наследии Ветхого Завета. Здесь мы принимаем гипотезу Фрейда о том, что Моисей был египтянином, который был одним из сторонников фараона Эхнатона и служителем культа единого бога, который он ввел в египетском государстве. Подобная гипотеза дает нам возможность понять, как духовные ценности переходят от одного народа к другому народу на бессознательном уровне взаимодействия различных культур, когда высшие ценности существуют т как сообщающиеся сосуды в качестве духовной эстафеты мировой истории. Как известно, Моисей вывел еврейский народ из

Египта, где он пребывал в рабском состоянии, когда в сознании еврейского народа была сломлена языческая вера и установилась вера в единого Бога. Заметим, что эта бессознательная духовная эстафета произошла еще полностью в языческом мире, который практически тотально доминировал после этого события почти полторы тысячи лет в мировой истории.

Переместившись в новейшие события мировой истории нашего времени, с учетом феномена появления культа Атона, единого бога, при фараоне Эхнатоне, мы обнаруживаем новейшую секту большевизма в России после гибели империи в 1917 году. Какая историческая картина перед нами? Здесь мы сразу замечаем, что и как полторы тысячи лет до н.э., это событие принадлежит времени, где обнаруживаются потрясения всех наиболее влиятельных империй: Османской, Российской, Австро-венгерской и Британской в XX веке. Их как будто что-то смыло во времени, вырвав из них их нравственное основание, но что это было за основание, на котором они держались в веках? Мы утверждаем, что этим основанием были государственные институты, которые сложились в них в процессе раскрытия торгово-промышленной модели мировой цивилизации. Другими словами, действия разумных людей в реализации проекта торгово-промышленной модели цивилизации определяло существование мировой цивилизации как нечто целое на определенном историческом промежутке времени. И вот в момент этой ми-

ровой мистерии распада старых представлений о ценностях и одновременного формирования кардинально новых представлений о ценностях, происходит резкий скачок в область неизвестности будущего проекта развития мировой цивилизации, космически-технологической, как в свое историческое время произошел прорыв от многотысячелетней истории языческого мира – к зачаткам веры монотеизма.

Главным моментом в понимании этих двух катастроф мировой истории, в первом случае, является переход от века бронзы к веку железа, а во втором случае, переходом от земных технологий – к космическим технологиям, когда последние в наше историческое время находятся пока в зачаточном состоянии в силу огромных экономических затрат на свои проекты. Основной вывод из оценки этих двух особых периодов мировой истории состоит в том, что цивилизация с первого момента своего возникновения всегда была чем-то целым, если мы рассматриваем ее с позиции разумных законов развития мировой цивилизации. Другое дело, что это целое протекало в тех местах, где концентрировались ее авангардные начала развития: технологические, религиозные, политические. Понятно, что вокруг этих авангардных мест присутствия цивилизации присутствовало определенное пространство варварства, которое часто характеризовалось уровнем развития первобытной культуры. Но необходимо понимать, что и в эти очаги варварства просачивались элементы цивилизации, правда, на самом примитивном

уровне.

Подобные исторические периоды мировой истории мы определяем, как периодические процессы расовой катастрофы, которые указывают на ее фрактальный характер. Последнее, характеризуется тем, что единая структура мировой цивилизации постоянно перестраивает свои звенья доминирующих ценностей культуры в проекции на энергию материи времени, которая определяет систему высших ценностей мировой цивилизации в данный исторический момент времени. Образно выражаясь, энергия материи времени топологически «выдувает» определенное пространство культуры на некотором историческом промежутке времени, а затем также топологически сжимает это активное поле культуры в ничто, где оно становится незначительным элементом исторического прошлого.

Не трудно заметить, что феномен советской культуры оказался вызовом единому проекту развития торгово-промышленной модели цивилизации, которая в момент его появления функционировала еще достаточно полноценно. Этот вывоз, в частности, выразился в усилиях по освобождению многочисленных колоний в мире, которые питали активность этой модели своими природными ресурсами. Но здесь ошибочно полагать, что феномен советской культуры был каким-то особым путем развития российской истории. Как раз наоборот. Речь идет о том, что в ее исторической судьбе произошел исторический перелом от одной модели миро-

вой цивилизации к принципиально другой модели в мировом масштабе, как подобным образом в момент возникновения культа бога Атона в Др. Египте произошел кардинальный перелом от языческого мира – к миру ценностей монотеизма. Правда, до возникновения новой модели цивилизации, опирающейся на ценности монотеистической религии, было еще далеко, но и в наше историческое время, судя по общей геополитической ситуации в мире до возникновения единой космически-технологической цивилизации тоже еще не близко. Не близко по очень многим причинам, не только геополитическим, но, в первую очередь, по возможностям научно-технического прогресса, которые являются слишком скромными в наше историческое время для развития этого исторического проекта. Наука в наше историческое время слишком слаба для реализации этого проекта.

Если мы сравним процесс утверждения нового культа бога Атона при фараоне Эхнатоне с утверждением коммунистической идеологии при советской власти, то найдем многие общие черты. Во-первых, это факт навязывание этой новой веры сверху, когда и народ Египта, и народы бывшей Российской империи оказались в мире, где старые боги были запрещены, а новая вера, можно сказать, опиралась ни на что со стороны традиционных ценностей, если не учитывать ту исключительную агрессивность, которая несла в себе племенная энергия большевизма. Вообще на этой агрессивной племенной энергии большевизма мы должны остановиться

особо, поскольку она указывает нам уже на другой аналогичный феномен мировой истории, открытый в своих субъективных размышлениях у Ницше. Мы имеем ввиду открытый им феномен энергии культа Диониса в др. греческой культуре.

Вообще, одним из наиболее выдающихся достижений философии Ницше было введение в историческое мышление философии метода дежавю, то есть опыт сравнительного подобия исторических событий прошлого, когда они предстают в самосознании как энергия жизни настоящего. Собственно, это и есть основа всей философии идеализма, с которой он всю жизнь так ожесточенно боролся. Так, бывает, что, когда человек настолько глубоко входит в конфликт со своим врагом, что практически полностью с ним отождествляется, чтобы найти его слабые места. Впрочем, в большей степени, как мы полагаем, этот метод возник в нем вследствие длительного изучения др. греческой культуры, когда ее высшие ценности буквально все пропитаны насквозь платонизмом, который тоже опирается на этот метод. Для нас в данном случае, важна оценка состояния высших ценностей своей исторической эпохи, которую произвел Ницше, заложив основы субъективного разума в качестве этого метода, который оценивает духовное здоровье своей исторической эпохи.

Понятно, что первый опыт резкого перелома мировой истории к новой модели мировой цивилизации всегда быва-

ет обречен. Он был обречен в реформах фараона Эхнатона, когда после его смерти сила многотысячелетней традиции восторжествовала. Аналогично, и очередной перелом к новому духовному пространству мировой цивилизации был обречен в своем первом опыте в советской культуре, где попытка прорыва к новой модели цивилизации прервалась в силу отсутствия какой-то нравственной основы в рациональной психологии, поскольку для такого резкого цивилизационного перелома должны существовать подобные основы. На одной вере вообще цивилизация не строится, поскольку она строится на самых жестких противоречиях исторической необходимости, когда самосознание оказывается во власти новейших коммуникаций, которых до этого не знал опыт мировой истории. Цивилизация, как мы полагаем, возникает на противоречии с верой, которая существует в качестве знакомых представлений культуры.

Философия Ницше дает нам некоторый ключ в понимании исторических событий XX века, когда показывает, что религия Диониса всегда сопровождает бунт подсознательных племенных инстинктов человека против исторических законов мировой цивилизации, то есть, по существу, против ее разумных законов. И действительно, дорийские орды, разрушившие микенскую цивилизацию бронзового века, были подвержены этой тотальной перезарядке энергии своей активности под воздействием перехода от одной модели цивилизации к другой модели, которая указывала на начало века

железа. Причем, если начала культа Диониса существовали в зачаточном состоянии еще в микенской цивилизации в XI в до н.э., то в процессе переплавки дорийских орд в спартанские союзы этот культ максимально активизировался в VIII-VII вв. до н.э., то есть, когда угасли последние следы влияния старой модели цивилизации в ее активности как псевдоцивилизации. Ведь псевдоцивилизация сопротивляется до последнего в том смысле, то необходимо историческое время, чтобы исторический опыт развития старой модели цивилизации в полной мере перешел к ее новой модели развития.

Часть II

Псевдоцивилизация – это историческое время, когда разума старой модели цивилизации уже нет, а разумной политической силы новой модели цивилизации пока еще нет

Гл.4
Подобие мировых исторических событий

Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной.

Чаадаев

Гибель Российской империи мы полагаем, безусловно,

трагедией, которая еще не осмыслена в полной мере, поскольку для ее осмысления должна существовать какая-то вменяемая среда по отношению к разуму в современной России, а ее пока здесь нет. Здесь пока самосознание человека полностью подавляют его племенные подсознательные инстинкты, то есть не сформированы еще основы рациональной психологии человека, на которую только и может опираться самостоятельная модель цивилизации. Но, с другой стороны, хотя здесь и произошел откат назад, то есть к спасительному опыту традиции, все-таки начало новой модели цивилизации было заложено духом российской культуры. При этом, опыт советской власти дал лишь опыт какой-то новой культуры, поскольку советская культура – это лишь культура, а не цивилизация, в том полноценном ее существовании, где выделяется и действует разумная индивидуальность человека. Советская культура предполагала лишь агрессивную активность человеческой массы, которая лишена опыта самосознания высших ценностей мировой истории. Именно по этой причине мы согласны с оценкой русской православной церкви, что это была лишь секта новой культуры, подобной в нашем понимании секте манихеев, возникшей в Темные века перехода от языческой модели цивилизации к цивилизации религиозной веры монотеизма на границе VI -VII от Р.Х., или секте бога Атона в Др. Египте при фараоне Эхнатоне на границе XIII в. от Р.Х.

Всем известно, как высоко оценивал русскую пословицу

«ни жив, ни мёртв» Шредингер, использовав эту противоречивую оценку для описания свойств квантового мира. Мы также будем ее использовать в оценке высших ценностей мировой истории в нашу историческую эпоху, поскольку существование их в самосознании и является критерием меры активности мировой цивилизации в определенный исторический период времени. И как мы видим, высших ценностей практически нет в современных дискуссиях, которые ведутся на различные интеллектуальные темы в массовом сознании, поскольку массовое сознание их в принципе не предполагает. Так, мы не случайно начали с диалога Македонского и Диогена, когда массовое сознание обтекает позицию разумной индивидуальности со стороны, стараясь всем чем-то только можно заблокировать действие разумной индивидуальности человека в мировой истории: смешками, интригами, животным вожделением или агрессией своего безумия. И если современный постмодернизм попытался систематизировать это усилие массового сознания в его попытке сопротивляться разумным ценностям, то это говорит о том, что псевдоцивилизация в процессе своего распада выстраивает определенную «систему» своих иррациональных связей массовой культуры, выдавая их за присутствие «цивилизации».

Понятно, что дух высших ценностей – это особый дух мировой истории, который действует в ее авангардных связях, где главным его критерием является то, что касается судьбы

всех народов, поскольку демонстрирует вектор направления развития мировой цивилизации. С другой стороны, он вступает в противоречия с тем духовным наследием прошлого, которое потеряло достаточный запас внутренней энергии во времени, перезаряжая его новейшей энергией рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Так, например, было в момент перехода от языческого мира к миру религиозных представлений ценностей единого Бога. И главным критерием активности в определенный период развития мировой цивилизации в качестве доказательства ее существования, как мы полагаем, является наличие активности разумной индивидуальности человека, которая привносит в мир великие идеи ее изменения. Но в эпохи Темных веков качество человека резко снижается вследствие снижения активности возможностей разумного понимания мира, хотя великий социальный миф своей исторической эпохи, наоборот, достигает в это историческое время своей абсолютной власти. Так было в момент гибели Римской империи, когда активность духа высших ценностей уже ушла в прошлое, а зачаточные связи религиозных ценностей монотеизма лишь с трудом теплились за закрытыми стенами монастырей; и так происходит в наше историческое время, когда мифологические ценности сциентизма зачистили любую возможность для разумного человека вести диалог с себе подобным. Но ведь время диалога великих людей когда-то существовало в мировой истории, на что указывает выбранный нами пример диалога

Диогена и Македонского (предположительно он произошел в 336 году до н. э. в Коринфе (точнее — в пригороде Крании).

Проблема состоит в том, что выдающаяся личность в мировой истории – это феномен не биологический, а моральный. Причем, моральный аспект появления подобной личности в мировой истории обусловлен не ее биологической исключительностью, а прямо противоположным тому, что выражает активность биологической природы человека, то есть исключительным пренебрежением к этой биологической природе в любом поле культуры: в религиозном, в философском, в политическом, за исключением, быть может, поля науки, хотя и в нем прослеживается, в основном, эта логика. В этом вопросе Фрейд продвинулся только по минимуму, утверждая, что основы культуры создают вытесненные влечения, то есть он ограничился в своем учении лишь исследованием феномена бессознательном со стороны его массовой природы. И действительно, культура, которая в любом случае имеет свое подтверждение в каком-то массовом поле исторических ценностей, функционирует за счет вытеснения подсознательных влечений энергией известных абстрактных представлений о мире. Для обыденных представлений о реальности подобного характера действия воли человека достаточно, чтобы этот минимальный заряд его воли был активен для его непосредственного бытового сознания. Но для существования в энергии рациональных ком-

муникаций подобной энергии явно недостаточно, поскольку энергия массового бессознательного – это энергия минимальных ресурсов подсознательной памяти человека, в пределах которой он балансирует между животным миром и миром разумной действительности. Он то заваливается в первый мир, теряя свой человеческий облик, то, хватаясь за какую-нибудь абстракцию, переваливается в мир человеческого общения, которое, однако почти полностью лишено какой-то элементарной разумной рефлексии поведения в качестве выполнения своего долга перед высшими ценностями. Последнее, характеризуется уровнем дискуссии в современных социальных сетях, где наличие разума исчезает практически полностью, а на первый план выдвигается активность либидинозных связей массового подсознания. Через массовое бессознательное в энергетические импульсы подсознательной воли сознание человека получает весь многообразный информационный материл о внешнем мире природы, который выражает коммуникационный уровень сознания.

Причины, в силу которых в России произошел откат от передовых позиций в устремлении к новой модели мировой цивилизации в сторону традиционных ценностей, аналогичен тому откату к наследию традиции, который произошел после попыток фараона Эхнатона утвердить в стране культ единого бога Атона. Другими словами, подобный процесс следует полагать исторически необходимым, поскольку контуры новой модели цивилизации заявляют о себе издалека,

при этом тотально нарушая тот многовековой, а то многотысячелетний уклад жизни, который складывался в цивилизации как доминанта власти патриархального духа над животными влечениями души. Подобный пример мы, в частности, находим в появлении христианской общины коптов в Египте в III–IV веках, когда сознание единого Бога возникает из глубин высших процессов памяти и постепенно начинает уже триумфальное шествие в мировой истории, наращивая в мировой истории свою власть над самосознанием человека. Другими словами, сырость великой идеи, меняющей судьбу мировой цивилизации, первоначально должна провариться в высших процессах памяти в столкновении со знакомыми ценностями, которые привычны для непосредственного образа жизни человека. Но это не говорит о том, что, появившись в сыром виде, в смутных контурах своего присутствия в сознании, великая идея умирает.

В момент появления первых христианских общих в III–IV веках от Р.Х., как известно, стали возникать и очень влиятельные мировые секты, например, манихейство, когда единственным государством, где оно смогло прийти к власти – это был Уйгурский каганат в 762–840 годах, где манихейство стало официальной государственной религией. Ведь манихейство тоже частично опиралось в своей идеологии на религиозные ценности Нового Завета, то есть на новейшие великие идеи своего исторического времени. Рассматривая причины, в силу которых большевизм в своей агрессивно био-

логической энергии смог захватить власть в Российской империи, мы находим их в слабости ее государственных институтов, поскольку государственные институты всегда опираются на те или иные рациональные коммуникации между людьми. Здесь не стоит забывать, что еще за три столетия с половиной до гибели Российской империи, Москва была сожжена крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Причем, это произошло уже после взятия Казани в 1552 году войсками Ивана Грозного. Поэтому рецидив взрыва племенной энергии большевизма был здесь вполне естественным по той причине, что за три столетия существования государства здесь не могли сложиться устойчивые государственные институты, они были исторически рыхлыми по отношению к потенциальным возможностям внутренних социальных потрясений.

Но слабость государственных институтов Российской империи не может объяснить феномен появления в ней зачатков новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, ибо для объяснения этого феномена должны быть найдены, наоборот, какие-то исключительно позитивные начала ее культуры. И таковые находятся в интеллектуальном течении так называемого «космизма». Причем, если со слабостью государственных институтов в России должно быть все ясно, то с появлением русского космизма необходимо искать основы прямо-противоположные слабости цивилизационных основ культуры, то есть не в чем-то биоло-

гически-племенном в энергии подсознания, а в разумных процессах мировой цивилизации в развитии мировой истории. В русском космизме, как известно, переплетаются по крайней мере, два поля культуры: религиозное и естественно-научное, когда главной причиной его появления является предпосылка для исторического возникновения новой модели мировой цивилизации. И в этом смысле мы должны отделить идеологические ценности секты коммунизма от элементов новой модели мировой цивилизации, которое сопровождали ее мистериальное явление в российской истории.

Для нас главным критерием существования реальности мировой цивилизации является активность в ее рациональных связях определенных высших ценностей, то есть ценностей, которые разделяют все разумные люди на Земле. Так было, например, в историческое время почти полного доминирования ценностей монотеистических религий в историческом сознании в Средние века или власти ценностей фундаментальной науки до недавнего исторического времени, когда они владели умами выдающихся людей на определенном историческом промежутке времени последние три столетия в реальности торгово-промышленной модели мировой цивилизации. Эти ценности в качестве философского наследия средневековой схоластики и классической западноевропейской философии питали сознание человека разумной полнотой мира, как, впрочем, и классическая литература, и искусство. Но в наше время их огонь все слабее и сла-

бее влияет на сознание людей, поскольку расовая катастрофа тектонических изменений высших процессов памяти человека указывает ему на кардинально изменившуюся картину мира, где разумное целое окрашено какими-то зловещими тонами эмоциональных образов текущей реальности, как будто все горит в невидимом огне неизвестности наступающих исторических событий.

У нас есть собственная концепция феномена массовой культуры и ее производной, массового общества, которая сводится к факту постепенного исчезновения рациональных коммуникаций в отчетливой модели мировой цивилизации, где ранее доминировали высшие ценности жизни. Нам известны негативные оценки массовых ценностей европейскими интеллектуалами, такими как: Шпенглер, Ортега-и-Гассет, Ясперса, Бодрийяр и Хайдеггер, когда появление массового сознания стало постепенно возобладать над разумом в период 1920-1960 гг. Но все эти оценки, как правило, сводят негативность его исторического появления к разрушительному воздействию цивилизации на культуру, что в принципе не может дать ответ на феномен его возникновения. Во всех этих оценках мы обнаруживаем отчетливое отсутствие главного, что может пролить свет на понимание проблемы этого явления разумного понимания, поскольку человеческие эмоции – это не лучший помощник в таких вопросах. Рассудочные же схемы, которые привлекаются в исследовании подобного вопроса, лучше в наше историческое время исполь-

зует ИИ, поскольку он в большей степени способен переработать решение какой-то поставленной задачи на основе возможностей своих алгоритмических операций в любом поле культуры. Другое дело, что решение любой поставленной задачи ИИ сводит к массовому сознанию того поля культуры, в пределах которого эта задача поставлена, то есть не ответит разумно на поставленный вопрос, а лишь опишет наиболее оптимальную логическую схему ответа.

Таким образом, хотя европейские интеллектуалы и попытались более-менее внятно ответить на исторический вызов времени в оценке текущих исторических событий, их ответы существуют за пределами разума, где: либо феномен научно-технического прогресса объявляется панацеей от всех бед, либо, наоборот, оценивается как источник этих бед. Так, одни пытаются оправдать и надеяться на ценности научно-технического прогресса, что приводит к исторической необходимости делегировать все разумные суждения ИИ, либо, наоборот объявить научно-технический прогресс современным врагом человечества как мировое зло цивилизации. Все эти интеллектуальные позиции мысли всем хорошо известны, и нет смысла на них останавливаться. Основная их слабость – это слишком примитивное понимание мировых исторических событий, то есть отсутствие понимания в них каких-то разумных оснований как логики их явления.

Из всех вышеназванных европейских интеллектуалов, которые пытались ответить на остроту противоречий своей ис-

торической эпохи, ближе всех к пониманию феномена псевдоцивилизации подошел Шпенглер, но не со стороны разумного понимания этого явления, а лишь в качестве рассудочно описательной схемы. Его, как и всех вышеупомянутых европейских интеллектуалов, в основном, интересовало оскудение полноты высших ценностей своей исторической эпохи, в чем он, как известно, винил разрушительные процессы «цивилизации». Во многом осознание феномена псевдоцивилизации было осмыслено мной именно после размышления над его работами, где этот феномен он называл «феллахской культурой». Нащупав пространство псевдоцивилизации в его основных признаках: исчезновение связи с духом высших исторических ценностей, появление «народов-трупов», культ массового потребления и тому подобное, он описал эти состояния псевдоцивилизации в тех культурах исторических народов, которые, как он полагал, были частью мировых исторических событий. Но абстрактная схема рассудка не подходит для понимания мировых исторических событий по той причине, что мировая история определяется своим духовным потенциалом, который необходимо разделять своим разумом, чтобы быть ему причастным. В этом смысле, никто из вышеуказанных интеллектуалов не смог привлечь возможности рационального мышления, поскольку в это историческое время они почти исчезли в европейской интеллектуальной среде.

Гл.5
Феномен псевдоцивилизации

Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями.

Чаадаев

Хотя Шпенглер не смог дать рационального определения псевдоцивилизации, именно он натолкнул меня на идею о фрактальном характере течения мировых исторических событий, которые, во-первых, обладают подобием; а, во-вторых, различаются определенной топологической архитектоникой своего пространства ценностей. Можно сказать, что он был первый, кто показал, что культуры исторических народов различает их архитектоника пространства исторического времени, где материальные артефакты во всем их многообразии указывают на это подобие, которое, правда, различает их фрактальная неповторимость. Неповторимость состоит именно в отдельных элементах этой архитектоники пространства, как, например, египетских пирамид, др. греческой скульптуры или западноевропейской живописи. Наибольшая близость в понимании исторического феномена псевдоцивилизации, в отличии от других мыслителей, обусловлена у Шпенглера тем, что немецкая культура вступила в торгово-промышленную модель цивилизации последней, с трудом преодолев средневековую раздробленность за

счет реформаторской деятельности протестантизма. Поэтому в какой-то степени она оказалась частично свободна от того процесса тотального распада торгово-промышленной модели цивилизации, который активизировался в XX веке, будучи вызванным процессом расовой катастрофы, то есть постепенным забвением духовной взаимосвязи с высшими ценностями мировой истории. И, собственно, этот разрыв с духовным наследием высших ценностей она пережила наиболее болезненно, на что указывает, в первую очередь, философское наследие Ницше как феномен метода дежавю в бессознательной реакции на исчезновение в памяти этого наследия высших ценностей мировой истории.

У Шпенглера, как, впрочем, и у подавляющего большинства мыслителей, пытавшихся понять феномен псевдоцивилизации, наивысшую ценность имеет великий миф, который является «душой» той или иной культуры, что в принципе правильно. Однако мифология сознания – это как раз то, что противостоит разумным историческим законам мировой цивилизации, а потому подобная позиция рассудочно-описательного понимания мировой истории и приводит к выводам о «закате Европы». Но с позиции разумных законов развития мировой истории именно цивилизация формирует полноту пространства культуры, поскольку цивилизация – это энергия материи времени, во власти которой существуют одновременно все народы в определенную историческую эпоху. Другое дело, что вклад этих народов в мировую историю

со стороны высших ценностей различный. Например, если оценить вклад африканских народов в эпоху диалога Македонского и Диогена, то они почти все существовали на уровне первобытной культуры, хотя процессы развития мировой цивилизации проникали и в их судьбу, особенно через территорию северной Африки, через Египет и Эфиопию, которые находились ближе к эпицентру мировых исторических событий. Но судьба мировой истории решалась все-таки в том эпицентре исторических событий, где происходил диалог Диогена и Македонского. Существованием одновременности всех отдельных полей культуры народов является космический ритм высших процессов памяти, который характеризуется наличием у всех народов культа предков. Можно сказать, что судьбы всех отдельных народов колеблются в одном космическом ритме мировой истории, создавая лишь локальные очаги пространства культуры. Правда, Шпенглер тоже пишет об этом космическом ритме, однако этот ритм не выделятся им как основание разумных законов развития мировой истории, а характеризуется лишь как нечто мифологическое в сознании, где преобладают рассудочные оценочные конструкции «фаустовской» или «аполлонической» души. Понятно, что в наше историческое время, когда научно-технический прогресс использует уже научное биоинспирированное конструирование нейронных сетей ИИ, то есть учёные берут за основу принципы, которые осмыслены в биологии, и переводят их на язык математики, этот оценочный

подход явно является архаичным. Подобный подход годится для художника, который мыслит мир образами, но для рациональной мысли главное понять явление через его внутреннюю сущность, которая соответствует авангардным достижениям современного рационального мышления.

Однако для своего исторического времени, подход в понимании мировой истории у Шпенглера был, безусловно, интеллектуальным прорывом. Этот прорыв характеризовался тем, что он выделил космический ритм как нечто единое для судьбы всех мировых народов, в котором их развитие колеблется в этом ритме около какого-то одного центра высших ценностей мировой истории, или хотя бы по минимуму – вокруг того или иного культа памяти предков. Наша позиция отличается от его подхода тем, что мы пролагаем, что описательная схема абстрактного рассудка в принципе не способны понять разумные законы развития мировой цивилизации, поскольку они в любом случае сводятся к массовому сознанию, а массовое сознание всегда противостоит разумным законам развития мировой цивилизации, рассматриваем ли мы наше историческое время или время эпохи Македонского и Диогена. Попытка рассудка лишь абстрагироваться от событий мировой истории, а не разделять их в энергии причастности своего индивидуального духа, неизбежно приводит лишь к поверхностным ее оценкам. Человек как бы смотрит на историю со стороны, как будто просматривает документальную последовательность историче-

ских фактов в определенной картине событий, которые связываются не изнутри, то есть со стороны их духовного единства, а с поверхности той выбранной рассудочной схемы, которая произвольно выбрана для изложения этих фактов.

Единственный опыт понимания исторических событий изнутри их духовной составляющей с позиции высших ценностей, как мы полагаем, следует видеть в философском наследии Ницше, который реанимировал основополагающий принцип истории философии идеализма с неожиданной стороны. Он прямо высказался в том смысле, что грядет принципиально новая культура новой модели мировой цивилизации, которая сожжет предшествующий ей опыт. И действительно, племенные орды фашизма, большевизма и маоизма были теми разрушительными полями провозвестников новой культуры, которые, как в свое время, народы моря, разрушили могущественные цивилизации Др. Востока. Понятно, что современная интеллектуальная среда социальных ценностей псевдоцивилизации пытается приукрасить произошедшие трагические события современной мировой истории, конструируя эти обломки старой модели как нечто целое, но время не обманешь. Мировая история пережила не одну историческую модель цивилизации, которая также цеплялась за свои обломки в своих попытках сохранять влияние в мире, который потерял свое разумное основание.

В работах Шпенглера заметно влияние идей Ницше. Но все-таки если Ницше является философом первого ранга по

уровню радикальности влияния своих идей, захватывая элементарные позиции субъективного действия исторического разума своей исторической эпохи, то у Шпенглера это отсутствует. Ведь главный критерий разумного понимания действительности состоит в том, что при даже самой негативной оценке ценностей своей исторической эпохи разум должен показывать перспективу для дальнейшего развития мировой цивилизации, поскольку разумное понимание исторических событий всегда указывает на будущее, будь это субъективная или объективная позиция философской мысли. Поэтому самое слабое место исторической концепции Шпенглера – это отсутствие разумной логики исторических событий, а позитивный момент состоит в появлении интуиции фрактального хода мировой истории, который просматривается в понимании конструктивного строения подобия отдельных культур исторических народов. Другими словами, наиболее ценным является описательный метод возникновения, становления, расцвета и гибели отдельных культур исторических народов как подобных друг другу фрактальных структур в их архитектуре, науке и политическом строении социального целого.

Рассматривая процессы мировой истории с объективно-рациональной основы духовной природы ее высших ценностей, мы полагаем, что что эти ценности демонстрирует именно цивилизация, а не культура. Культура может разделять разумную природу мира, а может и не разделять, то-

гда как духовная основа высших ценностей всегда требует присутствия исторического разума, какое бы поле культуры мы не рассматривали. Одним из наиболее таких ярких исторических примеров является диалог между Македонским и Диогеном. Например, первобытная культура африканских народов в момент диалога Македонского и Диогена их не разделяла, поскольку эти ценности цивилизации в нее еще не проникли. Но в момент расцвета торгово-промышленной модели цивилизации, когда в ней еще была активна разумная индивидуальность человека, эти ценности проникли и в африканские народы, и в наше историческое время африканские столичные офисы и супермаркеты уже практически не отличить от европейских. Правда, социально бытовые комплексы культуры – это все-таки не цивилизация. В наше историческое время они демонстрирует лишь обезличенную массовую инфраструктуру псевдоцивилизации. Однако прогресс воздействия цивилизации в прошлом – как результат в наше историческое время радикальных изменений судьбы всех народов все-таки налицо. Возникла промышленная инфраструктура, появилась сеть железных дорог и авиалиний, то есть первобытная культура отступила под внешним воздействием мировой цивилизации.

Таким образом, главным критерием существования мировой цивилизации в реальности является диалог разумных людей о ценностях, которые определяют ее будущее, примером которого является диалог Диогена и Македонского.

Здесь мы видим, что в наше историческое время этот диалог исчез, а вместо него появились многочисленные дискурсы о различных «цивилизациях», то есть разговоры за пределами существования цивилизации, но зато в качестве диалога различных полей культуры. Однако диалог культур – это не диалог в пространстве разумных законов мировой цивилизации, поскольку происходит в качестве обмена мнениями в пределах различных абстрактных схематичных мыслей, уровень которых даже ниже уровне алгоритмических возможностей ИИ. Понятно, что в XX веке этот диалог еще существовал, но он стал стремительно затухать к его концу, все более выявляя собой феномен псевдоцивилизации. По существу, то, что называется в наше время в массовой культуре «диалогом цивилизаций» является диалогом за пределами разума на основе массовых ценностей современной псевдоцивилизации. Он ведет лишь к дальнейшему распаду цивилизации, не более того, хотя современная ООН и декларирует этот «диалог цивилизаций», по отношению к разумной действительности он предполагает лишь диалог культур, который, как мы видим по современной геополитический ситуации в мире, к какому-то компромиссу между различными геополитическими силами не ведет. Не ведет по той причине, что в подобных диалогах должны участвовать разумные люди, как это место быть в диалоге Диогена и Македонского.

Основную причину, в силу которой исчез этот диалог между разумными людьми, по крайней мере, в два послед-

них десятилетия, мы полагаем в том, что ценности фундаментальной науки в процессе своего развития постепенно трансформировались в великий миф своего времени. Эта ситуация подобна той, которая сложилась Темные века, когда острота и глубина откровений великих пророков исчезла, а рост многочисленных церквей и монастырей начал заниматься лишь углублением и распространением в массовом сознании их наследия. Аналогичным образом, и в наше историческое время, которое можно условно определить, как первый век наступления очередных Темных веков, фундаментальная наука как могущество власти разума в системе рациональных коммуникаций торгово-промышленной модели цивилизации почти исчезла, тогда как ее локальные очаги не могут заменить собой ту остроту и глубину фундаментальной науки на основе которой развивалась эта модель. Например, социальная теория марксизма исходила из того, что торгово-промышленная модель мировой цивилизации будет развиваться еще достаточно долго, лишь совершенствуя собственность на средства производства. Однако, как мы видим, речь в наше историческое время идет о перепроизводстве, когда началась смертельная борьбы за рынки сбыта, в котором участвуют уже не национальные государства, а лишь транснациональные компании, то есть тот суррогат цивилизации, который не предполагает собой существование разумной действительности. Он предполагает лишь реальность сознания работника и работодателя, то есть

массовую социальную среду исключительно средних интеллектуальных способностей человека, но проявляющих значительные навыки в области научно-абстрактного мышления.

Какова же была роль России в этой геополитической системе ценностей современной псевдоцивилизации? Не сложно заметить, что до недавнего времени эта геополитическая роль сводилась исключительно к источнику сырья и той дешевой интеллектуальной силы, которую можно купить по значительно меньшей себестоимости, чем аналогичную в западноевропейском мире. Геополитический конфликт, который возник буквально на наших глазах, был обусловлен тем, что эти политические силы современной псевдоцивилизации посчитали, что Россия настолько слаба, что вполне достаточно в ней тех компрадорских сил, которые всегда надежно сдавали национальные интересы тех стран, куда транснациональные компании приходили со своими экономическими интересами. Однако ситуация развернулась в другую сторону, что говорит о том, что в современной России какие-то национальные силы все-таки еще остались, хотя и существует в разрозненном хаосе своих действий. Последнее, объясняется тем, что новый геополитический проект мировой цивилизации, который зажегся в России в XX веке, как в эпицентре мировых исторических событий, не предполагает реализацию национальной воли только на Земле, исторически требуя распространения ее в космос. Но по-

скольку для реализации этого нового проекта развития мировой цивилизации слишком мало ресурсов: финансовых, морально-психологических и научно-технологических, то в наше историческое время она временно откатилась назад, к спасительному теплу традиции. Это нечто подобное тому, что произошло после смерти фараона Эхнатона, когда была восстановлена власть традиционных ценностей египетского сознания.

Мы видим, что торгово-промышленная модель цивилизации в западноевропейском мире начинает стремительно сыпаться, когда в ней начал доминировать спекулятивный капитал, который ничего не производит, а лишь создает очередные финансовые пузыри. Другими словами, то, что когда-то было какой-то рациональной системой, регулирующей внутренние процессы торгово-промышленной модели мировой цивилизации, практически исчезло в наше историческое время, когда все ждут глобальный экономический кризис, который превзойдет все ранее известные по своей разрушительной силе. Вероятно, в этот момент и произойдёт объединение тех здоровых политических сил мировой истории, которые в наше историческое время находятся в состоянии формирования. Но определять эти политические силы, как когда-то Маркс определял свое виденье этой своей политической силы как «мировой пролетариат», мы не будем. Мы лишь должны описать ту политическую систему, которая только одна способна вывести мировую цивилизацию из

состояния очередных Темных веков.

Вообще, нужно честно признать, что диалога уровня Македонского и Диогена, то есть диалога в эпицентре событий мировой истории, в России не было никогда, то есть здесь никогда разумные индивидуальности не вступали в диалог такого уровня, тогда как дискуссия на основе какого-то абстрактного схематизма мысли к разумному диалогу не относится. Поэтому современная российская гуманитарная мысль и ушла в наше время в глухую оборону, что боится диалога на уровне мыслящего разума, поскольку нужно что-то сказать по поводу исторического будущего мировой цивилизации, которое неизбежно наступит, а она к этому не готова. Она готова, как это всегда было ей свойственно в последнее столетие, производить свои пролетарские агитки, что в принципе лишает ее какого-то исторического будущего. Но полноценная философская мысль имеет такую особенность, что ей вполне достаточно черпать диалог своего содержания с метафизическим началом мира, чем собственно мы и занимаемся. Можно было бы подискутировать с кем-то из западноевропейских интеллектуалов, но последний интеллектуал мирового уровня по качеству полноценной мысли был Ницше, то есть и здесь разумный диалог полностью заглох. Последнее, есть следствие перехода западноевропейской модели развития в состояние псевдоцивилизации.

Феномен псевдоцивилизации мы определяет не с позиции научной мысли, ценность которой в наше время мы относим

в большей степени к мифологическому мышлению, а с позиции метафизического начала мира, которое открылось в XX веке в качестве загадки энергии материи времени, и которая является в нашем понимании подлинным основанием процесса исторических событий мировой цивилизации. Это не говорит о том, что для нас ценность фундаментальной научной мысли не имеет значения, – наоборот, мы полностью придерживаемся ее основания в том, что касается ценностей реальности. Однако сознание реальности – это не ценности самосознания в разумной действительности, то есть культура – это не цивилизация. Любое пространство культуры – это что-то земное, что-то временное, что дает возможность обладать энергией материи времени лишь на каким-то ограниченном промежутке человеческой жизни, где история мировой цивилизации оставляет свой след. Если разум активен в определенный исторический момент времени, то цивилизационный процесс присутствует на этом отрезке времени; если власть разума ослабевает, то племенные подсознательные инстинкты подавляют самосознание человека, и его сознание оказывается во власти животных инстинктов. При этом мы видим, что каждая новая модель мировой цивилизации – это выжимка из ее предшествующей модели. Например, возникающая историческая модель монотеистических религиозных ценностей – это выжимка последнего противоречивого опыта существования ценностей Римской империи, а модель торгово-промышленной модели цивилизации – это

опосредствование ценностей эпохи позднего Средневековья, которая передает комплекс своих исторических противоречий новой модели развития мировой цивилизации. Но не существует цивилизации вне иерархии ценностей, поскольку отсутствие этой иерархии есть признак существования псевдоцивилизации.

Если одним из наиболее выразительных примеров иерархии высших ценностей мировой истории может служить диалог Македонского и Диогена, то вопрос о качестве присутствия мировой цивилизации в определенной культуре мы будем соотносить с оценками ее в России Чаадаева. Ведь Чаадаев был первым, кто поставил вопрос о различении культуры и цивилизации в российском интеллектуальном опыте, что сразу же послужило причиной объявить его «сумасшедшим». По крайней мере, хорошо уже то, что он не был казнен, как Сократ, то есть российская власть оказалась значительно более гуманней, чем социальная среда Др. Греции. И действительно, не трудно заметить, что все разумное, за редким исключением, вступает в конфликт с социальными представлениями своей исторической эпохи, поскольку самосознание всегда существует в противоречии с сознанием, как дух всегда существует в конфликте с материей. И если Сократ был одним из первых, которого следует полагать родоначальником в процессе становления европейской цивилизации в мировой истории, то Чаадаева необходимо полагать родоначальником русского самосознания, который по-

требовал осмыслить начала мировой цивилизации в России.

Гл.6
Конфликт разумных и неразумных ценностей жизни

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, — только бы ее не обманывать.

Чаадаев

Существуют мифологические конструкции сознания, которые не выходят за пределы абстрактного схематизма мысли, используемые социальным мышлением на уровне массовых коммуникаций, а есть и рациональное содержание мысли, которое всегда находится к оппозиции к массовому сознания. Так, словосочетание «западный мир» и «западная цивилизация» – это штамп, используемый на уровне массового сознания, который предполагает, что есть некая монолитная сила, которая утвердилась за счет своего единства в мировой истории. Но в действительности все обстоит не так, в разумной действительности все обстоит в точности до наоборот. Так, на самом деле западноевропейская модель цивилизации является непримиримым конфликтом разумных людей с массовым сознанием в ее историческом пространстве, который и создал эту модель цивилизации, когда первое, что приходит на ум в качестве исторического

примера, – это религиозная позиция Лютера, стоявшего у истоков протестантизма. Ведь он тоже был обречен в своем протесте против католической церкви в ее продаже индульгенций, если бы его не поддержала немецкая аристократия. После того как папа Лев X отлучил Лютера, а император Карл V на Вормсском рейхстаге (1521) объявил его вне закона (Вормсский эдикт), реформатор фактически оказался в правовом вакууме. Только покровительство курфюрста Фридриха Саксонского (Фридриха Мудрого) спасло Лютера: курфюрст укрыл его в замке, где тот, в частности, перевёл Новый Завет на немецкий язык. Так, как мы видим, великие идеи почти всегда выступают против всего того, что навязывается «социальным сознанием» в качестве непререкаемых истин своей исторической эпохи.

Но что значит – «иерархия ценностей» мировой цивилизации? Мы полагаем, что речь идет о существовании диалога между разумными людьми, который и создает базу рациональных коммуникаций своей исторической эпохи. Источником подобного диалога следует полагать противопоставление самосознания разумной индивидуальности человека – конечности социальных представлений своей исторической эпохи, ибо любые социальные представления, доминирующие на определенном историческом промежутке времени в определенной культуре, являются компромиссом: между сознанием и самосознанием, то есть между подсознательным инстинктом самосохранения человека и высшим чувством

долга, которое требует от него его разумная природа перед разумным началом мира. Но именно великие идеи мировой цивилизации и рождают это высшее чувство долга, который вступает в конфликт с массовым существом человека, то есть с его животным состоянием души. Причем, найти в чем-то земном это высшее понятие долга мы не можем, поскольку это тот космический ритм жизни, в котором существует разумная воля человека, каким бы диапазоном энергии она не обладала, начиная от самого минимального ее проявления в сознании массовых ценностей и заканчивая следованием великим идеям своего исторического времени. Воля, можно сказать, рвет с энергией подсознательных влечений, бросая самосознание человека в самые глубокие воспоминания его высших процессов психики. Именно из глубин метафизических процессов бессознательной памяти и рождаются великие идеи в процессе развития мировой цивилизации. Воля – это граница, по которой высшие ценности контактируют с пространством ценностей любого поля культуры.

Таким образом, если мы хотим понять разумные начала цивилизации, мы должны разграничить ее ценности от тех массовых стереотипов понимания, которые стали преобладать в современном пространстве псевдоцивилизации. Цивилизация – это не массовое целое, культ которого тотально доминирует в наше время и является критерием успеха в современном социуме, если некоторое достижение человека в какой-то области распространяется на максимальное чис-

ло людей, но дух максимальных противоречий между разумным содержанием ценностей и любой системой конечных абстрактных представлений о мире. Еще полтора столетия назад, когда в европейском мире существовали позиции разумных людей, система ценностей была кардинально иная. В ней на первом месте была сила идеи, которую индивид привносил в ценности мировой культуры, причем не принципиально какая была эта идея – философская или научная. И существовала разумная дискуссия, когда эту идею готовы были обсуждать те, кто разумом все-таки обладал, хотя бы в минимальной степени. Но что мы видим в наше время? Мы видим, что современные «философские» журналы больше вызывают ощущение полной потери разума человеком, когда уж лучше в них не заглядывать, чтобы свой разум не потерять. Значит, цивилизация – это иерархия великих идей мировой истории, которые резко меняют ход мировой цивилизации в различных полях культуры: религиозном, политическом, научном или философском.

В самой упрощенной рациональной оценке философского понимания, пространство – это культура, а цивилизация – это время, когда первое дает возможность человеку право выбора, а второе требует от него выполнения долга. И как только сознание высшего нравственного долга исчезает, исчезает и присутствие цивилизации в разумной действительности, хотя имитация ее в сознании реальности остается. Главным моментом здесь является то, что пространство,

полное жизни, веры людей, их надеждами и доверием к этому миру, вдруг исчезает в тот момент, когда его перестает поддерживать дух высших ценностей, хотя низшие ценности конечно же остаются. Но воспоминание об этом мире высших ценностей все-таки остается. Оно дискретно возвращает память к этому утраченному миру, к пространству, которого уже нет, поскольку опустошенность, возникающая после его утраты, и есть те ценности нигилизма, которые всегда характеризуют начало возникновения новой модели цивилизации, то есть историческое время, когда старой модели цивилизации уже нет, а новой пока еще нет. Европейской нигилизм силы – это вообще метод дежавю воспоминания всего прошлого великих идей мировой истории, где невозможно остановиться для своего спасения, а есть лишь бесконечный процесс утраты самого себя перед истиной существования духа в великих исторических событиях.

К сожалению, особенностью становления новой модели цивилизации является то, что перед своим появлением она сметает на своем пути все. Нельзя полагать этот процесс только чем-то человеческим в том смысле, что человек вдруг начинает разрушать все ценности, которые были ему очень близки до этого момента времени. Так, искать какие-то экономические или природные причины появления этих агрессивных племенных орд, таких как «народы моря», или племенные силы: фашистов, большевиков или хунвейбинов – слишком поверхностно, поскольку в этом случае исчеза-

ет разумное понимание исторических событий и, как следствие, различие между явлением цивилизации и псевдоцивилизации. Подобная мифология триумфального шествия научно-технического прогресса: от зачатков его в первобытной культуре – до современного постиндустриального века, должна все-таки остаться уже в прошлом, если мы хотим понять разумные законы развития мировой истории. Подобная мифология может в наше историческое время обслуживать лишь социальные интересы современной псевдоцивилизации, а не действующий разум.

В понимании новой модели цивилизации мы не стоим на позициях ценностей научно-технического прогресса, определяющих существо абстрактного рассудка нашей исторической эпохи, поскольку он требует обязательно разрушения всего того, что веками складывалось в традиции. Ведь научно-технический прогресс стал великим мифом нашей исторической эпохи, который постепенно противопоставил себя разуму со стороны бесконечной игры абстракциями того вала научной информации, которая каждодневно обрушается на сознание человека в доказательстве того, что цивилизация «существует». И действительно, куда не посмотришь вокруг – везде научно-научно технический прогресс, подобно тому как для религиозного сознания, о чем не подумаешь – везде Бог. Здесь мы не должны покушаться на ценности великих мифов мировой истории, поскольку за ними стоят ценности великих идей выдающихся людей своего историче-

ского времени, и, как следствие, высшие ценности мировой цивилизации прошлого. Их необходимо уважать, чтобы быть причастным разумным законам развития мировой цивилизации. Так, получается, что с позиции высших ценностей мы оказались в положении Диогена, где разница состоит лишь в том, что, находясь среди людей, он с фонарем не мог увидеть человека, даже в самом выдающемся человеке своего времени, Македонском, а мы не обнаруживаем нигде признаков цивилизации, хотя научно-технический прогресс совершает почти чудеса в своем глобальном преобразовании представлений человека о природе материи. Что же получается? Мы вместе с Диогеном видим объект, но отрицаем его существование. На основании чего? Именно здесь проявляются основные позиции философии идеализма, которые состоят в том, что философия идеализма не доверяет только непосредственности чувственных ассоциаций человека, а доверяет лишь соответствию объекта его разумной идеи существования. При этом Диоген в полной мере, как сторонник учения киников, отрицает земное как все социальные нормы своего времени, а не только одного массового человека, которого он видит каждый день. Он умудряется в своей философской ожесточенности следования разумной идее жизни отрицать даже самого выдающего человека своего времени, который тоже, как и он, отрицает массовое, но уже в своей великой политической воле. Это и есть исключительная сила противоречий между самосознанием и сознанием. Понятно,

что Македонский является выдающимся человеком своего исторического времени, поскольку им движет великая идея распространения высших ценностей греческой культуры на Восток, и цивилизация в наше историческое время тоже все-таки существует, правда, в самом ничтожном своем проявлении. В чем же проявляется ее разумная сущность?

Основная причина, в силу которой мы утверждаем, что наше время есть время жесткого доминирования социальных процессов псевдоцивилизации, а не цивилизации, является исчезновение диалога разумных людей. Еще в XX веке этот диалог существовал, когда можно видеть историческую картину, где Эйнштейн, Бор и Дирак и ведут этот диалог о явлениях в квантовой физике в доме физика Пауля Эренфеста в Лейдене (Нидерланды) в декабре 1925 года. Это время как раз совпадает с началом возникновения массовой культуры, то есть с историческим моментом медленного, но непрерывно возрастающего по интенсивности, перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации. Они еще вместе, но в недалеком будущем Эйнштейну уже грозит опасность со стороны фашистского режима. Подобный переход: от полноценного функционирования рациональных коммуникаций – в состояние псевдоцивилизации, безусловно, не быстрый. Один из его признаков – это исчезновение той полноты и глубины разумного понимания мира, которая характеризуется наличием высших ценностей мировой истории, их духовной энергией воздействия на сознание человека. И

одним из главных критериев появления псевдоцивилизации является исчезновение активности разумной индивидуальности человека в реальности, которая исчезает вместе с рациональными коммуникациями старой модели мировой цивилизации.

В вопросе резко негативного отношения к энергии цивилизации, которое характеризует историческую концепцию Шпенглера и подобных ему мыслителей, лежит отсутствие понимании какого-то положительного будущего у человека, который ограничен определенным набором абстрактно-описательного отношения к пониманию исторических событий. Так, абстракция неизбежно привязана к какой-то определенной схеме понимания, которая не способна отрицать себя изнутри, то есть подчиняться диалектической логике отрицания отрицания. В этом смысле, логика исторических событий у Шпенглера оперирует ценностями западноевропейской культуры как мифом «фаустовской души», хотя мифологическое сознание существует за пределами разума. Это объясняется тем, что миф формирует лишь инфантильное сознание человека, которое не требует от него нравственной ответственности за свои поступки, полностью делегируя его индивидуальное чувство свободы той системе социума, которая его окружает в реальности. Миф, вообще говоря, это есть сфера коллективного бессознательного, в энергии которого разум «спит», поскольку, в противном случае, человек бы обладал самосознанием и, как следствие, своей

разумной индивидуальностью. Таким образом, практически вся логика интеллектуальной мысли после философии Ницше демонстрирует упадок и хаос разложения полноценной интеллектуальной позиции в разумном понимании мира.

А что же в России? Если до 1917 года мы обнаруживаем в ней какую-то очень скромную полемику мысли на уровне провинциальной культуры по отношению к высшим ценностям мировой цивилизации, которая состоит лишь в том, чтобы учиться этим ценностям у западноевропейского мира, то после гибели Российской империи эта полемика исчезает, поскольку ей на смену приходят догмы учения коммунизма. Поскольку коммунизм учит о том, что ценность человека является прямым следствием ценности его в массовом обществе, то следы разумного человека на уровне возможности ведения диалога о высших ценностях здесь почти исчезают, однако есть один момент, который требует к себе серьезного отношения. Он выражается в том, что здесь возникает такая зачаточная военно-патриотическая политическая структура, которая характеризует собой начальные элементы строительства рациональных коммуникаций в момент возникновения любой новой модели мировой цивилизации, который мы называем «лигаристический союз». Здесь следует понимать, что удар племенных инстинктов, которыми движет мистерия становления новой модели цивилизации всегда является исключительно разрушительным. Он крушит и ломает на своем пути все, поскольку эта мистерия

состоит в том, что происходит глобальная перезарядка высших процессов памяти, которые предполагают исчезновение старой идеи человека в глубине и остроте действия этой мистерии.

. Все эти разговоры о «сверхчеловеке», которые характеризуют философию нигилизма, вообще о всем чем-то «сверх», есть не более чем попытка сохранять взаимосвязь с тем человеком, которого сметает этот мистериальный поток, предшествующий новой модели цивилизации. Для понимания этого является достаточно обратить внимание на философские конструкции, которые ввел неоплатонизм незадолго, по историческим меркам, перед падением Римской империи. Например, у Плотина мы встречаем: сверхбытие и сверхсущее. Что это, если не попытка усидеть на двух стульях: сохранить ценности языческого мира и одновременно рассуждать о едином Боге, о котором рассуждал Плотин. Так, не сложно заметить у Плотина уже значительные черты влияния религиозных ценностей христианской религии, которые медленно, но настойчиво стали распространяться в Римской империи в момент заката античной модели цивилизации. Понятно, что Плотин – это еще часть цивилизации римской культуры, хотя и находящейся уже в начальном состоянии распада, как и Ницше – это еще часть активности западноевропейской цивилизации, когда он может вести диалог с себе равным по качеству высших ценностей со своим во многом учителем, композитором Вагнером. Поэтому по-

добные философские конструкции стремятся лишь «протащить» старую психологию человека в историческое будущее, что конечно же не удается. Как известно, языческая культура все равно была постепенно вытеснена религиозными ценностями монотеизма, а существование старой рациональной психологии человека, против которой бунтовал Ницше, в наше время успешно зачистил ИИ.

Таким образом, оценочные конструкции массового сознания такие как: «западная цивилизация», «восточная цивилизация», «русская цивилизация» – это клише массового сознания, которые не выражают главный критерий существования мировой цивилизации – диалога разумных людей в поле существования разумных идей своего исторического времени. И здесь не столь принципиально, в каком поле культуры этот диалог происходит, главное, чтобы он был разумным. И если в одно время этот диалог центральным полем культуры выбирал религиозное поле, то в другое время он выбирает поле фундаментальной науки. В наше время существуют дискуссии по поводу возможностей возникновения космических поселений за пределами Земли, но они ведутся в пределах массовых ценностей, что заранее обрекает их на пустые разговоры. Мы бы еще к возможности этих разумных диалогов прибавили вероятность существования древних цивилизаций в далеком прошлом, которые скорее всего все-таки существовали до условной исторической точки возникновения мировой цивилизации в культуре шумеров,

как это полагается в современных исторических представлениях о возникновении мировой цивилизации. Последнее, мы объясняем теми интеллектуальными усилиями по поиску древних цивилизаций, которые характеризуют интерес: и политической элиты Третьего Рейха, и политической элиты большевиков в их попытках оправдать свое право на мировое господство, которое действовало в их подсознании. Понятно, что эти племенные силы мало чем относятся к чему-то разумному, с точки зрения перспективы построения новой модели мировой цивилизации, но закон вечного возвращения субъективного разума требует серьезно отнестись к их мистериальным настроениям, поскольку перезарядка высших процессов памяти всеми движет этими племенными ордами, сметающими основы старой модели цивилизации.

Часть III
Государство в мировой истории

Гл.7
Некоторые параллели мировой истории

Уже с давних пор развитие нашей европейской культуры совершается среди напряжения и муки, которая возрастает с каждым десятилетием и словно близится к катастрофе.

Ницше

В России существовала историческая эпоха, когда Петр I начал «рубить окно в Европу», что было в полной мере оправданно, поскольку в то историческое время в Европе существовал реальный диалог между выдающимися историческими личностями на уровне высших ценностей мировой истории, то есть эпицентр авангардных исторических событий происходил именно в ней. Но времена меняются. В наше время Европа стала производителем массовых ценностей, то есть ценностей продуктов распада цивилизации, поэтому геополитическая ситуация кардинально изменилась. В наше время более актуальной исторической задачей стала задача в России – прорубать дорогу разумной мысли к строительству новой модели мировой цивилизации в том океане слабоумия индивидуального самосознания, в который погрузилась социальная реальность России. Когда возможность существования разумного диалога на уровне высших ценностей мировой истории исключается, начинается стремительный распад социальной системы, ее стагнация и загнивание, поскольку отсутствие разумных людей в этой системе неминуемо ведет ее к краху. В этом смысле, перераспределение собственности: от государственной – к частной, которое произошло в России после распада СССР, нравственный уровень человека не поднимает, а лишь дает ему возможность в полной мере пользоваться земными благами, тогда как высший нравственный закон жизни, на котором всегда держались все основы цивилизации, требует обратного, то есть выполнения

долга перед разумным законом развития мировой цивилизации.

Очевидно, что российская социальная реальность была первой из всех других стран, которая провалилась в эту бездну тотальной активности исключительно массовой психологии в период советской власти, когда другие народы еще могли более-менее существовать в системе рациональных коммуникаций мировой цивилизации, поскольку их процесс распада системы мировой цивилизации коснулся значительно позднее. И здесь мы должны различать два момента при оценке опыта советской власти: один, крайней негативный, который дает возможность сравнить ее социальную систему с социальной системой Уйгурского каганата, в котором официальной идеологией была сектантская религия манихейства; а с другой, наоборот, исключительно положительный, поскольку он указывает на начало возникновения новой модели цивилизации, космически-технологической. И если первый, крайней негативный момент, характеризует активность энергии либидинозных связей, которые указывают на энергию кочевых инстинктов, доминирующих в социальной системе, то другой, наоборот, показывает, что эти кочевые инстинкты, которых только косвенно коснулись начала мировой цивилизации, дух мировой истории начинает переплавлять в политическую систему, которая может быть оценена как зачаточная конструкция лигаристического союза.

Какие подобные исторические события могут быть срав-

нимы с возникновением политического режима советской власти в мировой истории? Здесь мы вновь возвращаемся далеко в историческое прошлое, поскольку расовые катастрофы, хотя и происходят в мировой истории, но все-таки достаточно редко, когда одной из главных причин их возникновения является историческая необходимость перехода цивилизации с одного технологического уровня на принципиально новый технологический уровень. И чем более сложен этот технологический переход, тем более разрушительна энергия расовой катастрофы, то есть процесс глобальной перестройки высших процессов памяти. Метафизика высших подсознательных процессов памяти, – вот что движет и субъективными, и объективными процессами развития мировой цивилизации.

Главным аргументом, который является доказательством того, что нас окружает псевдоцивилизация, а не цивилизации, является тот факт, что пока еще ни одно космическое поселение не существует в человеческом опыте, хотя проекты этих поселений есть, и подготовка к проживанию в них интенсивно ведется. Это все равно, что сравнить европейский мир до начала открытия Америки Колумбом, когда торгово-промышленная модель цивилизации только формировалась на начальной стадии ее развития, когда промышленность и торговля еще пока не стали внутренним основанием мировой цивилизационной системы, в который были вовлечены почти все исторические народы мира. Науч-

но-технологическая база того исторического времени была очень слаба даже для пересечения мирового океана, и необходимо было исключительное мужество, чтобы в стихии этого окружающего массового слабоумия, суеверий и предрассудков решиться на то, на что решился Колумб. Но опять-таки, его, как известно, поддержала королева Испании, Изабелла I Кастильская, то есть вновь мы имеем диалог двух людей на уровне разумного понимания реальности исторических событий, которые поняли друг друга, противостоя многочленной среде: богословов, космографов, юристов, придворных, которые заседали несколько лет, не веря в успех мероприятия, блокируя проект. Основная причина недоверия к этому мероприятию была все та же: например, попытка заинтересовать своим планом (найти западный путь в Индию) Колумбом португальского короля Жуана II провалились, поскольку эксперты из «Математической Хунты» сочли расчёты «фантастическими» — они недооценивали размер земного шара и реальную протяжённость Атлантического океана. Но ведь и полет в космос два столетия назад тоже казался «фантастическим». Другими словами, в первый момент появления новой великой разумной идеи жизни почти все ей противостоит, и сторонники этой идеи начинают находиться очень медленно. Понятно, почему сопротивлялись различные политические силы этого новому проекту, – он неминуемо должен был привести к политической активности нового политического класса, буржуазии, то есть к пере-

распределению собственности, которая была в основном сосредоточена в руках высшей аристократии.

Что было политическим толчком для предпосылок возникновения зачаточных космических технологий в СССР? Отнюдь не социальная система, которая была подобна психологической атмосфере Уйгурского каганата в качестве уровня развития рациональных коммуникаций для существования отчетливой модели мировой цивилизации. Она скорее препятствовало его развитию на уровне доминирующей идеологии, если учесть критические замечания одного из наиболее выдающихся русских космистов, Вернадского, который мог сравнить политическую атмосферу Российской империи и советской власти. Мы полагаем, что главной причиной стали последствия Второй Мировой войны, когда советским ученым удалось получить в руки новейшие ракетные разработки Третьего рейха, в дальнейшем усовершенствовав их собственными инженерными идеями для полетов в космос. Ведь нельзя не заметить, что этой верой в космос жила вся социальная реальность в СССР, что очевидно было не случайно. Так, не случайной была вера между Темными веками и ранним Средневековьем в божественное воскресение Христа, поскольку это была авангардной великой идеей своего исторического времени, что впоследствии в полной мере доказало последующее тысячелетие развития мировой цивилизации, как, впрочем, и вера ислама, возникшая позднее, в потому в силу своей молодости еще наиболее свежая

из всех авраамических религий в наше историческое время.

В вопросе понимания становления начала новой модели мировой цивилизации мы можем обратиться к процессу формирования из дорийских орд начальных элементов европейской цивилизации, поскольку на этот процесс нам указывает действие метода дежавю в субъективной позиции разума Ницше в его понимании исторических событий. Спартанские союзы стали выплавляться именно в качестве проекции подсознательных космических ритмов жизни из энергии материи времени, в которых действовала дионисическая мистерия жизни, которая осуществляла эту переплавку подсознательных процессов памяти, как в глобальном суперкомпьютере, в формирование простейших элементов новой модели цивилизации. Здесь следует понимать, что вера культа Аполлона очень медленно пробивалась через эту мистериальную реальность, поскольку разумная действительность постепенно овладевает кочевой энергией подсознательных инстинктов, вырабатывая в них базовые основы рациональной психологии человека за счет сжигания в новейших рациональных коммуникациях.

Возможно, что и в Германии возник бы этот новейший Уйгурский каганат, поскольку фашисты прямо заявили, что они новые варвары, сопровождая эти заявление сожжением книг и разного рода сектантскими ритуалами с факельными шествиями, но власть их в истории оказалась недолговечной. И здесь нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что,

например, Гейзенберг не подвергся политическому террору, а лишь идеологическому давлению, как, впрочем, и многие выдающиеся ученые при советской власти, такие как Капица или Вернадский. Причина состоит в том, что эти выдающиеся физики и другие крупные ученые действовали в русле ценностей идеологии политического режима, который во многом опирался на новейшие достижения научно-технического прогресса. Ведь и в Уйгурском каганате представители ценностей религии Нового Завета тоже не преследовались, но, наоборот, их деятельность была доказательством «правильности» выбранного политического курса.

Таким образом, главной причиной, в силу которой из всех великих империй своего исторического времени Российская империя смогла восстановиться, но уже в новом качестве, следует видеть подобие исторической ситуации в Др. Египте, в котором произошел принципиальный исторической прорыв в становлении новой модели мировой цивилизации в качестве перехода: от политеизма – к смутной логике монотеизма. Ведь из всех великих империй своего исторического времени лишь один Египет сохранил основы государственности, пусть и сильно потрёпанные после нашествия народов моря в XIII–XII вв. до н. э. Основная причина, в силу которой это ему удалось, как мы полагаем, существует в становлении зачаточной конструкции лигаристического союза, который, как и при советской власти, постепенно стал формироваться в качестве военно-патриотической со-

циальной организации после распада Российской империи. Так, фараон Рамзес III, во-первых, значительно укрепил централизованную власть в Египте; а, во-вторых, предпринял серьезные шаги для укрепления армии, введя одну из первых призывных систем, строил оборонительные крепости по границе страны, организовывал мобилизацию и укреплял флот. Впрочем, жречество и местная аристократия, как только могла, сопротивлялась этим попыткам перехода к новой модели мировой цивилизации. Но основная причина, в силу которой Египту в. XIII–XII вв. до н. э, как и России в XX веке, удалось сохранить основу государственности, является появление новой великой идеи стратегии развития будущего мировой цивилизации: идеи единого бога – в Египте, и идеи освоения космического пространства – в России.

Главной причиной явления расовых катастроф мировой истории является духовный кризис как следствие исчезновения диалога разумных людей в свое историческое время. При этом, как можно заметить, традиционные духовные ценности продолжают действовать в сознании, но для существования цивилизации необходимы ценности, которые соответствуют авангардным идеям исторического ее развития. Именно они и исчезли, причем не только в России, но и во всем европейском мире, как, впрочем, и в восточной культуре. Все сейчас движется по инерции распада старой модели цивилизации, выстраивая стабилизационные звенья так, чтобы как можно более сильно замедлить этот распад. Поче-

му современная российская реальность возвратилась к ценностям традиции? Мы полагаем, что это произошло по той же причине, по которой реформы фараона Эхнатона были свернуты после его смерти, а египетские жрецы старых политических культом постарались их стереть из памяти египетского народа, – эта причина выражается в том, что первоначально новая великая авангардная идея развития мировой цивилизации возникает как слепое разрушение всего того старого, что историческая цивилизации накопила к этому историческому моменту времени в качестве каких-то высших ценностей жизни. И тоже можно сказать о процессе распространения религиозных ценностей христианства между Темными веками и ранним Средневековьем, когда после первого тотального отрицания ценностей наследия античного мира в исключительности проповедей Ветхого Завета, впоследствии пришлось к этому наследию все-таки возвратиться, изучать и включать его в непосредственную жизнь как великое наследие предков. Другими словами, и здесь начинает действовать закон отрицания отрицания, поскольку великие идеи памяти прошлого неминуемо возвращаются. Как известно, Римская империя, которую европейские народы ненавидели, как источник насилия и разрушения их родового образа жизни, впоследствии получила статус «священной» в памяти, поскольку из энергии племенных инстинктов, которые стали доминировать в тот исторический момент в Европе, цивилизации не построишь.

Значит, основным критерием перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации является исчезновение диалога разумных людей в качестве необходимости выработки высших ценностей жизни своей исторической эпохе. Но если драматизм современной Европы заключается в том, что этот диалог о существовании высших ценностей жизни в ней прервался, то трагизм современной России выражается в том, что здесь этот разумный диалог всерьез еще и не начинался, хотя фантазий на эту тему, как в детском саду, здесь много. Здесь была новая вера, которая продемонстрировала начало новой модели мировой цивилизации, но это стоило ей почти полного разрыва с историческим наследием прошлого, которое она и сейчас не может восстановить несмотря на активную пропаганду традиционных ценностей. Она никак не может стабилизировать свою социальную систему, поскольку в ней отсутствует адекватное исторического самосознание, тогда как сознание, которое здесь культивируется, не способно выделить высшие ценности жизни в силу того, что высшие ценности жизни являются всегда авангардными по отношению к историческим ценностям развития мировой цивилизации. Понятно, что возврат к памяти духовного наследия прошлого все-таки лучше, чем агрессивная энергия племенных инстинктов, которые исключают ценность разумной индивидуальности человека, но, с другой стороны, новая модель мировой цивилизации все равно требует рациональных шагов для своего строительства. Эти рациональные ша-

ги предполагают проекцию в самосознании на высшие ценности жизни.

Поскольку этого диалога о высших ценностях на должном уровне мы не обнаруживаем в современной России, а обнаруживаем лишь по большей части некие социальные массовые лозунги, как на пролетарских агитках, то мы вынуждены вести этот диалог исключительно с метафизическим началом мира, которое произвело мировую цивилизацию. Это не говорит о том, что разумных людей в России нет, а лишь о том, что они пока существуют в полной изоляции друг от друга в пространстве, где места им не предусмотрено. Подобное утверждение следует из того, что мифологическое мышление не относится к ценностям цивилизации, предполагающей новые геополитические силы, которые меняют кардинально политическую картину мир. Ведь любой великий миф в мировой истории – это выжимка из тех полноценных рациональных коммуникаций, которые когда-то владели самосознанием человека в авангардных процессах мировой истории. Особенностью любого великого мифа является то, что он перестает вырабатывать активность самосознания человека по отношению к его разумной воле, оставляя для сознания реакции инфантильной психики. Так, не случайно психоанализ в своем исследовании массового бессознательного одним из инструментов логики использовал понятие «инфантилизм». Его сущность выражается в том, что когда рациональные коммуникации старой модели цивили-

зации рушатся, то вместе с ними исчезает и нравственная ответственность индивида перед тем высшим сознанием долга, который существует как базовый принцип жизни в любой модели цивилизации, когда сознание находится под полным контролем самосознания. Психологически, это объясняется тем, что массовое бессознательное – это самый короткий, в качестве энергии временной длительности, тип памяти, действующий в сознании на уровне монотонности непосредственных чувственных ассоциаций, которые сводятся полностью к активности физиологии человека. Можно сказать, что в пределах массового бессознательного, человек – это исключительно биологическое существо, не более того. А животное, как известно, не несет ответственности за свои поступки, поскольку его сознание целиком и полностью подчиняется его бессознательным влечениям. Разума оно не имеет, поскольку разум – это прерогатива того, что действует за пределами биологического инстинкта самосохранения, подчиняясь той идей высшего нравственного долга, который действует на определённом историческом отрезке времени в определенной модели мировой цивилизации.

То новое, что мы привносим в историю философии рационализма, есть понимание, что научные ценности в наше время стали лишь новой мифологической системой сознания, правда, более свежей, что религиозная система мифологических представлений о мире. Это не говорит о том, что следует отказаться от ценности этих мифологических

представлений о мире, а лишь о том, что их необходимо переосмыслить с позиции размышлений о высших ценностях авангардных процессов развития современной цивилизации.

Гл. 8
Метафизика действия процессов памяти

Человек никогда не может знать, сколько знаний он в действительности имеет в глубине себя, хотя бы и забытых им; они не принадлежат к его действительности, к его субъективности как таковой, но только к его бытию, как оно есть в себе.

Гегель

В вопросе метафизического начала мира мы рассматриваем феномен существования материи времени, который состоит из фрактальных длительностей различной интенсивности. Самые примитивные длительности этого типа создают поле воспоминаний массового бессознательного, по отношению к которым сознание движется в поле активности энергии влечений. В этом смысле, уже абстракция математических последовательностей значительно интенсивней в своем воздействии на энергетические импульсы воли, поскольку относится к полю традиции науки, уходящей вглубь тысячелетий, когда математические вычисления дают возможность разложить мир на локальные области информаци-

онного потока реальности, внутри которого можно производить сравнения движения этих локальных информационных фрактальных последовательностей. Вообще, любой тип традиционного мышления предполагает более интенсивный энергетический потенциал энергии материи времени, чем сознание времени в массовом сознании. Это объясняется тем, что дух традиции фильтрует бессознательные воспоминания на качественные и не некачественные, то есть на те, которые имеют право оставаться в памяти и те, которые должны быть стерты в нем. Но и в математике мы обнаруживаем следы расовой катастрофы исторической эпохи в теореме Геделя: непротиворечивая формальная система не может быть полной. Так, утрата полноты мира, о которой так много рассуждал Ницше, состоит в том, что эти локальные фрактальные последовательности многообразия всех информационных полей культуры перестают сходиться в целое, в ценность самосознания, тогда как их хаос бесконечного многообразия полей является полным ничтожеством перед высшими ценностями исторического прошлого. Можно сказать, что, используя метод дежавю в своей философии, Ницше полностью разлагает знакомые ценности разумного мира на хаотическое движение локальных фрактальных последовательностей материи времени, которое субъективно высвечивается как новизна нового типа материи разумной действительности, действующей в высших процессах памяти. То есть он показывает, как образуются великие идеи миро-

вой истории в качестве топологической деформации любого поля исторической культуры в высших процессах памяти.

С позиции различной интенсивности воздействия энергии памяти на подсознание можно понять, что имел ввиду Фрейд, когда рассуждал о вытеснении подсознательных влечений энергией культуры. Речь идет о том, что в момент соприкосновения бессознательного с полем бытовой культуры сознания, в поле которого существует и действует массовое бессознательное, то есть отголосков минимального воздействия ценностей традиции, его энергии является достаточно, чтобы зарядить потенциал воли до ее минимальной активности. В результате, возникает психологический баланс: между влечениями и минимальными импульсами воли, который поддерживает сознание индивида в поле бытовой культуры. Понятно, что этот психологический баланс поддерживается безусловной ценностью биологической активности человека, когда все многообразие информационного потока ценностей сознания бытовой культуры, в которой он активен, создает веру в жизнь на уровне ее простейших алгоритмов системы функционирования. В бытовой культуре также существует характер действия фрактальной структуры. Так, конечность набора этих простейших алгоритмов поведения человека в бытовой культуре сводится к ограниченному набору целей жизни: заработать деньги, прокормить семью, получить образование и так далее. В этом смысле первобытная культура в наборе конечности этих целей мало чем от-

личается от современной бытовой культуры. Разница состоит лишь в мифологии представлений своей исторической эпохи. Для племенного сознания первобытной культуры оно сводится к примитивному собирательству и охоте, к энергии первобытных табу и получения знаний через мифологические сказания о прошлом, передающие через устные предания; для современного человека массовой культуры – это высоко оплаченная работа, создание выгодного бизнеса, получение престижного образования в каком-то учебном заведении и доступ к максимальному информационному пространству. Так, мы видим, что бытовая культура человеческого сознания, в котором оно выбирает определенный диапазон ценностей жизни для реализации целей своей индивидуальной воли, всегда ограничивается определенным набором тех мифологических представлений о ценностях, которые стабилизуют социальную систему своей исторической эпохи. Для племенного сознания первобытной культуры – это определенный набор первобытных табу, передающихся из столетия в столетия, а в некоторых случаях, как, например, для аборигенов Австралии, из тысячелетия в тысячелетие.

То, что нарушает этот монотонный характер течения массового бессознательного, является энергией высших исторических ценностей, которые вклиниваются в него со стороны расового бессознательного, то есть со стороны того космического ритма жизни, который радикальным образом отличает

ценности культуры от ценностей цивилизации. Так, например, Диоген вклинивается в привычный образ жизни массового сознания др. грека тем, что не видит ни в ком из них человека, презирая при этом все их конечные социальные цели жизни; а Македонский бросает войска македонян на Восток и завоевывает его. В первом случае, речь о высшей ценности философских идей, а во-втором, об экспансии высших достижений европейской культуры на Восток.

Как известно, Фрейд, попытавшись распространить свой психоаналитический метод на мотивы поведения великих личностей мировой истории, в конечном счете, признал, что этот метод не работает. Почему? Мы полагаем, что это вызвано самым примитивным характером типа воспоминаний, которые движут энергией бессознательных влечений на уровне массового сознания, ибо они не выходят за пределы биологического инстинкта самосохранения человека. Как мы видим, набор целей социального сознания любой исторической эпохи всегда конечен в своем выборе, рассматриваем ли мы первобытное племенное сознание, социальное сознание др. грека или социальное массовое сознание современной постиндустриальной эпохи. Социальным сознанием, в конечном счете, всегда движут подсознательные влечения, которые вязнут в мифологии представлений своей исторической эпохи. Они запрограммированы на выполнение каких-то конечных целей человека, которые в любом случае будут топологически трансформированы во фрак-

тальную структуру подобных же целей, с учетом изменения уровня развития научно-технического прогресса в следующую историческую эпоху. Но на биологическом уровне они в принципе не меняются, создавая тот набор массовых ценностей, который дает возможность социальной системе стабильно функционировать. Поэтому и возник интерес в XX к первобытному мышлению, исследованием которого занимались такие интеллектуалы как Леви-Стросс, что подавляющая часть мыслителей не выходит за пределы абстрактной схемы понимания предмета своего исследования. Именно по этой причине в своем структуралистском методе анализа первобытного мышления Леви- Стросс полагал, что это мышление «разумно», как и разумно мышление современного европейца. И действительно, если игнорировать высшие ценности исторического прошлого, которые всегда находятся в оппозиции к массовому сознанию, то какой-то принципиальной разницы между первобытным племенным мышлением и мышлением постиндустриальной цивилизации не существует, поскольку оба они протекают исключительно в поле сознания. Здесь отсутствует конфликт: сознания и самосознания. По крайней мере, ценности племенного сознания фашизма, большевизма и маоизма это в полной мере доказали в XX веке. Вообще, если ограничить методы психоанализа исключительно областью культуры, то они очень эффективны. Другое дело, что они не годятся для понимания разумных исторических законов мировой циви-

лизации, поскольку в основе этих законов существует энергия расового бессознательного, которая полярно-противоположна энергии массового бессознательного. Можно сказать, что эта энергия и проявляется только в противоречии с энергией массового бессознательного, то есть тогда, когда разум в действии самосознания вступает в конфликт с абстрактной схемой рассудка в сознании.

Понятно, что термины: «инстинкт смерти», энергия Танатоса, «влечение к смерти», которые Фрейд ввел в поздний период своей аналитической работы с массовым бессознательным, начинают издалека подбираться к феномену расового бессознательного метафизических законов действия памяти. Характер этого разрушительного влечения, который у Ницше получил определение «дионисизма», показывает, где необходимо искать источник появления высших ценностей мировой истории как движущей силы развития мировой цивилизации. Его необходимо искать в том, что отрицает инстинкт самосохранения человека в качестве каждый раз появления какого-то нового проекта ее развития в тот момент, когда сознание высшего долга перед появлением очередной великой идеи в развитии мировой цивилизации начинает превышать ценность человеческой жизни. В понятие «расовое бессознательное» мы вкладываем вполне научный смысл, рассуждая о том, что нам неизвестно строение материи на уровне ее бесконечно большого и бесконечно малого масштаба, а потому чем, с позиции современного ра-

зумного понимания мира, в действительности является материя в ее взаимодействии с сознанием мы не знаем. Условно, можно полагать, что для макромира доступный для современной науки масштаб, которым она может оперировать, это размер наблюдаемой Вселенной то есть реальность материи, которую мы можем наблюдать с Земли. По современным оценкам, её радиус составляет примерно $4{,}4 \times 10^{26}$ метров), а в микромире – планковской длиной — это примерно $1{,}616 \times 10^{-35}$ метра, за пределами которой классические понятия пространства-времени перестают работать. Мы вообще в области ценностей сознания полностью придерживаемся достижений фундаментальной науки, хотя ее доля в общих достижениях научно-технического прогресса становится все менее заметной, поскольку исчезает разумное целое, охватывающее как единая структура все информационное научное знание о мире. Оставляя вопрос о сущности познания материи на уровне сознания для достижений современной фундаментальной науки, мы полагаем, что ценности самосознания, которыми всегда занималась рациональная философии, являются другого рода ценностями.

Кого мы можем назвать среди русских мыслителей, которые отстаивали позиции разумной индивидуальности в России до нас? Первым, мы бы поставили – это Чаадаева, далее, таких как Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Суворов. А есть ли исторические фигуры подобного масштаба в современной российской культуре? Мы таковых не обнаруживаем.

Здесь, в основном, несут все, что в голову взбредет, а в голову взбредает только что-то иррациональное, как будто каждый стремится загипнотизировать собственным массовым сознанием чье-то чужое массовое сознание. Или обсуждаются какие-то ничтожные мелочи ценностей различных политических деятелей, которые участвовали в этих сектантских движениях XX века, – кто «плохой», а кто «хороший», как на это раньше происходило на советской кухне, противопоставляя идеологию «левых» или «правых» политических деятелей, чей вклад в развитие разумных процессов мировой цивилизации ничтожный. Ведь рациональное мышление требует системности мысли, но таковая исключена в массовом сознании, поскольку его течение хотя и кажется связным потоком в поле коротких длительностей течения памяти, то есть в реакциях на непосредственную реальность, с другой стороны, полностью является бессмысленным, если оценить подобное качество суждения с точки зрения существования разумной действительности. Все это напоминает какой-то галдеж на различные социальные темы за пределами разума. Понятно, что винить людей за подобное качество мысли не имеет смысла, поскольку, если не было в российской традиции рациональной школы мысли, то откуда она возьмется в суждениях людей? Однако не обращать внимание эту на серьезную проблему – это еще более опасно, поскольку этот иррациональный галдеж неразумного многоголосья может плохо закончиться в будущем.

Введение в систему понятий психоанализа терминологии, связанной с энергией Тананоса у Фрейда, как и акцент субъективной философской мысли на анализе культа Диониса – у Ницше, безусловно, характеризуют конец исторического самосознания в поле активности старой модели развития мировой цивилизации. Здесь не столь важно, как это оценивать: как предел субъективности в бессознательном, как это полагал Лакан, или как глобальный кризис исторического мышления – у Бодрийяра, главное состоит в том, что самосознание теряет здесь свои позиции объективности, однако обнаруживает в философии метод интуитивного движения субъективной мысли в эффекте феномена дежавю. Последнее, в отличии от движения мысли исключительно в поле культуры, уже указывает на переход мышления в поле активности цивилизации, учитывая центральную идею Ницше о «вечном возвращении». Можно сказать, что высшие ценности мировой истории неизбежно возвращаются в качестве критерия уровня развития цивилизации в определенном пространстве ценностей, одним из наиболее ярких примеров которых является диалог Диогена и Македонского.

Расовое бессознательное мы понимаем, как осмысленные до максимальной жесткости структур материи в самосознании границу: между биологическим существом человека и возможностями его разумного понимания мира. Понятно, что разброс диапазона границы между этими ценностями огромный. Для первобытного племенного мышления – это

запретительное действие табу, для авангардного мышления – область новейших идей развития мировой цивилизации в эпицентре ее исторических событий. Но в процессах расовых катастроф, когда племенное сознание в очередной раз разрушает рациональные коммуникации мировой цивилизации, система новых ценностей табу обновляется. В фашизме оно всплывает в культовом сознании причастности к мифологии ценностей арийской расы, в большевизме – в мифологии ценностей причастности к ценностям мирового пролетариата. Характерной особенностью действия этих новейших табу является то, что они не объясняются на рациональном уровне ценностей, которое выражает ценности самосознания, а вводятся в качестве границы признаков: «свой» – «чужой». С другой стороны, объективно должно быть понятно, почему они не объясняются. Нельзя абстрактно научно объяснить то, что относится к сфере новизны метафизического мира, который прорывает высшие процессы памяти чем-то незнакомым и неизвестным, требуя движения импульсов воли в определенном историческом направлении. Ведь точно также «народы моря», разрушившие великие империи Востока полторы тысячи лет назад, двигались в поле своих максимально агрессивных племенных импульсов, поскольку именно в их племенной энергии, в основном, происходила глобальная перезарядка высших процессов памяти как в суперкомпьютере энергетических потенциалов расового бессознательного.

Гл. 9
Критика идеального государства Платона Аристотелем

Если единство станет слишком большим, государство перестанет быть государством.

Аристотель

Особенностью действия массового сознания, которое, как и первобытное мышление, построено на различной системе социальных табу, является попытка всеми возможными социальными средствами – затушевать реальность расовой катастрофы, то есть факт утраты высших ценностей жизни, на базе которых формируется самосознание индивида в поле активности существования рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Так, всеми возможными средствами создаются те или иные мифологические представления о реальности, широко использующие абстракции научных представлений, которые дают возможность псевдоцивилизационным социальным структурам продлевать свое существование во времени. Табуируется теми средствами, которые в недалеком прошлом были авангардными инструментами развития мировой цивилизации – резким ростом научно-технического информационного потока сознания. Это все равно, когда мы вспомним, что в первый век Темных веков процесса становления христианской веры ее активность старалась удержать иллюзию исчезнувших социальных

структур античной цивилизации. Так, варвары разрушили Римскую империю, а потом объявили память о ее существовании «священной».

Основная государственная проблема в современной России заключается в том, что в ней нет социальных структур, которые способны переплавить племенные инстинкты, которые доминируют в ней на социальном уровне, в государственные институты. Отсюда – тотальное воровство, признаки безволия в выполнении многих государственных задач, цинизм по отношению ко всему, что связано с понятием высшего долга, этого основополагающего принципа существования любой цивилизационной модели. Поэтому, объективно, возвращение к ценностям традиции в наше историческое время является исторически необходимым, поскольку традиция – это, в любом случае лучше, чем энергии агрессивных племенных инстинктов, которые исключают признаки разума тотально. Ну и что, что была новая вера в СССР? В Темные века после гибели Римской империи тоже была очень сильная новая вера религиозных ценностей христианства, однако признаки цивилизации в отчетливом виде их существования там почти не просматриваются. Наоборот, в них очевидно стремительное исчезновение признаков цивилизации, хотя новая вера с каждым десятилетием и усиливала свое влияние. Вывод здесь состоит в том, что цивилизации не строится на силе веры, а на чем-то другом, что обладает более суровой и непреклонной силой воздействия на

процесс формирования рациональной психологии человека.

Главная проблема полноценности социальных отношений в современной России – это энергия активности племенных инстинктов, которая не дает возможности сформироваться здесь основам рациональной психологии человека на основе которых существуют все модели исторических цивилизаций. Здесь до сих пор поют гимн своей племенной дикой силе в своем понятии «пассионарности» в надежде, что эта нелегкая куда-нибудь да выведет в мировой истории. Но напрасно, поскольку племенная энергия – это то, что противостоит разумным законам мировой истории. История человеческих орд недолговечна. Например, территория Золотой орды была самая большая на Земле по сравнению с другими государственными образованиями, но ее социальная организация просуществовала лишь около двух столетий, поскольку для существования империи необходимы государственные структуры, а они не предполагаются в социальной системе, где все подчинено исключительно духу войны и ценностям военной добычи, и где все строится на агрессивной племенной энергии либидинозных социальных связей. Любая империя способна просуществовать хотя бы пол тысячи лет, если привносит какие-то новые высшие ценности в судьбу мировой цивилизации. Критерий качества этих высших ценностей – мера их разумности.

Причина, по которой мы возвращаемся к русским мыслителям до 1917 года, объясняется тем, что в это историческое

время в России действовали отчетливые признаки цивилизации, хотя по уровню качества своих ценностей она и была провинциальной по сравнению с западноевропейской мыслью. Но в наше историческое время, когда российская реальность с огромным трудом и огромными потерями приходит в себя после исторической мистерии большевизма, необходимо иное направление, чем то, которое определил Петр I в качестве развития в сторону западноевропейского мира, где цивилизационные процессы практически свернулись в состояние псевдоцивилизации. Необходимо рассчитывать только на себя в том смысле, что необходимо искать самостоятельные структуры цивилизационного строительства в собственном историческом опыте существования. В этом смысле, мы утверждаем, что история торгово-промышленной модели цивилизации закончилась, когда загорается утренняя заря космически-технологической модели цивилизации, чей свет зажегся в России в XX веке.

Негативной стороной наследия большевизма в России было то, что он отбросил здесь основы государственности к агрессивным племенным инстинктам, которые смяли в ней основы рациональной психологии человека, выработанные в ней в процессе ее тысячелетнего развития в мировой истории на том минимальном уровне, на котором он здесь существовал. Понятно, что возвратиться назад сейчас уже невозможно, поскольку ликвидированы в основном те социальные механизмы, на базе которых строилась Российская им-

перия, хотя тщетные попытки в России этого строительства в наше время все-таки присутствуют. Вообще, мы наблюдаем эту безнадежную попытку в современной российской социальной реальности построить какой-то странный симбиоз из осколков наследия Российской империи и опыта существования советской власти, что обречено на провал в процессах развития мировой истории. Обречено, поскольку «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», как заметил Гераклит, то есть нельзя возвратиться к ценностям исторического прошлого, не понимания разумных законов развития мировой цивилизации, хотя отдельные элементы исторического прошлого необходимо должны присутствовать в историческом будущем.

Но было бы ошибочно полагать, что опыт существования советской власти несет только отрицательные моменты в истории государства Российского. Так, возвращаясь к отдаленному историческому прошлому, мы видим, что именно из агрессивных племенных сил «народов моря» возникли исторические предпосылки начальных основ европейской цивилизации будущего, когда до этого исторического времени можно было заметить лишь скромные достижения европейской культуры в многотысячелетнем опыте существования цивилизации. Востока. Можно заметить, что в опыте существования реальности советского режима стали формироваться смутные контуры того, что мы называем феноменом «лигаристического союза», то есть того, что после наше-

ствия «народов моря» стало прообразом формирования др. греческих полисов. Именно здесь возникает главный критерий отличия племенной организации социальных отношений от исторических зачатков цивилизации – военно-патриотические структуры, которые определяют дух Спарты в Др. Греции. И здесь ошибаются те, кто пытается проводить параллель между духом Спарты, например, с фашистским политическим режимом, поскольку зачатки государственной идеологии в самой своей основе враждебны чистой агрессии биологической ценности жизни, в которой размыта государственная основа как разумная идея жизни. Государство – это вообще социальная система, в которой биологическое целиком и полностью подчинено нравственному чувству долга перед высшими ценностями мировой истории. Именно процесс становления государственности из простейших рациональных конструкций полиса и описал Платон, ориентируясь на опыт формирования спартанских союзов, впоследствии подвергнувшись критике со стороны Аристотеля за отрицание частной собственности у правящего класса, а также на ограничение личной свободы – со стороны Гегеля.

Так, мы должны остановится на понимании государственных ценностей у этих трех самых выдающихся философов в истории: Платона, Аристотеля и Гегеля в аспекте критики двумя последними понимания государственного устройства у Платона. В эту полемику мы включаем замечание Ницше о том, что «государство – это холодное чудовище», поскольку

ку его философия – это последние мысль в истории философии, указывающая через отрицание отрицания в субъективной позиции разума на начальные элементы ее новой модели. Для понимания оснований этой критики мы должны понять историческую эпоху, исходя из духа которого происходит эта критика.

Аристотель, как известно, выражал эпоху заката существования др. греческой модели цивилизации, на смену которой шла уже значительно упрощенная идеологически для массового сознания эпоха эллинистических государств, возникших после походов Македонского. Так, великий дух энергии цивилизации др.греческих полисов начал уже угасать. Он, конечно, еще не демонстрировал признаки значительного упадка, но уже не обладал той энергией целого, которая дает возможность авангардным процессам мировой цивилизации концентрироваться на ее территории. Начиналась историческая эпоха, когда приближалось время захвата Греции македонским царством, за которым последовало историческое время возникновения эллинистических монархий на территориях, завоеванных Македонским. Таким образом, Аристотель защищал права частной собственности, но предупреждал что ее чрезмерная концентрация в узкой социальной среде ведет к распаду политической системы. Здесь следует понимать, что перед распадом очередной модели цивилизационного строительства, в данном случае, политической системы др. греческих полисов, частная соб-

ственность всегда концентрируется в руках очень узкой среды людей, что также является одним из признаков расовой катастрофы, то есть переходом модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации. Такая политическая ситуация, например, возникла перед падением Римской империи, в которой крупные землевладельцы сконцентрировали в своих руках огромные ресурсы, латифундии, тогда как мелкие римские землевладельцы стремительно нищали, формируя социальную среду колонов, то есть становились арендаторами у крупных землевладельцев. Аналогичная ситуация происходит и в нашу историческую эпоху, когда средний класс стремительно исчезает практически во всех странах мира, тогда как число долларовых миллиардеров в мире, наоборот, растет.

Объясним, почему Платон полагал, что власть имущие, то есть класс философов и воинов, не должен иметь частной собственности. Дело в том, что Платон в полной мере ориентировался на политическую систему, которую мы определяем, как «лигаристический союз», то есть такую военно-патриотическую модель социальной организации, которая возникает из непосредственной энергии племенных подсознательных инстинктов, которые в анализе исторических событий в философии Платона кипели в энергии дорийских орд. Это была та полуворовская психология полудикой силы, которая не знала: ни разумного права, ни закона цивилизации. Подобная историческая сила, например, доминирова-

ла в нравах большевистской орды в первое десятилетия советской власти или в постсоветской социальной среде различных псевдолиберальных деятелей после распада СССР. Понятно, что для обладания собственностью необходимы не племенные инстинкты, которые все равно не способны ею владеть в силу отсутствия навыков рациональной психологии, то есть причастности к разумным законам цивилизации, а очень жесткая иерархическая политическая структура власти, в которой собственность является исключительно государственной. Более того, она полагается священной в силу того, что это был первый опыт существования новой модели цивилизации в качестве начального формирования др. греческих полисов. Подобный опыт характеризует начальный опыт становления др. греческих полисов в момент формирования спартанских союзов, и момент формирования сталинского периода правления в СССР. Собственно, и марксистская идеология, отрицавшая права частной собственности на средства производства, пришлась в этот исторический момент очень кстати, когда можно было ссылаться на нее как на авангардные идеи своей исторической эпохи.

Как известно, по городам бывшей Российской империи в 1918 году стали ходить листовки с «Декретом об отмене частного владения женщинами» (в Саратове, Владимире и других местах), что демонстрирует еще одну из идей Платона при строительстве идеального государства. И не столь важно, были ли эти листовки провокациями, или действи-

тельно инициативой большевиков, но важен тот факт, что идея, высказанная более двух тысяч лет, назад неожиданно всплыла совершенно в другую историческую эпоху и в совершенно другом историческом народе. Понятно, что мы согласны с критикой Аристотеля подобной идеи Платона, но должны объяснить, почему она возникла в его идеальном государстве. Когда рушатся патриархальные устои жизни, выработанные столетиями, животные подсознательные инстинкты получают полную власть в сознании. Мы знаем, что в первые годы советской власти по русским деревням разъезжали «свободные пролетарии», распространяя культ свободной любви, которые пропагандировала «свободная пролетарка» А. Коллонтай. Собственно, это и есть фрактальная картина возвращения дионисической мистерии в чистом виде, но уже в другую историческую эпоху и в другом народе. Поэтому Платон, учитывая оргиастические мистерии дионисизма в др. Греции, и предлагал, по-видимому, казарменный режим воспитания мальчиков для того, чтобы их сознание было занято не сексуальными интересами их влечений переходного возраста, а воспитывало в них мужественные предпосылки действия воли, которые необходимы для служения государству.

Значит, со стороны Аристотеля в сторону идеального государства Платона звучала критика с позиции ценностей среднего класса, то есть класса, который всегда заканчивает существование определенной модели цивилизационного

строительства, или, в современном смысле, класса буржуазии. И действительно, государственные структуры всегда опираются на средний класс, но только при условии, что политическая модель, в которой он функционирует, не находится в состоянии распада. Здесь Маркс оказывается исторически прав, указывая, что в момент гибели очередной модели исторического развития мировой цивилизации последними политическими силами, которые озвучивают приговор этой политической модели, является пролетарский класс, смешавшийся с рабами. Так оно, собственно, и произошло в XX веке, когда агрессивные племенные инстинкты масс вырвались наружу, ликвидировав вековой дух сурового действия традиции народов.

Понимание государственного устройства у Платона для нас крайне важно по той причине, что мировая история медленно втягивается в процесс становления новой модели цивилизации, космически-технологической, переживая переход к принципиально новым социальным отношениям. А Платон, будучи первым в истории философии, кто выделил идею государственности на основе самосознания, показал, что в начале любой модели государственности всегда должно существовать противоречие: между массовым сознанием, которое всегда обусловлено племенными инстинктами, – и чувством долга, который существует перед разумной идеей целого. У Платона вообще идея целого – центральная во всей его философии.

Казарменный режим военно-политической системы, который Платон утверждал в своем идеальном государстве, пронизывает практически все начальные стадии становления принципиально новой модели мировой цивилизации в мировой истории. Это обусловлено исторической необходимостью заполнить сознание индивида не мусором энергии либидинозных связей, которые заполняют его в момент распада очередной политической модели цивилизации, а тем, что требует от него выполнения его долга во всей суровости его действия перед памятью предков.

Часть IV
Исторические основы государственности

Гл. 10
Критика идеального государства Платона Гегелем

Всемирная история преимущественно есть история государств.
Гегель

Понятно, что критика государства Платона Гегелем значительно нам ближе в историческом времени, чем критика Аристотеля. Кроме того, Аристотель был учеником самого Платона, то есть имел возможность непосредственного с ним общения, когда это критическое отношение ограничивает-

ся великой эпохой др. греческой истории, в которой жили и творили многие выдающиеся представители высших ценностей ее культуры. При этом идея об общности жен и детей очевидно является явным преувеличением для строительства государства, хотя, например, реализацию этой идеи на практике можно найти в Османской империи в формировании военной элиты османского войска, янычар, набиравшихся насильственно из христианского населения империи, которые с малого возрасте воспитывались в казарменном духе патриархальной преданности исламу с 8-16 лет. Жизнь в казарме и прием еды из одного котла формировал в них духовное единство, которое исключало возможность иметь семью и заниматься хозяйством, то есть формировал из них особую военно-патриотическую касту в империи. Таким образом, мы видим, что фантастическая, в первый момент своего появления, идея об обобществлении детей через два тысячелетия, в другую историческую эпоху и в другом народе получает свое неожиданное развитие.

Очевидны предпосылки для критики государства Платона у Гегеля. Последний исходит из того, что мировой дух, определяющий законы развития мировой цивилизации, характеризуется свободой разумной индивидуальности человека, которая должна иметь разнообразие. Это разнообразие характеризуется тем, что у каждого исторического народа существует своя самобытная культура, которая исторически складывается у него в процессе его развития в мировой

истории. Другими словами, не существует какой-то одной абстрактной схемы для государственного устройства различных народов в силу их различного уровня развития по отношению к высшим ценностям мировой истории. С другой стороны, сама идея развития мировой истории в соответствие с развитием абсолютной идеи через историю абсолютного духа у Гегеля, безусловно, устарела, поскольку она не учитывает в своей линейной схеме представлений феномена расовых катастроф, то есть тех событий, когда рушатся многовековые устои государств и империй, когда многие исторические народы просто исчезают в мировой истории, растворяясь в каких-то племенах, как это было, например, с судьбой римского народа.

Вообще, эта критика Гегелем государства Платона справедлива именно со стороны законов развития мировой истории, когда государственное устройство – это не пространство, а именно время, в том смысле, что, в отличии от пространственных алгоритмов действия сознания, всегда привязанного к какой-то конечной логической схеме, самосознание не может быть предсказуемо в силу обращенности к непредсказуемости духовных ценностей своей исторической эпохи. Так, Маркс погружает линейную схему абсолютной идеи мировой истории в интуицию расовой катастрофы своего исторического времени, и обнаруживает в ней историческую силу, которая разрушает любую модель мировой цивилизации в истории – это класс пролетариев. Если

учесть, что класс пролетариев является беднейшей частью населения любой исторической империи в ее государственном устройстве, то можно понять, почему все государства исчезают в мировой истории в момент перехода к новой модели цивилизации, когда их разрушает псевдоцивилизация. Так разрушались все модели цивилизаций: шумерское государство, Ассирийская и Вавилонская империя, Римская империя и другие, то есть это социальное дно, куда стекались отходы цивилизации в процессе ее развития, неожиданно взрывалось и процесс развития новой модели цивилизации начинался практически с нуля. Ясно, что в такую историческую эпоху рассуждать о реальности абсолютной идеи в смысле Гегеля невозможно.

Вообще, мы должны принять концепцию мировой истории Маркса со стороны описания им социальных процессов, которые происходят в момент расовой катастрофы, то есть в момент перехода от одной модели развития мировой цивилизации – к другой модели. В первую очередь, мы должны это принять по той причине, что она возвращается к идее идеального государства Платона с неожиданной стороны, а именно, со стороны необходимости коллективной собственности на средства производства. Понятно, что эту мысль мы должны довести до уровня философии идеализма, не оставляя ее лишь в качестве того пафоса сознания восставшего раба, из которого исходит теория марксизма. Ведь быть рабом – это удел не разума, а неразумной человеческой приро-

ды, которая незнакома с высшими ценностями мировой истории, утверждаясь только по той причине, что их полностью игнорирует. И то, что в определенные исторические эпохи, когда между людьми рушатся рациональные коммуникации, на базе которых строились все модели исторических цивилизаций, побеждают человеческие массы, а не воля разумных индивидуальностей, является таким же закономерным процессом, как и появление великих произведений искусства, выдающихся полководцев, философов и политиков – в другую историческую эпоху.

Мы видим главный аргумент в критике государственного устройства Платона у Гегеля – это отсутствие у первого в его теории государственного устройства воздействия духовного самосознания субъекта как условия причастности к наибольшей остроте объективных противоречий своей исторической эпохи. Ведь только дух способен освобождать от земных оков сознания, когда самосознание субъекта максимально вовлечено в энергетические ресурсы воли, которыми движут авангардные идеи своего исторического времени. В этом смысле, возвращаясь к позиции философии Диогена, можно заметить, что она демонстрирует в своей субъективной позиции, во-первых, интерес к чистой идее человека, которой не было в языческом мире и которая смогла раскрыться лишь в религиозной позиции христианства; а во-вторых, какие-то простейшие элементы психологии монашества, которое также смогло раскрыться как великая социальная идея

лишь значительно позднее в мировой истории. Ведь всем известно, что идеология христианской церкви, помимо истин Ветхого Завета, очень плотно работала и с наследием др. греческой философии, включая в свою идеологию те ее элементы, которые она выработала в качестве своих возможностей понимания разумного мира.

Таким образом, оставляя за концепцией Платона полное право на понимание исторической необходимости существования у власти государства рационально мыслящих людей, Гегель замечает, что сама рациональная психология человека настолько радикально меняется от одной исторической модели цивилизации – к другой модели, что необходима свобода выбора для ее радикальных изменений по отношению к историческому духу своей исторической эпохи. Можно сказать, что, поскольку исторический дух сам является во многом творцом этой рациональной психологии, то для него необходима полная свобода выбора в качестве того исторического материала, который необходим ему для прорыва в историческое будущее. Платоновское же государство слишком статично по отношению к текучим законам мировой истории, стараясь во многом определять себя как кастовый принцип власти.

Причины, в силу которых государство Платона является в понимании Гегеля хотя и основополагающей, но устаревшей концепцией в историческом смысле, являются права человеческой личности, которые, начиная с религиозных

ценностей христианства, постепенно вырастают в предпринимательскую психологию субъекта торгово-промышленной модели мировой цивилизации, в которой объектом строительства становится уже вся Земля, а не только государства, которые соседствовала с др. греческими полисами эпохи Платона. Здесь схематизм идеи государства Платона становится слишком ограниченным. Он ограничен уже тем, что процесс развития торгово-промышленной модели цивилизации предполагает безусловное право частной собственности как внутреннюю движущую силу развития мировой истории. Можно сказать, что критика Гегеля по большей своей части направлена на ограниченность духовного пространства Платона лишь одной исторической эпохой, тогда как в мировой истории, если мы рассматриваем идею государства, его внутренняя структура постоянно меняется, начиная с ее опыта в др. восточных цивилизациях, ко все большей интенсивности субъективной свободы человека.

Но основным моментом критики государства Платона у Гегеля является отрицание у первого земных интересов людей перед высшей истиной сознания долга, то есть отрицание противоречий сознания реальности, в которой государственное устройство не может быть только конечной абстрактной схемой. Ведь человек является земным существом в том смысле, что он обладает своими страстями и многообразием земных конечных человеческих целей, которые меняются от одной исторической эпохи – к другой исторической эпохи.

И в силу закона отрицания отрицания, то что являлось основанием государственного устройства в одну историческую эпоху, совершенно не годится в другую историческую эпоху, хотя бы по той причине, что научно-технической прогресс постоянно меняет человеческий быт, а социальные механизмы власти в большей своей части ориентированы на бытовое сознание человека. И если на заре становления известных нам достижений др. восточных цивилизаций этот быт сводился к узкому набору бытовых вещей, которые можно было пересчитать на пальцах рук, то в наше историческое научно-технических прогресс стал кардинально менять бытовое сознание человека в огромном количестве вещей научно-технического прогресса, все больше и больше вытесняя его возможности самосознания, при этом резко изменяя основы его рациональной психологии. Эта психология меняется, в первую очередь, на уровне подсознания, которые вынуждено перестраиваться в проекции на земную жизнь как на нечто каждый раз новое в процессе перестройки этого быта. И действительно, государственная идея является именно идеей, то есть такой нравственной силой, которая связывает каждый раз в новой системе рациональных коммуникаций человеческое так, что оно становится на службу действующему разуму своей исторической эпохи. В этом смысле, государственная идея является в философии Гегеля подтверждением действия абсолютной идеи в мировой истории в качестве действия мирового духа на Земле как его реальное

воплощение.

Однако есть один принципиальный момент, который делает очень проницательную критику Гегеля относительной. Он состоит в том, что Платон исходил из вечной природы космоса, то есть той неизменности высших процессов психики человека, которая связывает его подсознание с энергией космической жизни в субъективных основах как неизменных, хотя и постоянно меняющихся лишь в качестве объективности своих конечных земных связях. Другими словами, речь идет о неизменности неких фрактальных элементов космической жизни в подсознании человека, которые относятся к человеческому как к чему-то несущественному, что в этом фрактальном потоке сознания становится относительным в качестве пренебрежения космического по отношению к этой земной жизни. Здесь в полной мере действует классическая позиция понимания ценностей др. греческой логики социальных ценностей полиса, который в сознании др. грека являлся отображением вечной энергией космической жизни, которая бесконечно ослабевает в момент приближения к земному. У Гегеля, можно заметить, все, наоборот. Он утверждает, что абсолютная идея должна выражаться в реальной человеческой жизни как весь комплекс сложнейших противоречий столкновения человеческих интересов именно в чем-то земном, обрастая самыми острыми противоречиями своей исторической эпохи, как, например, вхождение войск Наполеона в Германию, пресекая раздробленность от-

дельных немецких княжеств. По итогам Тильзитского мира (1807 год) Пруссия лишилась значительной части своих земель, а Священная Римская империя прекратила существование. На месте бывшей империи был создан Рейнский союз — объединение германских государств под протекторатом Наполеона.

Понятно, что, с позиции расширения влияния энергии действия мирового разума в мировой истории позиция Гегеля в понимании государственных ценностей является более прогрессивной, чем идеальное государство Платона, которое ограничено ценностями, в основном, др. греческих полисов. Однако здесь мы имеем различную и, можно сказать, полярно-противоположную, перспективу ориентации процесса раскрытия ценностей: в одном случае, последовательность перехода от сознания к самосознанию, идущую от энергии космоса, как доминирующую – в непосредственной земной человеческой жизни; в другом случае, наоборот, последовательность, которая движется от самосознания – к сознанию во всем сложнейшем противоречии реальности ценностей своей исторической эпохи непосредственного конфликта: земного и не земного. Здесь система субъект-объектной связи движется в полярно-противоположных направлениях, хотя и имеет равноценную задачу. В качестве расширения масштаба влияния энергии мировой цивилизации на судьбы всех народов на Земле понимание государства у Гегеля более содержательно, поскольку дает возможность втягивать в

поле активности влияния мировой цивилизации все поля отдельных культур народов, до которых ранее импульсы этой энергии практически не доходили, если, например, оценить меру этого влияния в историческую эпоху хотя бы двух тысячелетий до н.э. И это многообразие втягивается в энергию мирового духа как нечто целое, что живет своей реальностью в энергии своих противоречий, реагируя через свои локальные поля традиции культуры как энергия памяти предков.

В философии государства Гегеля есть один важнейший момент для понимания современных идей философии идеализма. Он выражается в том, что его философия, с одной стороны, является философской базой и моральным оправданием всей мировой истории цивилизации, начиная с ее опыта в др. восточных государствах и заканчивая реализацией модели торгово-промышленного развития. Ведь Германия вступила в этот проект развития цивилизации последней из европейских государств, находясь, с одной стороны, внутри реализации этого проекта, а с другой стороны, была психологически открыта для возможности реализации принципиально нового проекта развития мировой цивилизации. Но этот другой проект развития мировой цивилизации предполагал, что старый проект модели развития, торгово-промышленный, должен полностью реализоваться и начать отрицать самого себя. Так, все модели развития мировой цивилизации, реализовавшись в мировой истории, начинают отрицать сами себя в определенный исторический момент

времени, при этом сохраняя определенное подобие своих базовых элементов. Они как русские матрешки, вложенные друг в друга, не меняют лишь набор своих конструктивных элементов, постепенно расширяясь в энергетическом объеме пространства своих ценностей во времени. И действительно, начиная с древнейших времен, мировая цивилизация расширяет свое влияние, вовлекая в поле своей активности все больше и больше число народов, которые до определенного момента времени находились на самом низком уровне развития культуры.

Таким образом, очевидно, что Гегель, в отличии от Платона, рассматривает государство как живую духовную силу мировой истории, в которой самосознание человека испытывает постоянные изменения в процессе изменений системы ценностей очередной исторической эпохи, где активны те или иные социальные ценности сознания. Таким образом, в отличии от Платона, у которого действия государства отображает по большей степени энергию действия души в космосе, Гегель акцентирует ценности государства на самосознании духовных ценностей определенной исторической эпохи в качестве непосредственного воздействия воли разумного субъекта на доступную для его сознания природу материи. Критерием высших ценностей у Гегеля выступает именно полноценность государственной модели власти, в которой нравственные основы субъективности отображают историческую необходимость ее объективного существования.

Историческая воля разумной индивидуальности субъекта у Гегеля является разумной волей мирового духа, который передает из поколения в поколение высшие ценности мировой истории от одного исторического народа – другому народу.

Гл. 11
Критика идеализма и отношение к государству Ницше

Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжёт оно…

Ницше

Наибольший интерес в вопросе государственных ценностей по отношению к нашему историческому времени для нас является философия Ницше, поскольку в западноевропейском интеллектуальном опыте мысли он был последним, кто мыслил в пределах полноценной модели мировой цивилизации, хотя уже и переживающей начальные моменты своего распада. В вопросе «лжи», о которой рассуждает Ницше, мы должны рассматривать последствия, которые отразились на судьбе европейских народов тогда, когда они перестали жить памятью наследия римского духа, который был государственным по преимуществу из всего наследия опыта развития языческой модели цивилизации. И здесь мы видим, что в этом тезисе Ницше вступает в наивысший конфликт с философским пониманием государства у Гегеля, когда последний, наоборот, полагает, что именно государство явля-

ется наибольшим воплощением высших ценностей мировой истории.

В чем причина этого острейшего противоречия между двумя выдающимися философами мировой истории? Мы полагаем, что оно заключается в том радикальном изменении подсознательных процессов высшей психики, которые характеризуют состояние европейца в торгово-промышленной модели цивилизации в момент исчезновения взаимосвязи с наследием римского духа, у которого она постоянно училась основам государственности и права. И если философия Гегеля демонстрирует наивысший опыт освоения наследия римского духа в качестве государственных ценностей как высших, то Ницше, как мы видим, наоборот, государство полностью отвергает как объективный социальный механизм по отношению к объективности высших ценностей жизни. При этом, именно его философия вводит понятие «высших ценностей», отделяя их от ценностей низших. В чем причины такого резкого полярного перехода к полярно противоположной оценке государства?

Очевидно, что в основе крайне негативного отношения к государству у Ницше существует в целом негативное отношение к философии идеализма, которую он упрекал в чем-то выдуманном по отношению к жизни, что ведет к нигилизму, отрицающему саму жизнь в ее сложнейшей полноте противоречий различных ценностей. Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая относится уже непосредствен-

но к нашему историческому времени, то есть к новейшим историческим событиям. Она формулируется так: в чем существует разумная идея жизни человека, если в качестве быстроты действия абстрактных логических операций ИИ значительно опережает его абстрактные логические конструкции мышления? И первый наиболее весомый аргумент против ценностей идеализма, которые выдвигает Ницше, состоит в том, что отсутствует какая-то смысловая аргументация того, что нужно реализовывать какую-то цель в жизни по той причине, что ее уже многократно реализовывали другие люди, в разное историческое время на всем протяжении мировой истории. Эти цели реализовывались везде: в политике, в науке, в религиозной вере, в наслаждении жизнью или, наоборот, в отрицании всех земных радостей. Зачем повторять все это, если впереди все равно тебя ожидает смерть? Государство же навязывает эти конечные цели в сознании реальности, но непонятно – для чего, если разумная идея жизни отсутствует?

Вообще, вопрос о возникновении какой-то конкретной цели человеческой жизни в сознании реальности, которую индивид реализует как основную цель, очень серьезный. Ведь одни хотят от жизни много денег, другие – максимальной политической власти, третьи – побольше иметь детей, а четвертые все вместе и еще параллельно несколько менее значительных целей. Можно сказать, что эти различные цели в непосредственном сознании реальности буквально разры-

вают сознание человека на множество противоречивых потоков, которые вступают друг с другом в противоречие, и очень сложно выделить какую-то одну доминирующую цель, поскольку, как правило, необходимо решать множество этих целей одновременно. Но самое неприятное, по мнению Ницше, что все эти конечные цели сознания в реальности до нашей жизни преследовало огромное количество людей, которые исчезли во времени, и о подавляющем числе жизней этих людей никто не помнит. Так где тогда различие между жизнью и смертью, если в любом случае эти цели в реальности необходимо решать, а метод дежавю, на которую опирается его философская мысль, показывает, что все это не имеет какого-то разумного смысла в силу их бесконечного повторения. Другими словами, он подвергает сомнению то, что никогда ранее не подвергалось сомнению в истории философии – необходимость реализации какой-то разумной идеи жизни. Если любая цель в человеческой жизни никак не оправдана перед истиной неизбежности смерти со стороны исторической необходимости ее разумной реализации, то какой все-таки смысл ее тогда реализовывать? Здесь вопрос о существовании феномена времени резко ломает ход его линейного характера течения, который определяет модели развития исторических цивилизаций, начиная от религиозных ценностей монотеизма и кончая метафизическим временем торгово-промышленной модели развития, которая мыслит время, в основном, в качестве течения длительностей меха-

нического действия часов, – к чему-то частично циклическому в мировой истории, что во многом проиллюстрировала концепция мировой истории Шпенглера.

Мы – первые, кто рассуждает о философии Ницше с позиции метода дежавю исторического самосознания, а потому должны пояснить, что мы имеем ввиду. Оставляя в стороне научно-медицинское понимание этого явления, которое связывают с некоторыми паталогическими состояниями психики, когда отдаленное историческое прошлое переживается более интенсивно чем настоящее, мы рассматриваем его как особые состояния психики, как «временную перспективу», «темпоральность» или «ретроспективный захват» духовных ценностей исторического прошлого в философском содержании мысли ее движения в настоящий момент времени. Такого рода состояния психики мы рассматриваем как наиболее глубокую взаимосвязь с событиями мировой истории, которые вклиниваются в бессознательные процессы психики не со стороны бытового сознания реальности, а со стороны каких-то неизвестных ранее субъекту состояний самосознания, которые существует в поле активности его расового бессознательного и которое необходимо принципиально отделять от состояний, сводящихся к массовому бессознательному. Другими словами, необходимо различать бессознательное, которое сводится к ценностям цивилизации и которое сводится к ценностям культуры.

Почему мы подробно анализируем наследие немецкой

философии, когда она была именно философией, а не набором того пустословия, которое характеризует поле ее современного существования? Ранее, мы показали, что проект глобальных реформ петровской эпохи в России происходил под влиянием резкого перехода этапа подражания византийской культуре в поле русской традиции – достижениям западноевропейской цивилизации, в первую очередь, в развитии достижений немецкой мысли, когда сама академия российских наук формировалась в первый момент своего появления немцами, особенно в науке и образовании. Создание Академии наук в Петербурге (1724 г., открыта в 1725 г) И в дальнейшем, становление истории Российской империи происходило под влиянием развития правого и научного поля немецкой мысли. Это то, что касается влияния на российскую историю цивилизации, тогда как начала русской культуры, безусловно, необходимо видеть в наследии византийского опыта существования ценностей. И здесь какого-то «особого» пути цивилизационных процессов в российской истории не просматривается, с точки зрения общей разумной логики их развития в мировой истории. Подобного рода процессы влияния народов, находящихся на более высоком уровне развития цивилизации, определяет все события мировой истории. Самые заметные – это влияние др. египетской цивилизации на развитие самосознания др. греков и др. евреев или формирование поля цивилизации древних германцев с момента появления на их территории христианских

храмов, которые строили др. римляне тогда, когда Римская империя еще существовала.

Возвращаясь к резко негативной формуле Ницше государства как «холодного чудовища», мы должны понимать, что этим «холодом» на Ницше повеяло от того содержания дионисической мистерии, которое в истории Др. Греции последовало за возникновением культа Аполлона, постепенно оттеснявшего мистериально экстатический характер культа Диониса. В нашем понимании, исторически, речь идет о том, что возникновение спартанских союзов, ориентированных на военно-патриотические культы Артемиды и Аполлона, решали прямо противоположную задачу по отношению к этому культу. Вместо слияния с природой во всей мощи ее разрушительной полноты, они культивировали, наоборот, границу с тем, что связывает человеческое существо со спасительной полнотой единения с природой. И действительно, государственная идея, а структура спартанских союзов Др. Греции была первым историческим опытом государственности в судьбе европейских народов, формировалась в качестве высшего чувства долга по отношению к тем простейшим элементам формирования цивилизации, которые стали возникать в тот момент, когда восточная цивилизационная модель развития перешла в состояние псевдоцивилизации.

Таким образом, субъективный метод дежавю в интуитивном самосознании событий мировой истории предстает у Ницше в качестве хаоса фрактальных потоков исторической

памяти, которые сознанию человека оставили в ней наиболее значительные исторические события. Другое дело, что в отличии от линейной перспективы событий мировой истории, которые обладали строгой логикой последовательности, что наиболее полно разработано в философском наследии Гегеля, эти исторические события демонстрируют не только последовательность течения, сколько чаще всего – хаос. Хаотический информационный поток сознания, в котором связность мысли полностью ускользает в неочевидность самосознания по отношению к научной мысли – это тот натиск энергии материи времени, который разрывает дискретными воспоминаниями монотонные ряды последовательных ассоциаций сознания. Можно сказать, что этот моделируемый хаос взрывает логику последовательных дедуктивных утверждения в качестве свободного течения локальных фрактальных последовательностей многообразия информационных потоков.

Утверждение о том, что «государство – это холод» мы должны понимать, как энергию материи времени, которая вклинивается в естественную полноту человеческой жизни, в результате чего земное сознание резко и грубо прерывается метафизическими силами, лишая его сознание субъективной свободы воли. Понятно, что для субъекта, обладающего всей полнотой свободы в тот исторический момент, когда он оказывается на высоте максимальной полноты единства с тектоническим сдвигом от одной глобальной системы

модели мировой цивилизации – к другой модели, объективность исторической необходимости возникновения из этого первородного исторического хаоса событий государственной идеи исключена. Этот новейший субъективный сдвиг подсознания, как утверждает Ницше, является мистериальным пространством, который он отождествляет с культом Диониса, есть предпосылка для становления новой модели цивилизации практически из ничего. Именно поэтому его интересует только философский период досократиков в истории Др. Греции. По существу, его субъективная позиция утверждает, что наша историческая эпоха – это переход ценностей фундаментальной науки в новый великий миф, что влечет за собой глобальную перестройку рациональной психологии человека для ее функционирования в новой модели мировой цивилизации.

Значит, «ложность» ценности государства проистекает в философской позиции Ницше из той объективной исторической задачи, которую он решает, анализируя переломный момент исторического сознания субъекта: от одной модели цивилизации – к принципиально другой модели. Решение этой задачи в принципе исключает философский интерес к тому, что должно следовать после процесса этой перезарядки высших процессов психики, или, упрощая понимание самого процесса, исключает объяснение исторической причины, в силу которой для сознания др. грека высшей святыней стал именно культ Аполлона, а не культ Диониса. Это все

равно, если бы мы, утверждая, что нас окружает псевдоцивилизация, а не цивилизация, начали бы фантазировать, какой будет новая модель цивилизации через несколько веков мировой истории. Впрочем, разного рода фантазеры, в силу недостатка у них критических способностей рационального мышления, этим и занимаются, тем самым производя очередной мусор массовых ценностей.

Вероятно, что Ницше оценивал то государственное устройство, которое на его глазах стало формироваться как массовое в своей социальной модели, а оно действительно является «ложью» по отношению к разумным законам развития мировой цивилизации. Тогда действительно, поскольку массовые ценности – это продукты распада очередной модели цивилизации, то места для разумного человека подобного рода государственное устройство не предполагает. Оно допускает в своей системе ценностей лишь интеллектуальную среду, которая функционирует исключительно в русле мифологии массовых ценностей или того, что их социально обслуживает: в науке, в культуре, в политической деятельности. Именно по этой причине оно оставляет в своей социальной модели место для различных научных разработок, как в свое историческое время в очередной эпохе Темных веков от языческого мира – к религиозному миру монотеизма, социальная система допускала лишь полемику на уровне исключительно религиозных представлений о мире. Процесс перехода к раннему Средневековью начал происходить лишь

в момент возвращения к классической греческой философии у первых схоластов. Но мы, поскольку наш метод – отрицания отрицания в качестве логической преемственности основных противоречий философской исторической мысли, исходим из объективной задачи понимания простейших элементов новой модели мировой цивилизации, которые возникают после мистериальной реальности социальных процессов, соединяющих две различные модели мировых цивилизаций.

Не трудно заметить, что Ницше во многом занимает такую же позицию в философии в свою историческую эпоху, как и Диоген, в том смысле, что отрицает очевидное, что есть перед его глазами как неоспоримый факт. Диоген – наличие в реальности человека, а Ницше – существование разума только в фундаментальной научной мысли, которая в его историческую эпоху присутствовала еще в полной мере как базовая основа мировой цивилизации. Этот факт во многом определил попытку современной социальной мысли, ориентированное на массовое сознание, классифицировать его философию как «иррациональную». Однако у Македонского хватило ума, чтобы понять всемирно-историческую значимость ценностей идеиализма Диогена, как и у Хайдеггера – понимания, что Ницше является последним метафизиком западноевропейской школы философской мысли.

Гл. 12

Граница ценностей цивилизации и псевдоцивилиза-

ции

Только дух представляет собой истинное, как всеобъемлющее начало, и всё прекрасное лишь постольку является истинно прекрасным, поскольку оно причастно высшему и рождено им.

Гегель

В нашем понимании, существование полноценного государственного устройства возможно лишь при условии, что в его основе имеет место быть рациональная психология человека, на которую оно опирается. Государство не может опираться на хаос, который с огромным трудом структурируют социальные институты современной псевдоцивилизации, спасая ее старую модель от полного коллапса. С другой стороны, моральной базой рациональных коммуникаций во все исторические времена существования мировой цивилизации было суровое чувство долга, поскольку вне его все любые социальные конструкции теряет свое разумное содержание, ибо не содержат в себе причастность к высшим ценностям мировой истории. И не столь важно, какое это чувство долга – перед высшей святыней культа Аполлона в спартанских союзах, или перед истинами Священного писания в духе протестантизма – в период расцвета Британской империи, но это суровое чувство долга должно действовать. Главный признак особенностей этого чувства долга – существование в эпицентре мировых исторических событий субъекта,

где происходят ее авангардные процессы развития. Но это чувство долга в эпицентре развития мировых исторических событий – это не прерогатива абстрактных ценностей одного народа, оказавшегося в определенный исторический период мировой истории в эпицентре мировых исторических событий. Это то, что Гегель понимал под движением абсолютной идеи в процессе развития мировой цивилизации, а мы понимаем, как расовое бессознательное Homo sapiens, которое кардинально перестраивает ее различные модели. Причина, в силу которых мы расширяем понятие «абсолютной идеи» Гегеля до расового бессознательного состоит в том, что новая модель цивилизации, космически-технологическая, определяется этими мощнейшими ресурсами высших процессов памяти человека, по отношению к которым современный ИИ – это первобытный скребок ее первых самых робких шагов развития. Последнее, следует рассматривать как пространство культуры, которое постоянно топологически выделяет потенциалы энергии материи времени мировой цивилизации.

Расовое бессознательное – это энергия времени, которая существует в памяти человека как океан воспоминаний, осознаваемый лишь частично. Минимум осознается в соприкосновении с бытовой культурой своей исторической эпохи, максимум – в появлении великих идей развития мировой цивилизации, которые возникают в эпицентре развития мировых исторических событий. В понимании расового бессо-

знательного принципиально не отождествлять его с «коллективным бессознательным», которое разрабатывал Юнг, поскольку его понятие полностью исключает иерархию исторических ценностей, тогда как расовое бессознательное, наоборот, их выстраивает по отношению к авангардным процессам развития мировой цивилизации в самосознании. Таким образом, «коллективное бессознательное» у Юнга – это попытка развить понятие массовое бессознательное Фрейда до какой-то объективной ценности социальных представлений массовой культуры, тогда как расовое бессознательное – это, наоборот, то, что массовой культуре противостояло на всем протяжении мировой истории. По существу, это противоречия на бессознательном уровне между ценностями культуры и разумными ценностями мировой цивилизации.

Очевидно, что понятию «расовое» мы придаем полярно противоположное понимание чем то, которое существует в современных научных представлениях о биологическом происхождении человека. И здесь мы опять вспоминаем позицию идеализма Диогена, который в окружении своих сограждан, утверждал, что человека среди них нет, то есть в фокусе своей идеи не замечал реального человека, поскольку не обнаруживал в нем того разумного начала, который он полагал критерием его присутствия. Но разумная действительность самосознания субъекта всегда противостоит ценностям сознания своей исторической эпохи, когда на уровне обыденного сознания оно чаще всего кажется абсурдным, но

только не с позиции разумного понимания действительности. Таким же абсурдным казалась и гипотеза Дарвина о происхождении человека от примата в свое историческое время. Впрочем, если биологическая природа человека и могла быть прообразом его появления, в нашем понимании, происхождение в нем разума следует искать все-таки в чем-то другом, а не в том, что приравнивает его существование к остальным биологическим видам природы. И это другое существует в наиболее сложных процессах его бессознательной памяти, которая далеко выходит за пределы всего многообразия его соматических процессов.

Анализируя события мировой истории, мы видим, что структура рациональных коммуникаций между людьми, которая дает возможность появления государства, постоянно меняется, начиная с древнейших времен. И здесь необходимо учитывать, что, хотя мера духовной свободы человека растет в процессе развития мировой цивилизации, параллельно растет и сознание высшего нравственного долга, когда появление различных племенных образований, разрушающих государственное устройство, в конечном счете, подчиняет их своей социальной структуре, выработанной в течении длительного времени. Подобным примером может быть влияние высших процессов памяти на народы, которые находятся на более низком развитии по отношению к уровню развития мировой цивилизации. Например, шумерский язык сохранялся в качестве религиозного и учебного языка в

Месопотамии, когда само шумерское государство распалось. Он сохранял статус сакрального, литургического и научного языка на протяжении многих столетий — вплоть до начала нашей эры, как, аналогичным образом, латинский язык длительное время использовался как сакральный язык в религиозной жизни европейских народов. Значит, именно язык как «тело мышления» (Гегель) выражает высшие процессы исторической памяти в исторических событиях развития мировой цивилизации, передавая духовное наследие прошлого от одного народа – другому народу. Именно под этим «телом мышления» топологически-фрактальных функций языка мы и понимаем энергию расового бессознательного, в котором передаются высшие ценности мировой истории.

Язык, как средство коммуникаций, создает определенное пространство в энергии материи времени, связывая своей топологической структурой фрактальных последовательностей информационных потоков сознание людей, в которое погружено их индивидуальное самосознание. Если язык примитивный, как, например, предельно упрощенный современный язык массового общения, то активность цивилизации – минимальна. Если язык насыщен глубиной понимания разумной природы мира, то активность мировой цивилизации, наоборот, максимальна. Но сводить реальность цивилизации к центральной проблеме строения языка – ошибочно, поскольку язык общения – это лишь пространственный алгоритм бесконечной глубины потока действия энер-

гии материи времени, формирующийся в качестве действия основного свойства времени – присутствия его в пространстве.

Вообще, в структуре языка существует нечто подобное музыкальным ритмам, которые всегда передают границу: между земным существованием человека в его бытовом образе жизни и космическими ритмами подсознательных процессов памяти. Под музыкальным ритмом мы понимаем противоречия между энергией различных информационных потоков памяти, которые взаимодействуют друг с другом в качестве различных потенциалов энергии. Низшие потенциалы этой энергии сводятся к биологическим влечениям человека, поскольку память в них присутствует минимальными длительностями последовательностей информационных потоков; высшие потенциалы, наоборот, характеризуются максимальными энергетическими последовательностями информационных потоков, которые выражают духовную ценность жизни.

«Тело языка», если пользоваться формулой Гегеля, является пространством энергии материи времени, в котором определяются ценности сознания человека в пределах представлений своей исторической эпохи. Но самосознание человека, как основа его разумной индивидуальности, существует не столько в ассоциативном пространстве сознания, сколько в непосредственной энергии материи времени. Значит, этим «телом языка» мировой дух оперирует как ре-

альностью материи, сходящейся в многообразии локальных фрактальных последовательностей представлений о мире к сознанию реальности. Однако фундаментальные фрактальные последовательности, действующие как топологические структуры целого, не могут быть полностью сведены исключительно к сознанию реальности, поскольку в этом случае человек бы был только биологическим существом, не способным создавать основы цивилизации. Можно сказать, что воля к власти стремится захватить в энергии пространства максимально жесткие структуры высших процессов памяти, продлиться до тех наиболее глубоких ее процессов, которые, одновременно, являются и самыми разрушительными для обыденного сознания.

Одним из основных признаков перехода процессов развития торгово-промышленной модели цивилизации в состояние псевдоцивилилизации является фактически сращивание ценностей научно-технического прогресса с экономической целесообразностью научных разработок. Конечно, ценности фундаментальных научных исследований остаются приоритетными, и в них разумное начало развития цивилизации еще теплится, но они требуют огромных финансовых вложений, которые становятся малодоступными даже для кооперации высокотехнологических стран. Но финансовые проблемы, как мы полагаем, являются все-таки вторичными по отношению к главной проблеме современной фундаментальной науки, которая состоит в том, что исчезло со-

циальное пространство, в котором возможен полноценный диалог рационально мыслящих ученых в качестве эпицентра развития новейших авангардных идей науки. Научная мысль перешла в область возможностей потрясения массового сознания своими технологическими «чудесами», когда ее достижения в различных направлениях поражают массовое сознание неожиданностью разрушения знакомых представлений о строении материи. Это нечто подобное тому, что существовало в расширении религиозных представлений о мире в момент исчезновения языческого мира и наступления новой монотеистической веры, когда чудеса религиозной веры создавали то тепло человеческих коммуникаций, которое определяло авангардное развитие событий мировой цивилизации. Впрочем, эти чудеса и в наше историческое время способны поражать массовое сознание, например, в современной российской религиозной социальной среде, когда был обнаружен саркофаг с мощами Д. Донского. И вера в эти чудеса достижения научно-технического прогресса современной науки или в религиозные чудеса все-таки лучше для реакций массового сознания, чем те разрушительные процессы тотального нигилизма ценностей, которые демонстрируют современные процессы торгово-промышленной модели цивилизации, поскольку хотя бы косвенно указывают на метафизическую загадку мира. А если есть метафизическая загадка происхождения мира, то есть и потенциальная возможность для раскрытия его разумного ос-

нования. И то, что мы ставим знак равенства между двумя полярно-противоположными системами ценностей: научного понимания мира и религиозного отношения к нему, говорит о том, что явление различных великих мифов мировой истории имеет не случайное происхождение, а указывает на очень сложный процесс раскрытия внутренних событий развития мировой цивилизации, который раскрывается через противоречия между ценностями массового сознания своей исторической эпохи и авангардными великими идеями развития мировой цивилизации.

Но с каким массовым сознанием находится в противоречии современный исторический разум, если два великих мифа мировой истории: вера в ценности фундаментальной науки и вера в божественное творение мира не вызывает у нас этого конфликта, а лишь учитываются как необходимый исторический процесс развития мировой цивилизации? Объясним, почему эти два великих мифа не вызывают у нас внутреннего протеста. Мы это объясняем тем, что история философии идеализма, исторически, проходит через эти два огромных исторических периода мировой истории высших ценностей, выразившихся в схоластической школе религиозной мысли, в одном случае, и в классической философии западноевропейской школы мысли, во втором случае. В конфликт наш разум вступает с тем состоянием распада, то есть с состоянием хаоса агрессивности низших ценностей, которые полагают, что человек есть лишь чисто биологическое

существо в качестве единственности своего сознания в реализации своих социальных целей. Ведь в религиозном сознании и в сознании ценностей фундаментальной науки эта единственность существования сознания отрицается в истине самосознания. Религиозное сознание утверждает, что в отличии от биологического начала сознания – в самосознании человека существует Бог, то есть нематериальное духовное начало мира; а фундаментальная наука развивается в постоянном изменении откровения новизны разумного познания мира как процесса непрерывного исследования новейших свойств материи, обусловленными постоянно усложняющими методами научного анализа в рефлексии самосознания, где отрицание достигнутого знания о материи предполагает следующий прорыв к более сложному пониманию ее строения.

Таким образом, поскольку мы являемся сторонниками и продолжателя истории философии идеализма, то мы не может отрицать тот путь, который это учение прошло в процессе своего исторического развития. Мы должны его понять, причем понять не на уровне формальной логики через абстрактные силлогизмы, применяемые к его наследию, а по отношению к историческому разуму политической силе мировой истории, который активно влияет на современную реальность. Абстрактные же схемы для массового сознания философии идеализма лучше нас для опишет ИИ, поскольку абстрактный схематизм мысли – это прерогатива созна-

ния, которое лишено полноценной рефлексии самосознания действующего разума. Впрочем, и этот первобытной скребок новой модели мировой цивилизации годится тогда, когда разумная основа жизни практически отсутствует в иррациональных процессах современной псевдоцивилизации. Ведь особенностью развития глобального проекта развития новой модели цивилизации всегда является момент возвращения к каким-то глубинным подсознательным процессам психики, когда знакомые представления сознания о мире подвергаются деструкции, то есть переходят в хаос фрактальных локальных информационных потоков.

Главная причина, в силу которой ИИ не способен производить разумные оценки, в том числе таких наиболее значимых ценностей как цивилизация и государство – это отсутствие в абстрактных алгоритмах его оценок причастности к духу мировой истории. Правда, самые простые схемы на уровне детского сознания или чисто массового сознания он подобные оценки производить способен. Но, с другой стороны, если рациональное мышление не развито, как, например, в российской школе мысли, то эти детские схемы в сознании исторических событий тоже являются ценностью, чем вообще не понимать значимость разумного духа мировой истории в непосредственной жизни человека. Это все равно, что понимать, что знакомство на бытовом уровне сознания с достижениями научно-технического прогресса все-таки лучше, чем оказаться вне поля его влияния, хо-

тя он в наше время достанет везде, даже в диких джунглях. Но все-таки подобное знание неизмеримо хуже, чем быть в поле влияния авангардных достижений современной фундаментальной науки.

Размышляя над духовным наследием предков, например, возвращаясь к главному диалогу нашей работы: между Диогеном и Македонским, мы должны понимать, что этот смех, эта ирония, эта попытка глумится надо всем, что всерьез отстаивает позиции разумной идеи в судьбе исторической личности, если обратить внимание на спутников Македонского, присутствовали всегда. Так, человеческая масса всегда стремилась понизить уровень разума до своего понимания и реальности, а если это не удавалось, то подвергнуть остракизму его носителя, как это имело место в судьбе Сократа. Впрочем, какая великая идея и ее носитель не подвергалась остракизму: в истории науке, в истории религии или других полях исторической культуры? Чем жестче и непреклонней была идея, чем большему глумлению она подвергалась со стороны массового сознания, которое всеми возможными средствами стремилось сохранить позиции обыденных представлений о реальности, когда оно сталкивалось с этой идеей в качестве позиции разумной действительности. В этом смысле, эти агрессивные реакции современного массового сознания, которое пытается доказать себе и всем окружающим, что «все хорошо» в том смысле, что жить можно и без разумной идеи жизни, в полной мере выражают позиции со-

временной социальной реальности.

Часть V
Мировая цивилизация в российской истории
Гл. 13. Критика российских нравов Чаадаевым

Как известно, основой нашего социального строя служит семья, поэтому русский народ ничего другого никогда и не способен усматривать во власти, кроме родительского авторитета, применяемого с большей или меньшей суровостью, и только.

Чаадаев

Если мы будем искать позиции современного исторического разума в мыслях современной российской интеллигенции, то не найдем его в качестве возможностей объяснения разумных оснований мировой цивилизации, в том числе и в поле существования российской истории. Причины здесь очевидны. В наше историческое время ее культура с большим трудом освобождается от сектантского наследия марксизма, которое является сектантским именно по причине отрицания позиций философии идеализма, тогда как ценности массового сознания могут быть только низшими, то есть такими, на основании которых не существует разумный закон и право. Но мы не можем полагать, что в российской интеллектуальной традиции не было рационально мыслящих

личностей. Конечно же они были. И историческая необходимость возвратиться к их интеллектуальному наследию, нас требует один из острейших моментов современной российской истории, когда вопрос для России ставится вполне в гамлетовском смысле: быть ей – или не быть?

То, что нас в наибольшей степени настораживает в наше время, – так это тот факт, что уровень современных российских «интеллектуальных» дискуссий и аналитических работ, в своем подавляющем большинстве, по большей своей части напоминает лозунги с какой-то пролетарской маевки, где ораторы как будто даже теоретически не предполагают, что в мире помимо их красноречивых лозунгов на различные темы культуры существуют еще и разумные законы мировой цивилизации. Можно, в наше время конечно, обратить внимание на тот факт, что и в западноевропейской культуре гуманитарной мысли дискуссионный уровень катастрофически упал, но следует понимать, что за этим хаосом декларируемых ценностей современной западноевропейской мысли, по крайней мере, присутствует очень глубокий уровень рациональной мысли исторического прошлого, то есть это распад того, что было когда-то в мировой истории чем-то разумным. В российской истории все не так. В российской истории гуманитарной мысли попытка разобраться с тем, на каком уровне здесь существует исторический разум, неизбежно приводило к печальному выводу о том, что, если разумное здесь и существует, – то только по самому минимуму, когда

этот минимум еще необходимо отделить от очевидного подражания. И разговоры о «русской цивилизации» этой проблемы не решат, поскольку цивилизация может быть только мировой, связывая в реальности разумных людей всех народов мира. Дискурс же о «конфликте цивилизаций» или «диалога цивилизаций» – это темы не для разумного понимания мира, а для дискуссий в пределах современных иррациональных процессов псевдоцивилизации.

Возвращаясь к простейшим элементам русской национальной мысли в наследии Чаадаева, мы видим, что он, как разумный человек, прямо указывает на один из главных критериев присутствия разума в культуре народа, – на наличие в ней основ разумного права. И ответ его однозначен в оценке российской традиции, – оно отсутствует, так как родовая среда, где не пресечена активность племенных инстинктов, их не предполагает. Можно, конечно, рассуждать о полифонии различных российских этносов в многообразии их культуры, как это имеет место быть в современной российской социологии, но культура – это не цивилизация, а этнос – это не народ, поскольку в народе должна существовать какая-то национальная идея, которая характеризует его причастность к разумным законам развития мировой цивилизации. Но в чем она существует эта национальная идеи существования русского народа? – никто не мог ответить в эпоху Чаадаева, указывая на ее отсутствие, но лишь сводя ее только к культуре; никто не может ответить и в наше историческое время

из всей известной нам интеллектуальной дискуссии в пространстве социальных представлений современной псевдоцивилизации, пожалуй, кроме позиции нашей философской мысли.

А может быть эта национальная идея русской нации существовала в исторический период советской власти? Ранее, мы уже оценили уровень государственности при советской власти на подобии Уйгурского каганата, когда в обоих случаях в этих родоплеменных образованиях действовала сектантская идеология: при советской власти – ценностей коммунизма, при Уйгурском каганате – ценностей манихейства, когда нашим подходом в этой оценке является оценочная позиции русской православной церкви. Впрочем, эта лишь негативная оценка, поскольку с позитивной стороны советской власти в ней был заявлен проект новой модели мировой цивилизации в качестве зачаточных элементов становления новейшей социальной конструкции лигаристического союза. то есть такого военно-патриотического объединения, в котором государственная собственность была священной. Подобную политическую структуру наоборот, следует полагать простейшим опытом становления новой модели мировой цивилизации на границе перелома: от родоплеменной среды – к новой рациональной психологии, формирующейся в русле космически-технологической модели. Здесь мы обнаруживаем крайние противоречия: с одной стороны, чего-то варварского, что характеризует крайнюю форму ниги-

лизма по отношению к патриархальной норме жизни при большевизме; а, с другой, наоборот, опыт прорыва к новому духу проекта становления космически-технологической цивилизации, если учесть, что вся социально-государственная система после Второй мировой войны была пронизана верой к устремлению в космос.

Таким образом, правильнее было бы оценить советский период власти как явление новой веры в мировой истории, которая указывает на принципиально новый проект развития мировой цивилизации, космически-технологический, но и одновременно на очевидное отсутствие какой-то национальной идеи в государстве, поскольку грубый материализм, который здесь культивировался в социальной идеологии, отрицал ценность разумной индивидуальности человека, ибо первичная ценность массового сознания исключает ее. Исторически, аналогом этой новой веры может служить введение нового культа бога Атона при фараоне Эхнатоне. А поскольку мы полагаем, что современные геополитические события мировой истории необходимо рассматривать как переход современной псевдоцивилизации в новую модель, космически-технологическую, то к периоду советской власти с ее верой с устремлением в космос мы должны отнестись очень серьезно. Серьезно настолько, насколько вообще серьезен переход от одной модели мировой цивилизации – к ее принципиально новой модели исторического развития. Ведь, по существу, следствием отказа от этой но-

вой веры к духу традиции стало явление, которое уже происходило в мировой истории, а именно в истории Др. Египта. Но что тогда полагать истинной верой: веру в единого бога Атона, который насаждал фараон Аменхотеп – или патриархальную политеистическую веру др. египтян, уходящую вглубь тысячелетий? Как аналогичным образом, непонятно: что является подлинной верой – вера в светлое будущее, которое опирается на понимание вторичности земного существования человека перед загадкой космоса – или патриархальная вера народов Российской империи и других народов мира? Понятно, что только с позиции религиозных ценностей мы подобные события мировой истории не поймем. Однако должно быть очевидным, что возврат к родовым богам в истории Др. Египта, а в новейшей истории России – к традиционной вере является исторически необходимым хотя бы по той причине, что в основании событий мировой истории действуют разумные законы.

Мы не говорим, например, я имею право сделать то-то и то-то, мы говорим: это разрешено, а это не разрешено. В нашем представлении не закон карает провинившегося гражданина, а отец наказывает непослушного ребенка.

Чаадаев

С понятием разумного права дело обстоит исключительно плохо в наше историческое время во всем европейском мире, поскольку вне разумной действительности оно не суще-

ствует, а псевдоцивилизация с этим базовым основанием цивилизации незнакомо. Разумное право возникает только тогда, когда существует какое-то высшее чувство долга, связывающее людей в процессе строительства определенной модели цивилизации, поскольку бытовое сознание, не поднимающееся выше сознания реальности, его не предполагает. При этом вера, какой бы силой интенсивности она не обладала, не дает понимание высшего нравственного долга, поскольку высшее сознание долга – это прерогатива существования цивилизации, а вера – это всего лишь признак определенного поля культуры. В этом смысле, Чаадаев вполне справедливо задает вопрос о самосознании гражданина в России – где оно? Оно, как он утверждает, отсутствует, поскольку сознание гражданства – это и есть признак определенной модели развития мировой цивилизации. Гражданин причастен разумным законам развития мировой цивилизации, поскольку он есть часть законов мировой истории, в которых отображается иерархия высших ценностей в самосознании по отношению к конечности человеческой жизни, которые ее судят перед высшим началом мира.

Понятно, что Чаадаев, как и Сократ, судит свой народ с позиции самосознания, оставляя сознанию свободу только в сфере бытового образа жизни человека, которое не поднимается выше семейных ценностей. Однако семейные ценности – это то, что не обладает ценностью само по себе, а должно подчиняться правовым нормам цивилизации, в которых

семейное является частью государственного устройства. В этом смысле, очевидно, что Платон, утверждая это высшее сознание долга, отказывает гражданину в праве полноценного обладания семьей, поскольку равенства всех граждан перед законом является базовым принципом развития правовой системы. Но российский опыт права, как это вполне справедливо замечает Чаадаев, существует в младенческом состоянии, поскольку в нем правовая система еще не выделилась из родоплеменных отношений, на что указывает известная русская пословица: «закон как дышло, куда повернет, туда и вышло».

Впрочем, если в истории русской мысли были такие мыслители как Чаадаев, отстаивающие позиции разумного самосознания субъекта, то признаки цивилизационной модели в ней существовали на уровне европейского уровня развития, хотя и с заметным оттенком провинциальности. И в истории Др. Греции, как известно, попытка заложить основы разумной субъективности самосознания в позиции Сократа привели его к остракизму, поскольку требование ставить высшие ценности самосознания приоритетными по отношению к обыденным представлениям сознания всегда приводит к конфликту с социальной системой ценностей. В вопросе более перспективного пути католицизма и, в дальнейшем, протестантизма перед ценностями православия, на которые указывал Чаадаев, мы придерживаемся иной позиции, поскольку именно подсознательное воздействие религиозных цен-

ностей православия было одной из значительных составляющих начала интеллектуального течения русского космизма, ибо именно др. греческая культура, а не др. римская, характеризует приоритетные позиции космоса в самосознании субъекта.

Именно с этой переоценки понимания основ разумной действительности мы должны продолжить поиски русского космизма уже за пределами двух великих мифов мировой истории: религиозных ценностей православия (Федоров) или только чисто научного подхода (Вернадский и Циолковский). Понятно, что рассмотрение этой позиции как мифологических, требует исторического времени, но мы не спешим. Для нас начала космически-технологической цивилизации, которые определят будущее исторического развития мировой цивилизации должно будет раскрыться лишь при условии, когда в космосе появятся какие-то принципиально новые поколения людей, поскольку космос неизбежно изменит и психологию, и физиологию человека. Но в любом случае, и узость позиции одной веры, которая характеризует позиции русского космизма, особенно в период космической гонки при советском режиме, и чисто абстрактные ценности научного понимания мира, указывают лишь на отдельные поля культуры, а не на фундаментальные исторические законы развития мировой цивилизации, которые постепенно должны выработать правовую систему безусловного приоритета этого исторического развития ее нового проекта.

И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

Чаадаев

Таким образом, вопрос о содержании разумного права, который ставил Чаадаев в пределах российской культуры, актуален и в наше историческое время, поскольку и в наше время непонятно на какой основе оно существует в российской реальности. Те эклектические правовые основы, которые являются здесь примитивным подражанием основам западноевропейского права, явно не годятся, поскольку правовые нормы должны опираться на что-то бессознательное в процессах высшей психики, а не на абстракцию каких-то схем. Это бессознательное может быть только духовным наследием предков, то есть той сопричастностью разумным законам мировой истории, в которых субъективность реализует разумное право, как объективную необходимость строительства модели цивилизации здесь и теперь.

Ошибочно было бы полагать, что разумное право есть что-то застывшее, что-то неживое, законы которого человек выполняет как бездушный робот. Наоборот, разумное право – это активность духа мировой истории в ее авангардных исторических событиях, примером которых является диа-

лог Диогена и Македонского для своего исторического временим. Ведь правы были оба субъекта мировой истории: и великий полководец, и выдающийся философ, хотя придерживались полярно противоположных ценностей жизни. Значит, если их диалог сохранила для нас мировая история как пример своих высших ценностей, то основным уроком этого исторического сюжета должна быть необходимость подобных диалогов и в наше время, чтобы цивилизация развивалась. Но именно исчезновение этого уровня диалогов и стало одной из центральных причин исчезновения разумного права в поле существования западноевропейской цивилизации, поскольку массовое сознание ее современного социального пространства неспособно вести полемику такого уровня. И мы можем указать на исторический момент исчезновения уровня этой полемике в истории западноевропейской мысли, который заканчивается на философии нигилизма Ницше. Последний переносит этот полемический заряд в метод психологического самосознания дежавю, то есть в энергию материи времени, которая указывает на момент сворачивая модели торгово-промышленной цивилизации в состояние псевдоцивилизации, хотя в эту историческую эпоху этот процесс был только в самом начале.

Россия живет лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя.

Чаадаев

Это один из наиболее острых вопросов, который поставил Чаадаев в своем критическом отношении к российской действительности. Его можно переформулировать так: в каком историческом пространстве в наше время существует самосознание субъекта в России? На первом плане мы обнаруживаем религиозные традиционные ценности, которые пытаются как-то очень слабо противостоять глобализму распада старой модели цивилизации; и ценности сциентизма, которые в свое время заложил здесь Петр I, опираясь на фундаментальную науку в западноевропейском развитии мысли своего исторического времени. Пожалуй, это самая страшная особенность российской жизни, на которую указал Чаадаев, в силу чего рухнула и Российская империя, и Советский Союз, поскольку если есть только пространство культуры, а пространство цивилизации ничтожно мало, то подобная социальная система рано или поздно рушится, не в состоянии противостоять духу времени.

Но в отличии от позиции самосознания Чаадаева, мы существуем в принципиально другой исторической эпохе, в которой сравнивать современное нравственное состояние российского общества с современным состоянием западноевропейского общества не приходится, ибо и в последнем разумное право по большей степени стало относиться к алгоритмам ИИ, а не к самосознанию разумного субъекта. Можно сказать, что машинная культура зачистила здесь позиции разумного права, а потому проблема, которая была такой

острой в философии Ницше, где он требовал «зачистить» это массовое «человеческое», решил научно-технический прогресс в том смысле, что довел уровень интеллектуальной дискуссии о судьбе мировой цивилизации практически до нуля. И если позиция нигилизма Ницше в свою историческую эпоху была чем-то авангардным в понимании исчезновения иерархии высших ценностей мировой истории, то в наше историческое время она стала банальной и рутинной повседневностью человеческой жизни в массовом обществе, вызывая непонятное ощущение: человек – ни то он есть, ни то его нет. То есть, с позиции низших ценностей массового сознания, он, конечно, есть, а с позиции высших ценностей мировой истории, его безусловно, нет. Но вот, что интересно. Спутники Македонского, которые смеются над Диогеном, тоже выражают позиции массового сознания, для которых неприемлемы идеи, отрицающие земные радости жизни в философской позиции Диогена, однако реакция Македонского на оценку Диогена как бы их размазывает в сознании исторической реальности через индивидуальную разумную позицию субъекта, утверждая, что высшие ценности во всех полях мировой культуры равноценны по отношению к разумной действительности мировой истории.

Вопрос об исключительности лишь «настоящего» момента времени, о котором рассуждаем Чаадаев, когда историческое прошлое почти не удерживается в исторической памяти, за исключением религиозного сознания, важен по той

причине, что взаимосвязь с прошлым и будущим требует необходимости рациональной позиции мысли, которая, как утверждал Чаадаев, с чем мы согласны, почти отсутствует в российской культуре. Ведь научные ценности, которые стали внедрятся в российскую культуру насильно по воле Петра I, проникали сюда ни как знание, сопричастное метафизическому началу мира, что характеризует историю развития западноевропейской науки, а лишь в системе ценностей сциентизма. Эти ценности так и остались чем-то абстрактным в историческом опыте российской культуры, почти полностью определяемые научным знанием только со стороны прагматичного отношения к этим ценностям. Но в истории западноевропейской науки все было по-другому. В ней ее родоначальники, например, такие как Ньютон, Декарт и Лейбниц, были метафизиками и рационалистами, для которых наука была лишь дорогой в сторону высших ценностей развития мировой цивилизации. Таковой эта дорога была вплоть до второй половины XX века, когда стали отчетливо проявляться процессы перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации, в первую очередь, в исключительном росте активности массовой культуры. Именно в эту историческую эпоху стали появляться такие «историки науки» как Поппер.

Значит, в российской традиции культуры отсутствует тот метафизический импульс в научной мысли вплоть до научной позиции таких космистов, как Вернадский и Циолковский, то есть тот особый путь развития научной мысли, кото-

рая появилась относительно недавно по историческим меркам, а именно в конце XIX века. Правда, «метафизическим» подобный подход мысли можно назвать с большой натяжкой, поскольку это направление мысли практически полностью опиралось на научный материализм в своих представлениях, тогда как метафизика всегда требует выделения начала бытия в такой его сущности, которая показывает материю вторичной перед началом разумной идеи. Однако русский космизм – это то единственное, что демонстрирует в российский интеллектуальной культуре метафизическую интуицию самосознания субъекта, а потому, во-первых, мы не может ее игнорировать; а, во-вторых, ее историческое возникновение в более позднюю историческую эпоху, чем в ту, в которой жил Чаадаев, требует внести серьезные коррективы в переоценке современных российских нравов.

То, что нас кардинально не устраивает в научной традиции русского космизма, – это полная размытость субъекта как объективной реальности рационального понимания метафизического начала мира на уровне законов развития истории мировой цивилизации. Эта позиция как бы повисает в энергии материи Вселенной, утверждая, что все многообразие природных процессов в ней и есть сам «субъект». Но такого рода подход предполагает лишь ограниченность поля научной мысли в ценностях сциентизма, которые ограничиваются лишь чем-то интуитивным в необходимости развертывания проекта космически-технологической модели ми-

ровой цивилизации. И главное, что нас не устраивает – это игнорирование высших исторических ценностей при советской власти, как в Уйгурском каганате, что характеризует это время на переломе: от очередных Темных веков – к новому Средневековью (Бердяев). Главное, что сближает эти политические системы, выражается в кочевой психологии человека, на которую, правда, пытались жестко давить зачаточные лигаристические союзы в Советском Союзе, пытаясь создать здесь основы новой модели мировой цивилизации.

На каких основаниях мы сравниваем Уйгурский каганат с Советским Союзом? Это сравнение проистекает из понимания, что в эпоху расовых катастроф, когда племенные подсознательные инстинкты выходят наружу, разрывая знакомые связи цивилизации, именно инстинкт кочевника становится определяющим. Так было в энергии социальных связей дорийских орд, германских орд и большевистской орды, которая разрушила основы государства Российского. Понятно, что и история Уйгурского каганата, и история Советского Союза – это попытка подчинить кочевые подсознательные инстинкты прогрессивным идеям развития мировой цивилизации. В случае, Уйгурского каганата – ориентации на религиозные истины Нового Завета; в случае Советского Союза – идеологии коммунизма, что, впрочем, в некоторой степени удалось. Для нас главным в этом сравнении является тот исторический факт, что это были государства раннесредневекового периода истории, но существовавшие в различ-

ных ее фрактально-исторических циклах.

Гл. 14
Критика российских нравов Салтыковым-Щедриным

Просвещение нужно внедрять умеренно, по возможности избегая кровопролития.

Салтыков-Щедрин

Другим выдающимся интеллектуалом русской традиции критической мысли мы полагаем сатирика Салтыкова-Щедрина, особенностью личности которого в его историческую эпоху было то, что он был еще одновременно и генерал-губернатором на государственной службе, когда мог видеть недостатки российской государственной жизни достаточно полно. Вот тебе и «кроватый» царский режим, о котором сообщала нам пролетарская пропаганда, когда утверждала, что Российская империя – это «тюрьма народов». Что это за такая «тюрьма», в которой генерал губернатор на государственной службе является одновременно и наиболее яростным и глубоким сатириком российских нравов? Понятно, что имел ввиду Салтыков-Щедрин, рассуждая о «кровопролитии», но как бы он удивился, если бы увидел, что творили большевики в этом своем внедрении просвещения.

Вообще, вопрос о просвещении в российской интеллектуальной культуре является одним из центральных, что осо-

бенно актуально стало в наше историческое время. В вопросе просвещения российская интеллектуальная традиция не знает, куда повернуть: на Запад – невозможно, поскольку туда не пускают; на Восток – не может в полной мере, поскольку все-таки русский народ является европейским народом, и его психологические особенности менталитета на всем протяжении истории, несмотря на различные влияния, были все-таки европейскими. По крайней мере, две линии исторического развития российской культуры: византийская, которая перешла сюда вместе с наследием др. греческой традиции схоластической мысли; и имперская, начавшая с реформ Петра I, тем более была европоцентристской на протяжении почти трех столетий российской истории. Понятно, что и советскую культуру можно оценивать только как европоцентристскую. Евразийская же интеллектуальная линия не имеет главного в своей концепции – опоры на разумное основание какого-то цивилизационного исторического проекта развития, уходящего вглубь тысячелетий мировой истории, поскольку единство полукочевой психологии в различных этносах может относиться к истории мировой цивилизации лишь очень косвенно, тем более не относясь к авангардным высшим ценностям мировой истории.

Для нас эта цитата Салтыкова-Щедрина объясняется со стороны исторических процессов развития мировой цивилизации в России, когда новая модель мировой цивилизации всегда начинает зарождаться издалека, преодолевая опреде-

ленные черты варварства, которые характеризуют народ или народы, находящиеся на уровне родоплеменного развития по отношению к развитым институтам цивилизации. Основная черта таких народов – процесс непрерывного подражания всему внешнему, поскольку выработать исключительно свое, что можно в полном смысле назвать собственной основой цивилизации, не так просто. В этом смысле, история русского народа – не исключение.

Если же коснуться деятельности большевиков, которые разрушили Российскую империю, или, в более мягкой форме, способствовали ее разрушению, следует заметить, что главной проблемой их политической активности после небольшого периода эйфории власти, следует характеризовать понижение уровня высших ценностей практически до нуля. Но винить во всех бедах большевиков в процессе гибели Российской империи мы бы не стали, поскольку исторические процессы значительно сложнее, чем это возможно себе представить только с одной исторической точки зрения, когда в современной российской гуманитарной мысли подобные оценки характерны для религиозных позиций сознания. Ранее мы уже указали, что гибель почти всех наиболее влиятельных империй в определенные исторические эпохи является процессом объективно закономерным. Тогда кого винить в разрушении империй эпохи XX века: Австро-Венгерской, Британской, Османской? Понятно, что всегда найдется, кого винить. Но если подойти к этим историче-

ским процессам не с формальной точки зрения, а со стороны понимания разумной необходимости развития мировых исторических процессов, то следует, в первую очередь, понимать, что любая историческая империя – это определенная государственная модель, которая соответствует своему духу времени. И как только эта модель перестает соответствовать этому духу, она неминуемо гибнет, каким бы могуществом и энергией оно не обладало в некоторые периоды существования в мировой истории.

Главный акцент Салтыков-Щедрин делает на том, что ценности просвещения политическая власть внедряла в русский быт насильно, начиная с петровских реформ. А то, что внедряется в ценности сознания насильно, недолговечно, поскольку оно не отвечаем высшим ресурсам подсознательной памяти, в которой отображается взаимосвязь с духом мировой истории. В оценке подобных исторических процессов Шпенглер оказывается прав, называя подобные ценности – псевдоморфозы. То, что чуждо духу народа, неизбежно в процессе его развития должно быть отторгнуто, оставляя в памяти лишь опыт высших ценностей. Эту объективную причину мы полагаем более весомой, чем, например, политическую деятельность большевиков и других разрушительных сил внутри Российской империи. Отторгается то, что не содержит в себе элементы духовной свободы, поскольку альтернативу, которую предложили большевики в своей пролетарской диктатуре, как мы полагаем, была чем-то по-

лярно противоположным субъективной свободе, поскольку массовое сознание в принципе не предполагает самосознания духовной свободы, которое они насаждали в своих пролетарских ценностях. Ведь дух народа – это его национальная идентичность, которая соответствует его индивидуальному вкладу в высшие ценности мировой истории, тогда как пролетарские ценности, определяемые ценностями массового сознания, были в своем подавляющем содержании исключительно низшими.

Когда и какой бюрократ не был убеждён, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать?

Салтыков-Щедрин

А это уже совсем про наше историческое время, когда российская политическая система попыталась вернуться к базовым ценностям Российский империи, но что-то получается у нее с этим плохо. Хорошо идеализировать прошлое тогда, когда оно не становится твоей непосредственной жизнью, поскольку всплывают настолько неожиданные противоречия с ней, что сознания отказывается их понимать, поскольку самосознание субъекта не готово к этому. Понятно, что, вскрывая психологию российского бюрократа, Салтыков-Щедрин замечает черты бюрократа не только российской системы, но и любого бюрократического государства. Другое дело, что его поражают те масштабы жадности в от-

сутствии какой-то моральной нормы, которая характеризует бюрократическую систему, в которой отсутствуют законы разумного права. Последнее, объясняется исключительно спецификой чисто российской реальности, которая не впитала в себя духовный опыт правовой системы Римской империи, тогда как Западная Европа впитала его в полной мере, а Восточная Европа – в меньшей степени на протяжении почти тысячелетия, пока Наполеон не прекратил существование Священной Римской империи. Ведь русские появились значительно позднее того момента, когда Римская империя, как живой опыт правовой государственной системы, то есть тогда, когда ее уже не существовало.

Знакомство с духом Римской империи, но уже переработанным в опыте развития торгово-промышленной модели цивилизации, российская государственность получает через реформы Петра I в подражании немецкой культуре того исторического времени, хотя ориентиром для Петра I служил Древний Рим. И особенно на русскую гуманитарную мысль повлиял опыт прусского государственного устройства, который во многом был проанализирован и осмыслен в философии Гегеля. Когда же говорят, что русская культура получила какие-то основы римского права через византийскую традицию, то глубоко ошибаются, поскольку византийская традиция, действительно развиваясь из наследия римских традиций, не могла сохранять в себе те основополагающие духовные основы правовой системы, которые не могли утвер-

диться в психологическом пространстве восточных традиций. Это аналогично тому, что эллинистические государства, образовавшиеся после смерти А. Македонского, быстро распались, поскольку психология македонского государственного устройства была лишь упрощением сложного и очень глубокого наследия культуры др. греческого народа, когда психология др. греческого полиса могла полноценно работать лишь в ограниченности др. греческой культуры.

Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать.

Салтыков-Щедрин

В этой цитате Салтыкова-Щедрина очень точно подмечено состояние субъективного сознания, которое незнакомо с позицией разумной рефлексии самосознания. А если отсутствует рефлексия разумной мысли, то, как следствие, сознание неспособно удержаться в пределах какой-то правовой системы, поскольку биологические влечения подавляют разум, исключая энергию сурового духа правовой системы. Но здесь необходимо понимать, что мировой дух должен все-таки докатиться до самосознания субъекта в процессах развития мировых исторических событий, чтобы он различал: конституцию, севрюжину с хреном или кого-нибудь ободрать. В противном случае, родоплеменная психология, или ее мирный вариант – массовая психология, не дадут развиться самосознанию, то есть, по существу, основам

рациональной психологии. При этом мы должны понимать, что и подсознательная родоплеменная психология человека, и массовая психология имеют один источник в бессознательных процессах памяти, который характеризуется движением памяти исключительно в бытовом сознании реальности. И, в отличии от расового бессознательного в глубинах психики, которое собирает в себе наследие высших ценностей мировой истории, массовое бессознательное, наоборот, стремится как можно более активно блокировать эту ценностную систему. В частности, на это указывает реакция спутников Македонского на образ жизни Диогена в их попытке своим смехом понизить суровость действия разумной идеи до образа слабоумного чудака.

Таким образом, духовное наследие – это опыт исторической памяти, в котором время отсеивает все бытовое, все обыденное, что взаимосвязано с непосредственным опытом сознания реальности, которая еще не подверглась рефлексии самосознания в качестве адекватной иерархии исторических ценностей. В высших процессах психики работают определенные фильтры, которые способны, с одной стороны, усваивать высшие исторические идеи развития мировой цивилизации, а с другой стороны, стирать в памяти незначительные события, которые не выходят за пределы непосредственного восприятия сознания реальности. Можно сказать, что память высших ценностей наследия мировой цивилизации, в отличии от памяти любого поля культуры, работа-

ет кардинально иначе, усиливая субъективность самосознания в момент сопричастности индивидуального духа человека – духовному наследию высших ценностей; или, наоборот, входит в противоречие с сознанием, которое не готово быть причастным этим высшим ценностям мировой цивилизации. Память же наследия культуры всегда ограничивает свое поле существования определенной предпосылкой: религия – верой, наука – логической абстракцией, искусство – художественными образами, то есть для культуры самое важное это определение ее границы с реальностью.

Есть легионы сорванцов, у которых на языке «государство», а в мыслях — пирог с казённой начинкой.

Салтыков-Щедрин

Размышляя над интеллектуальным наследием русской критической мысли, можно заметить, что наши предшественники задаются центральным вопросом, который актуален и в наше историческое время: вот она – культура, но где же – цивилизация?! Ведь мало существовать в сознании непосредственной реальности, где присутствие разума ничтожно мало, необходимо еще быть частью всего опыта мировой истории в ее сопричастности тем великим идеям исторического прошлого, которое и сформировало основы мировой цивилизации. Здесь полемика известных течений западников и славянофилов в том наследии, которое нам известно, является полемикой на уровне детского сада, напоминая нам известные посиделки на советской кухне, где допуска-

лось существование самой примитивной кухонной полемики за пределами исторического разума. Впрочем, и в наше историческое время многие из тех, которых называют в России «интеллектуалами», продолжают эти полемические разговоры, теша себя иллюзией причастности к разумным законам развития мировой цивилизации. И когда сравниваешь уровень этой полемики по отношению к высшим ценностям мировой истории, например, с тем же диалогом А. Македонского и Диогена, то становится страшно за будущее России.

Но все-таки, в отличии от пролетарских лозунгов и коммунистической пропаганды, которая характеризует советский период российской истории, куда еще примешивается критическая среда советских диссидентов, наши исторические предшественники ставили вопрос ребром, что указывает на наличие в их субъективной позиции признаков исторического самосознания. Интересно, что на известной конференции, которая была недавно проведена российскими диссидентами, на вопрос: «Что делать?», ответ заключался в том, что «мы не знаем», поскольку наше время слишком жестокое по сравнению с советской эпохой. И действительно, невозможность диссидентской среды ответить на вопрос о будущем России объясняется тем, что в своих ценностях она, в основном, ориентировалась на ценности западноевропейской модели развития, которая в наше время перешла в состояние псевдоцивилизации. А псевдоцивилизация по самой своей сущности не может дать ответ об истори-

ческом будущем, поскольку это будущее ее полностью отрицает. Разговоры же о «правах человека», которые диссиденты вели в качестве основных аргументов критики советского политического режима, в наше время стали неуместны, поскольку в нашу историческую эпоху неожиданно всплыла известная идея Диогена, которая формулируется так: а где он – этот человек, который причастен разумным законам высших ценностей мировой истории?! Понятно, что человек, который ищет комфортного быта всегда найдет себе место в той массовой культуре, которая осталась от исторической реальности западноевропейской цивилизации, однако не эти люди определяли ход ее исторического развития.

Неуместность критической логики диссидентской среды в советской политической реальности, которая во многом перешла в наше историческое время к тем, кого принято называть в массовом обществе «иноагентами», объясняется тем, что эти люди неадекватны по отношению к пониманию исторической эпохи, в которой мы находимся. Они витают где-то в облаках, причем очевидно, что многие занимаются этой критикой отнюдь не бескорыстно, а с вполне финансовыми интересами. Чтобы рассуждать о «правах человека», необходимо ясно формулировать: о каком человеке идет речь? Главная проблема состоит в том, что логика «прав человека» предполагает опору на ценности развитой модели цивилизации, имеющий значительный опыт исторического развития, как правило, предполагающий либеральные ценно-

сти. Но по отношению к высшим ценностям мировой истории современные ценности либерализма – это политический труп, который шевелится только по той причине, что не имеет какой-то полноценной альтернативной идеологии разумного проекта развития мировой цивилизации. Культивировать эти «права человека» в исторической реальности, которая балансирует между Темными веками ранним Средневековьем, – это значит, не обладать пониманием разумных законов развития мировой цивилизации.

Пошлость имеет громадную силу; она всегда застает свежего человека врасплох, и, в то время как он удивляется и осматривается, она быстро опутывает его и забирает в свои тиски.

Салтыков-Щедрин

Здесь Салтыков-Щедрин рассуждает о том, что очень трудно удерживать позиции самосознания разумному субъекту, если вокруг него плещется океан неразумной мысли. Но подобная ситуация характеризует не только российскую реальность, но и любую социальную историческую среду, начиная от Сократа и заканчивая Ницше, причем не только в философии, но и в фундаментальной науке. И если вторая воловина XIX века и во многом XX век характеризовался хотя бы минимумом интеллектуальной дискуссии, которая хотя и постепенно удалялась от высших ценностей, то все-таки как-то немного тлела отдаленной причастью к разуму, то в наше историческое время и этот очень слабый ручеек

живой мысли почти иссяк.

Это еще ничего, что в Европе за наш рубль дают один полтинник, будет хуже, если за наш рубль станут давать в морду.

Салтыков-Щедрин

А вот уже совсем цитата из современной геополитической реальности, в которой противоречия между современными европейскими ценностями, и ценностями, которые российская интеллектуальная реальность предлагает в качестве альтернативных. Здесь не стоит все-таки оперировать теми идеологическими клише, такими как «западная цивилизация», поскольку мы уже показали, что любая цивилизация, в том числе и европейская цивилизация, всегда выражает собой исторический конфликт: между разумной индивидуальностью человека и массовым сознанием. И что такое в разумной действительности «западная цивилизация»? Это ведь не современные масс-медия, которые забалтывают сознание современного европейца разного рода мусорными ценностями продуктов своего распада. Западная цивилизация – это мужество тех ее разумных индивидуальностей, которые в остром конфликте с массовым сознанием утверждали разумные законы ее развития. Ранее мы уже перечислили некоторых ее выдающихся представителей, но эта активность диалога на уровне высших ценностей мировой истории, как мы утверждаем, в целом, заканчивается на острополемическом наследии философии Ницше, поскольку вся дальнейшая ин-

теллектуальная мысль – это стремительный процесс ее упадка и разложения, хотя детали этих противоречий: между разумной индивидуальностью и массовым сознанием все же в какой-то локальной форме присутствуют.

Чего же опасались и опасаются те немногочисленные полноценные интеллектуальные силы в Европе, которые сейчас молчат, следствием чего в европейском мире сильно раскручена идеология русофобии? Мы полагаем, что они опасаются новой идеологии уйгурского каганата, хотя в традиционных религиях, которые культивируются в современной российской культуре, мало что на нее указывает. И даже, наоборот, эти современные религиозные конфессии в России находятся в глубоком противоречии с этой грубо-материалистической логикой ценностей коммунизма. Причем, не только в России, но в тех странах, которые ранее входили в социалистический блок. Понятно, что в современной России нет оснований для возвращения к этой материалистической логике марксизма, но еще и по той причине, что новый проект мировой цивилизации, космически-технологический, который, по существу, зародился в СССР, является антагонистом старой модели развития, торгово-промышленной, которая в наше историческое время перешла в состояние псевдоцивилизации, тогда как марксистская идеология как раз и стремилась лишь перезагрузить этот старый проект, сделав его более совершенным через более эффективные средства производства.

В этой цитате Салтыкова-Щедрина нас поражает тот факт, что идеи, которые являются движущей силой мировой цивилизации, не умирают, а трансформируются от одной исторической эпохи – к другой исторической эпохе, переживая то, что можно было бы сформулировать, как фрактальное перепрограммирование, если под последним понимать переоценку высших ценностей мировой истории. Таким образом, мировые исторические события имеют фрактальную природу своего действия, когда основные идеи, действующие на протяжении веков и даже тысячелетий, неожиданно всплывают из высших процессов памяти, указывая на новейшие горизонты развития событий мировой истории.

Гл. 15
Отношение к российскому государству у Грибоедова

В Русской Церкви я в Отечестве! Я в России!
Грибоедов

В этой оценке мы полностью встаем на сторону Грибоедова, исключая рассуждения Чаадаева о том, что российская культура стала застойной по причине того, что ее историческое развитие происходило под влиянием православной религии, а не католицизма. Здесь на Чаадаева в полной мере действуют представления о линейном ходе развития мировой истории, хотя с позиции действующего разума все об-

стоит значительно сложнее. Более того, я на личном опыте могу полностью подтвердить эту мысль Грибоедова, когда два года преподавал в православной семинарии, в здании церкви, построенной в XVII вв., которая располагалась недалеко от московского кремля. Недостаток глубинной бессознательной взаимосвязи с духом предков, если рассуждать о религиозном духовном наследии в России, особенно остро ощущался в 90-ых годах прошлого века, когда государство подвергалось разрушению так называемыми «либеральными силами», а по существу, различными воровскими кланами, которые всегда оживают в момент распада государственной системы власти. Можно по-разному относиться к советской идеологической реальности, но нельзя негативно относиться к государственной системе власти, поскольку наличие разумности существования народов в процессах мировой цивилизации демонстрирует именно уровень развития их государственной политической системы.

Анализ двух идеологий государственных образований на границе: между Темными веками и ранним Средневековьем показывает, что подобного рода идеологии стремятся полностью исключить разумную индивидуальность человека как базовую основу высших ценностей мировой истории, поскольку разум требует свободного самосознания индивидуальности человека, действия его разумной воли, а она исключается в подобного рода социальных системах. «Коллективный» же разум допускается, вплоть до присутствия лично-

стей, которые демонстрируют его реальность в авангардных ценностях мировой истории: в манихействе – истины Нового Завета, в коммунизме – вера в будущее на основе ценностей научно-технического прогресса.

Размышляя над творческой личностью Грибоедова, мы замечаем один очень существенный момент, который характеризует то состояние расового бессознательного, к которому пока что очень издалека и исключительно по поверхности, подступается современная наука в аналитических возможностях ИИ. Как известно, существует легенда, что план его великой комедии «Горе от ума» приснился ему во сне. Ему приснилось, что он читает отдельные главы своим друзьям, то есть сон оказался вещим. И здесь мы вспоминаем, например, историю с Менделеевым, которому тоже во сне приснилась его таблица химических элементов. Это и есть метод дежавю в действии высших процессов бессознательного, которые мы полагаем процессами расового бессознательного, резко отделяя его от процессов массового и коллективного бессознательного, как отделяются внутренние процессы развития цивилизации от локальных и замкнутых полей культуры.

Другой стороной нашего возвращения к классикам русской интеллектуальной мысли, таким как: Чаадаев, Салтыков-Щедрин и Грибоедов, у нас является понимание, что признаки исторического самосознания в России все-таки существовали в ней до 1917 года. Они характеризуются тем

напряжением между самосознанием разумной индивидуальности человека и массовой средой, которое и создает внутреннюю движущую силу развития мировой цивилизации в определенную историческую эпоху. Можно сказать, что в какой-то самой зачаточной основе этот диалог разумных индивидуальностей все-таки существовал в России в качестве критического отношения к реальности. Единственный недостаток этого критического диалога состоял только в том, что он почти полностью относился к реальности, тогда как разумная действительность предполагает, что мировые события протекают именно в данное время и в данном месте, выражая определенную метафизическую силу тех геополитических сил, которые являются ее эпицентром. Примером этого явления в данном случае опять служит известный диалог между Диогеном и А. Македонским.

Возвращение к патриархальной традиции, которое имеет место быть в современной российской социальной реальности, вызвано исторической необходимостью – осмыслить основы самосознания субъекта, поскольку вне этого самосознания начал цивилизации в каком-то социальном поле ценностей не существует. В противном случае, объективная реальность будет мыслится как бесконечная мистерия событий, происходящих, как во сне, что очень талантливо показано в литературных произведениях русского писателя А. Платонова. Можно также заметить, что она протекает как дионисийская мистерия, если возвратиться к последнему опыту

вопроса высших ценностей мировой истории в философии Ницше.

Значит, возврат к традиционным ценностям после этой мистериальной реальности тектонических сдвигов в процессах бессознательного, которые перестраивают рациональную психологию человека в определенные моменты мировой истории, исторически необходим именно с позиции разумных законов развития мировой цивилизации. Этот возврат, в частности, мы находим в неизбежности возврата к патриархальным ценностям в Др. Египте после смерти фараона Аменхотепа, когда зачаточные элементы ценностей монотеистической религии бога Атона быстро ушли на второй план, а традиционные египетские жрецы постарались, чтобы помять об этой вере была полностью стерта в сознании др. египтян. Здесь в полной мере действуют истины «вечного возвращения» тех патриархальных слоев бессознательной памяти, которые топологически стягивают хаос локальных фрактальных последовательностей кардинально нового информационного потока знания сознания – к фундаментальным фрактальным последовательностям энергии материи времени.

Нет народа, который бы так легко завоёвывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

Грибоедов

Эта мысль тоже очень глубокая, поскольку указывает на слабость именно цивилизационной составляющей россий-

ской культуры, поскольку цивилизация, в отличии от культуры, должна связывать разумные индивидуальности различных народов, что может быть только в том случае, если существуют какие-то авангардные великие идеи развития мировой цивилизации. Здесь в качестве примера мы опять возвращаемся к недолговечности империи А. Македонского, которая распалась именно в силу отсутствия понимания отчетливости правовых норм для единого государства империи, тогда как попытка опираться исключительно на местные традиции в качестве компромиссной системы политической власти, в конечном счете привели к ее распаду. Так, как известно, для строительства своей империи Македонский стал постепенно принимать функции восточного монарха, что не устраивало ни его окружение, ориентированное на греческие ценности культуры, в которых правитель был равным среди равных, ни местную аристократию, у которой подобные метаморфозы вызывали раздражение. Можно сказать, что в случае А. Македонского, с одной стороны, не работала государственная модель греческих полисов в ее проекции на более сложные государственные структуры Востока, которые имели в своем опыте развития несколько тысячелетий, то есть отсутствовал какой-то компромисс различных культур в отсутствии единой модели развития цивилизации.

С другой стороны, если учесть, например, исторический факт победы Советского Союза во второй мировой войне,

когда половина Европы, правда, в основном ее восточной части, оказались под влиянием коммунистической идеологии, следует понимать, что чистой случайностью этот исторический факт не может, – необходимо искать какие-то разумные основы для этого исторического факта, и они находятся, если учесть, что мировая история цивилизации вступила в новый проект своего развития, космически-технологический, правда пока еще на границе Темных веков и раннего Средневековья, когда интеллектуальные разговоры о демократии в большей степени на фоне этих исторических событий звучат как разговоры о псевдодемократии. В Темные века на границе с ранним Средневековья должны действовать принципиально другие политические структуры. В нашем понимании, вступление в новый проект развития мировой цивилизации происходит под воздействием становления особых социальных политических институтов, структуру которых необходимо подробно проанализировать в их проекции на понимание идеального государства Платона.

Главной причиной того, что советские войска были стремительно выведены из Европы незадолго до распада СССР, следует видеть в отсутствии какой-то разумной идеологии человеческой жизни, указывающей на ценность самосознания индивидуальности человека – в коммунизме, то есть на взаимосвязь этой идеологии с высшими ценностями мировой истории. Здесь искать только какие-то экономические причины, на которые ссылаются представители ценностей

современной торгово-промышленной цивилизации, является несправедливым по отношению к разумным законам мировой истории. Ведь любая модель цивилизации – это есть конфликт противоречий, с одной стороны, обыденных представлений сознания реальности, а с другой, самосознания ценностей разумной действительности. Экономические же ценности являются лишь одним из следствий этих разумных законов. Для понимания наиболее драматичных событий мировой истории, мы, например, можем вспомнить героическую оборону Ленинграда в Великой Отечественной войне, когда вопрос об экономике здесь сводился практически к нулю, хотя, конечно, присутствовал; а вопрос о поразительной силе духа ее защитников становится центральным, с точки зрения мужества, вызванного чувством долга перед памятью предков. В этом вопросе мы полагаем, что подобная сила духа является прямым следствием действия феномена дежавю, когда биология человека уходит куда-то на задний план. Понятно, что подтвердить существование этого духовного единения людей под воздействием феномена дежавю не представляется возможным, поскольку современный великий миф о научном познании мира его не предполагает. Ведь если какой-то великий миф не предполагает существование определенной разумной идеи в каком-то историческом событии или в каком-то феномене реальности, то это не говорит о том, что это ложно, а лишь о том, что любой великий миф имеет границы своих представлений в

пределах разумной действительности.

Часть VI
Ценности разума идеализма

Гл. 16 Платон о высшей ценности целого

Мы ещё в начале, когда основывали государство, установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так вот это целое и есть справедливость или какая-то её разновидность.

Платон

Всем, кто интересуется философией, известно, что понятие «целое» является одним из центральных в философии Платона. Части не имеют права на существование, если они не определены этим целым в качестве проявления этого целого как единой структуры. В этом смысле, в нашей философии этим целым является функция топологии фрактального целого, которая состоит из бесконечного разнообразия локальных фрактальных последовательностей различных информационных потоков знания, которые характеризуют сознание человека в реальности в энергетических ресурсах его подсознательной памяти. Но критерием существования его самосознания является именно целое, которое необходимо понимать, как высшие ценности человеческой жизни, которые всегда существует в конфликте с ценностями низшими,

как, например, импульсы воли на бессознательном уровне всегда существует в конфликте с бессознательными влечениями, поскольку первые требуют определенного целеполагания более глубоких ресурсов памяти, чем непосредственные животные инстинкты. Только этот конфликт бывает разный. Если он описывается каким-то локальным полем культуры, то почти любое противоречие в качестве последовательности движения своего противоречивого информационного потока сходится к снятию этого противоречия в известных законах формальной логики, то есть в области известных ее трех законов, открытых Аристотелем.

Целое, о котором рассуждал Платон, мы понимаем, как максимальный охват единой структурой локальных фрактальных последовательностей информационного потока знания, который действует не только на уровне непосредственных чувственных ассоциаций, контролируемых сознанием, но и в области бессознательного со стороны активности максимально глубоких процессов памяти со стороны субъективного самосознания. Причем, в отличии от массового бессознательного, которое локализуется в энергии бессознательных влечений как энергия непосредственного бытового сознания, расовое бессознательное, действующее в поле высших ценностей, есть комплекс исторических идей, которые определяют судьбу мировой цивилизации в процессе развития мировых исторических событий.

Существуют некоторые моменты в понимании истории

философии идеализма, который показывают, что ее разумная действительность мало относится к логике знакомых социальных ценностей своей исторической эпохи. Для этого можно возвратиться, например, к тому же диалогу Македонского и Диогена, когда у спутников великого полководца субъективная позиция философа вызывает смех. И действительности, какая может быть иная реакция у массового сознания – на ценность новой идеи, если она практически никак не относится к той чувственной полноте земных радостей, которые дают непосредственную политическую власть и финансовую независимость в сознании реальности? Только ироническое отношение. Аналогичным образом, и крайне негативная оценка идеализма у социолога Поппера, отрицающего дух ее наследия наиболее выдающихся философов: Гераклита, Платона и Гегеля также демонстрирует это неприемлемое для доминирующего социального сознания своей исторической эпохи того комплекса идей, которые отрицают ценности «открытого общества». Но вот, что интересно. Позиция идеализма Диогена, отрицающего земные радости жизни, с одной стороны, а с другой, его индивидуальные усилия по поиску «человека», отказывающего видеть человека в своих согражданах, неожиданно находит свое раскрытие через несколько столетий в религиозной позиции христианства, в которой появляется сознание свободы человеческой личности перед лицом духа мировой истории в христианском откровении, а аскетизм – в религиозном

образе жизни монашества. Но это произошло более чем через полтысячи лет, когда первый монастырь с уставом для общежительной жизни (киновии) основал святой Пахомий Великий около 340 года в Египте. Понятно, что в поиске человека у Диогена сложно увидеть появление монашеских орденов в отдаленном будущем, в которых человеческая душа становится частью божественного откровения мира. Но ведь и в реформах фараона Эхнатона, связанных с появлением монотеистического культа бога Атона, тоже сложно было угадать дальнейшее появление власти библейского откровения над цивилизацией, которое было почти тотальным в течении тысячелетия. Здесь мы видим, что разумные идеи живут в мировой истории своей замкнутой жизнью по отношению к обыденному сознанию человека, открываясь самосознанию неожиданно своей остротой и силой в определенные исторические моменты времени, действуя как феномен дежавю. Психологический феномен дежавю состоит в том, что фрактальные процессы памяти, действуя на уровне расового бессознательного как определенные блоки высших ценностей жизни, «варятся» в глубинах расовой памяти, постоянно меняя свою фрактальную структуру, но не меняя совокупность элементов своего целого. И в этом смысле, реакция спутников Македонского на философскую позицию Диогена, и критика социологом Поппером позиции идеалистической философии в лице ее наиболее выдающихся представителей понятна. Она объясняется тем, что в сознании реаль-

ности невозможно найти подтверждение истинности поведения субъекта, который объективно отрицает земные блага жизни, если речь идет о спутниках Македонского; или позицию эмпирической достоверности мира в идеях, которые отрицают знакомые социальные представления о мире, если оценить критику идеализма – Поппером.

Учитывая то, что Диоген был одним из первых космополитов в истории философии, причем в немалой степени вследствие длительной дискуссии непосредственно с Платоном, мы должны осмыслить, почему такую субъективную позицию занимал в своем самосознании Диоген, в первую очередь, оценивая ее как результат непосредственной полемики с Платоном.

— Следовательно, толпе не присуще быть философом.

— Нет, не присуще.

— И значит, те, кто занимается философией, неизбежно будут вызывать ее порицание.

— Да, неизбежно.

— Как и порицание со стороны тех частных лиц, которые, общаясь с чернью, стремятся ей угодить.

— Это ясно.

Платон «Государство»

В этом диалоге Платон демонстрирует отчетливую позицию самосознания субъекта в философии идеализма, кото-

рая определила ее во всей дальнейшей истории развития. Можно сказать, что в этом диалоге Платон объясняет и поведение спутников Македонского, даже с учетом того, что это были лучшие его соратники в войнах; и, одновременно, раздражение наследием философии идеализма – у Поппера, который не понимает, что и наука в новейшее историческое время постепенно становится великим мифом своей исторической эпохи, поскольку постепенно теряет свои фундаментальные разумные основания. Простейшая формула этой субъективной позиции философии идеализма состоит в том, что объективно сознание реальности не может принять ценности самосознания, которые выходят за его пределы в разумной действительности, поскольку феномен действия дежавю действует в расовой бессознательном неожиданно. Он опирается не на монотонные длительности ассоциативных потоков памяти, так или иначе сводящихся к массовому бессознательному в сознании реальности, а на дискретные длительности их движения, которые определяют движением потока расового бессознательного человека в движении энергии фундаментальных фрактальных последовательностей энергии материи времени.

Что понимал Платон под «толпой»? Мы полагаем, что он полагал под ней ту социальную культуру своего исторического времени, которая всегда инертна по отношению к возможностям действия высших ценностей жизни. Она всегда определяется, в первую очередь, исключительно сознанием,

то есть социальными представлениями своей исторической эпохи, которые стремятся свести к минимуму рефлексию самосознания, поскольку последняя во все исторические времена строилась на переоценке ценностей. Но любая переоценка ценностей, действующая в сфере рефлексии самосознания, неизбежно входит в конфликт с массовыми ценностями своей исторической эпохи, поскольку дискретные процессы движения феноменов памяти не сходятся исключительно к реальности, а сходятся к неизвестной природе космоса. Что это за природа мы не знаем, поскольку современная модель мировой цивилизации существует в наше историческое время еще в полностью зачаточном состоянии. Однако в случае с вечными идеями по мысли Платона речь идет именно о них. Подобная позиция ценностей самосознания Платона объясняется высшей ценностью природы космоса, в которой раскрывается сознание человека как множество фрактальных диалогов реальностей отдельных сознаний человека в космическом ритме духовной энергии жизни. В современном понимании существования вечных идей Платона речь идет о том, что фундаментальные фрактальные последовательности дискретных потоков памяти не сводятся к сознанию реальности, а лишь оперируют той или иной мерой целостности информационных потоков локальных фрактальных последовательностей научного понимания мира.

Целое, в понимании Платона, в приложении к его идеи

идеального государства, предполагает, что фундаментальные фрактальные последовательности дискретных феноменов памяти сходятся к бессознательным процессам на уровне духовных ценностей. Здесь духовное – это, в нашем понимании расовое бессознательное, которое циркулирует в природе человека во всем многообразии его соматических реакций как отображение энергетических потенциалов материи времени, то есть особых, не земных, энергетических ритмах космоса. Ведь не случайно, Платон рассуждает о времени как «образе вечности». И действительно, сама идея идеального государства у Платона является исторической выжимкой предшествующего опыта развития восточных моделей государств, в которых субъективность не поднималась выше уровня магической культуры знания. Магия в др. восточных цивилизациях пронизывала собой все: социальную жизнь человека, его религиозные представления, государственную жизнь, военные походы, то есть, в целом, прошлое, настоящее и будущее. В этом смысле, магическое выражало тайну природы во всех ее мелочах, как, например, в политическом мире богов Египта, где любой объект реальности сознания наделялся этой магической силой, а потому этих богов были тысячи в сознании др. египтянина. Здесь следует заметить, что любая новая модель мировой цивилизации, первоначально, на бессознательном уровне выжимает все лучшее, чем было до нее в предшествующих моделях цивилизаций, а потому в своем учении анамнеза Платон и рассуждает о

метафизике духа как процессе путешествия воспоминаний подсознания в эффекте феномена дежавю. Понятно, что его концепцию анамнеза мы понимаем, исходя из современных возможностей науки, то есть как пока еще скрытых ресурсов высших подсознательных процессов психики.

В чем «варится» это расовое бессознательное, которое не может иметь место в качестве какого-то пространственного аналога, за исключением своих локальных свойств проявления как хаоса фрактальных последовательностей, в которых сознание через непосредственные чувственные восприятия контактирует с реальностью? Мы утверждаем, что это подвергается мощнейшему аналитическому воздействию со стороны «пресса» разумной действительности, который давит на подсознательное мерой интенсивности воздействия энергии материи времени. Это давление осуществляется в качестве постоянно усложняющихся и совершенствующихся средств взаимодействия с природой, которую самосознание человека противопоставляет в сознании, тем самым отделяя субъект от объекта. Главной характеристикой в этом фундаментальном подходе философии идеализма является то, что философия не относится только к одному полю культуры: религиозному, научному, политическому или миру искусства, а образует их синтез целого как прообраз модели, в котором снимает их противоречия начальных предпосылок в существовании целого. Другими словами, философия идеализма не доверяет сознанию, если оно полностью не

подчиняется ценностям самосознания, тогда как самосознание всегда находится в состояние противоречия с реальностью. Здесь главное проблема состоит в том, что самосознание только и существует в процессе постоянной переоценке ценностей, то есть пространство постоянно дробится энергетическими потенциалами фрактальных последовательностей времени, в которых их дискретные области и являются тем, что в философии идеализма полагалось духовным наследием предков.

Главным акцентом приведенной нами цитаты Платона является понимание основы исторических процессов развития мировой цивилизации, когда противоречие между самосознанием и сознанием является внутренней энергией ее развития. Почему самосознание входит в противоречие с сознанием? Мы полагаем, что это объясняется тем, что понимание какого-то явления или процесса не может быть описано только какой-то абстрактной схемой рассудка, а требует непосредственного контакта с его энергией действия, то есть анализа бессознательных реакций психики. Другими словами, в разумном познании мира должно участвовать не только абстрактное представление о предмете мысли, которое опирается на монотонные последовательности знакомых ассоциаций действия памяти, но и взаимодействие со всей сложнейшей энергетической системой потенциалов материи времени, которые образуют топологическое поле субъект-объектной рефлексии познания.

Акцент Платона на метафизических процессах памяти для нас принципиален, поскольку иерархия высших ценностей исторических ценностей распределяется в том диапазоне процессов памяти, в которых разумные идеи жизни неизбежно сталкиваются с конечностью человеческих представлений о мире, выражающихся в каких-то абстрактных схемах сознания реальности. В современном научно-техническом прогрессе это получило свою разработку в аналитических мощностях памяти ИИ, который способен ответить на любой вопрос в пределах абстрактного понимания реальности, сводя его к ассоциативным свойствам восприятия пространства. Время в этом процессе остается в стороне, поскольку пространство есть только основное свойство времени, то есть это определенный набор хаоса локальных фрактальных потоков информации, сходящихся к какой-то ограниченности течения временной длительности в подобии элементов этого информационного потока. Только функция топологии фрактального целого, то есть фундаментальные фрактальные последовательности высших процессов памяти не сходятся к конечности пространства, а длятся в проекции на лигаристические тензоры, или энергетические потенциалы расового бессознательного.

Гл. 17
Почему именно Платон

Демократия — это строй, не имеющий должного управления, но приятный и разнообразный. При нём существует своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных.

Платон

Необходимость возвращения современной полноценной философской мысли именно к Платону следует из исторической необходимости обрыва диалога о высших ценностях мировой цивилизации на философском наследии Ницше. Понятно, что и после философии Ницше обсуждение высших ценностей мировой истории не прекращалось, но в этой полемике постепенно исчезала та полнота разумного понимания мира, которая характеризует один из главных критериев полноценной философской мысли – доминирование самосознания целого над сознанием реальности. Важно здесь понимать, что несмотря на хаос течения потока философской мысли у Ницше, самосознание целого здесь полностью доминирует над этим хаосом. В нашей философской системе это равнозначно тому, что функции топологии фрактального целого доминирует над локальными фрактальными последовательностями сознания. И действительно, история философии развивается в русле логики отрицания отрицания, когда субъективность достигнутого философского понимания мира неизбежно отрицается объективностью новой логики его понимания, которая указывает на более высокий рубеж понимания мира как целого.

Проблема субъективного разума, с позиции которого рассуждал Ницше, состоит в том, что фрактальная последовательность, образующая какое-то локальное поле ценностей культуры, движется «по кругу», то есть воспроизводит элементы своей структуры, которые лишены объективно разумной цели по отношению к максимально глубоким процессам подсознательной памяти. Это отсутствие целеполагания, которое не сходится к разумной идеи жизни, необходимо переносится на существование человека, которое самосознание субъекта отрицает в силу того, что объективность, представленная в силу хаоса локальных фрактальных последовательностей информационного знания, требует признать существование целого за его пределами, то есть связать его с идеей сверхчеловека. Но во фрактальных процессах мировой истории, как мы уже показали, все это уже было. Например, Плотин в своем учении неоплатонизма вводил понятия «сверхсущее» и «сверхбытие», чтобы перекинуть этот мост над бездной: между античной цивилизацией, постепенно переходящей в состояние псевдоцивилизации, и зарождающейся религиозной традицией ценностей нового мира. Поэтому понятие «сверхчеловек» в наше время не актуально по той причине, этому сверхчеловеку больше нечему противостоять, ибо массовый человек полностью введен в «стойло» информационного пространства как в наше историческое время строятся огромные коровники на несколько тысяч голов, где эти животные практически даже не двигают-

ся в своем стойле. Так и современное информационное пространство социальных ценностей псевдоцивилизации практически полностью опутало разумную волю человека, указав его бессознательным влечениям их «законное» «правовое» стойло.

Главная причина нашего возвращения к наследию Платона состоит в том, что субъективная позиция философии Ницше в истории философии обрывается на наследии досократиков, противопоставляя ее ценностям философии платонизма. Но если мы внимательно проанализируем приведенную цитату Платона, то увидим, что в ней акцент ставится на понятии долга. Так, именно это понятие в дальнейшем будет определять наиболее глубокие философские размышления всей истории идеализма у последующих философов. В этом смысле, Платон утверждает, что в политической системе демократии отсутствует понятие высшего долга, которое он в своем учении связывает с настолько глубокими воспоминаниями в своем учении, что, по его мнению, можно рассуждать о бессмертии души. Последнее, мы оставляем для рефлексии религиозных представлений о мире, поскольку для философской позиции мира главным предметом мысли является понимание мира как разумного целого, а не вопросы веры, которые ограничены только одним полем культуры. С другой стороны, в вопросах рефлексии самосознания, намеченные Ницше в его философском наследии, в силу открытого им закона «вечного возвращения», мы возвра-

щаемся к тому, что следует в истории философии Др. Греции после досократиков, то есть к высокой классике философской мысли.

Ориентиром для дальнейшей истории философии Др. Греции, которая отшатнула Ницше от возможности принять ее в качестве объективной возможности понимания мира как целого был именно этот «холод» пространства государственного устройства полиса, который Платон вычленил из др. греческого наследия в духе спартанских союзов, которым был чужд культ Диониса, но на который опирался в своей рефлексии др. греческой мысли Ницше. Здесь существует один очень важный психологический момент, который касается и современной ему европейской культуры, в которой умирала та полнота жизненной силы разумной исторической воли, в которой только и может существовать разумная идея жизни определенной модели развития цивилизации. Исторически, здесь стало умирать то, на что опирается разумная идея жизни – высшее сознание нравственного долга перед наследием предков. Ведь эта бессознательная сила должна действовать не по каким-то формальным схемам научного рассудка, а как тот безбрежный океан памяти, из которого, как казалось, можно черпать до бесконечности. Но оказывается, что до бесконечности черпать не получается, поскольку, как показывает исторический опыт развития всех моделей мировых цивилизаций, энергия любой модели мировой цивилизации неизбежно исчерпывается в событиях мировой исто-

рии.

Для нас путеводной нитью для понимания существования государства в мировой истории, не только др. греческого полиса, но и любой полноценной государственной модели в мировой истории, является высшее сознание долга. Именно с этой позиции Платон критикует современную ему демократию, и это именно то, что вызвало раздражение у социолога Поппера в его ценностях открытого общества, поскольку это сознание долга оказывается слишком суровым для психологии торгово-промышленной социальной энергии псевдоцивилизации в ценностях «открытого общества», которые он отстаивает. Но есть более серьезный мотив этого акцента сознания долга в государственном устройстве Платона – он ищет основы возникновения государства практически из ничего, то есть из той по существу дионисической мистерии хаоса, которая, остывая, и породила основы др. греческого полиса в момент отделения самосознания субъекта от племенных родовых инстинктов, которые еще в полной мере существовали в полной привязанности к спасительному теплу порождающих сил первородной основы жизни в энергии активности дорийских орд. В какой-то степени, речь идет о возвращении к первоосновам начального основания модели цивилизации, которая должна дать идее государства ее новый живой импульс, как, например, в религиозной реформе протестантизма можно заметить это возвращение к более глубоким первоосновам христианской религии, к первона-

чальной суровости и аскетизму духа истин Ветхого Завета. Другими словами, на субъективном уровне высших ценностей самосознания в понимании событий мировой истории здесь в полной мере работает закон «вечного возвращения», открытый Ницше.

Рассуждая о возвращении к наследию философии идеализма, мы должны пояснить, что мы понимаем под «духом». Уже то, что во многом мы исходим из критического отношения к философии нигилизма, которая тотально отрицает ценности идеализма, в том числе и духовные, это необходимо. Понятно, что в нашем понимании, духовные ценности далеко выходят за ценности сознания традиционных религий, но не отрицают их, поскольку как можно отрицать память, через которую проходит история философии идеализма? В аспекте понимания этого духовного наследия идеализма, мы должны возвратиться к философии Гегеля, поскольку, в отличии от Ницше, он является систематизатором наследия всего духа мировой истории, насколько для той исторической эпохи позволяли знания научно-технического прогресса. Отсюда – такой повышенной интерес в интеллектуальной традиции в России к его философскому наследию.

Вообще, характерной чертой классической западноевропейской философии является то, что она строится по принципу монолога. Этот монолог протекает как бы в определенном пространстве, в котором априорно существуют другие субъекты, не вступающие в полемику в силу того, что да-

ют возможность полностью раскрыться определенной философской системе. В философии нигилизма этот характер течения философской мысли резко меняется, распадаясь на многоголосие разорванного пространства, которое буквально врывается на бессознательном уровне действия феномена дежавю, когда практически любое суждение подвергается деструкции, в первую очередь, со стороны высших процессов памяти. Создается такое психологическое ощущение, как будто память предков оживает и вступает в ожесточенный спор с высказываемой мыслью. В результате, мысль нигилизма показывает, что кардинально новая модель цивилизации, первоначально, возникает в бессознательных процессах памяти, когда она практически взрывает знакомые представления о мире воздействием нового понимания свойств материи, утверждая, что нигилизм – это то, что необходимо преодолеть в объективности ценностей самосознания.

Демократизм был во все времена упадочной формой организующей силы.

Ницше

Как мы видим, в вопросе оценки демократической политической власти Платон и Ницше придерживаются одинаковой позиции в силу того, что оба философа исходят из сознания неравенства людей от природы. Последнее, слишком очевидно, чтобы его аргументировать, однако в демократической системе ценностей решение этой проблемы существует простое, которое состоит в том, чтобы уравнять

всех в сторону чего-то среднего, а лучше – до статистической единицы массового общества, поскольку массовое сознание, которым оперирует современная социальная система псевдоцивилизации, не предполагает существование у человека самосознания, то есть не предполагает наличие в нем альтернативы своей политической системе в качестве разумного проекта развития мировой цивилизации. Предполагается в этой системе массовых ценностей, что разумно только то, что обладает отчетливым социальным представлением в русле какой-то научной парадигмы ценностей. То, что современный разум не может существовать в массовой системе ценностей – это не учитывается, поскольку планка исторических ценностей упала до нуля, а некоторые социологи, подобные Попперу, вообще определяют историческое наследие разумной философской мысли –социальным злом открытого общества.

Необходимо все-таки понимать, что демократическая система власти, какой бы они ни была – плохой или хорошей, эффективна только при условии хотя бы минимальной активности рациональных коммуникаций, существующих в энергии цивилизации. Если эти рациональные коммуникации исчезают, то есть исчезает иерархия ценностей по отношению к основам разумной действительности, когда демократия становится псевдодемократией, поскольку в своей попытке уравнивания всех до определенного социального равновесия политической системы, демократический строй

вынужден постоянно понижать планку рациональных способностей мышления, то есть находить такие социальные конструкции, которые постепенно вытесняют все признаки присутствия разумных людей. Другими словами, система начинает действовать таким образом, чтобы даже на бессознательном уровне действия человеческой психики исключить возможную альтернативу своего существования.

Что может служить примером этого катастрофического исчезновения иерархии высших ценностей в наше историческое время? Например, мы видим, что рядом с такими великими поэтами мировой истории, как Шекспир, по убывающей, начинают пристраивать в некоторых «поэтических» мероприятиях»: Лермонтова, Цветаеву, Ахматову, Евтушенко и Рождественского, пока не закачивают какой-то случайной куклой, не имеющей никакого отношения к поэзии. В художественных галереях мира висят вместо произведений искусства какие-то бананы, человеческие фекалии, какой-то технологический мусор. И так во всем, что касается различных областей культуры. Держится еще немножко наука, но только по той причине, что она стала великим мифом нашей исторической эпохи, как в свое историческое время таким определяющим великим мифом в сознании были монотеистические религии после исчезновения античной цивилизации.

Мы все-таки должны понимать, что речь о каком-то разумном политическом существовании государства может ве-

стись только тогда, когда новая модель мировой цивилизации вступила хотя бы в устойчивую фазу ранних Средних веков. Но когда, например, российская социальная реальность в наше историческое время с таким трудом выходит из системы низших ценностей, подобных по своему фрактальному уровню Уйгурскому каганату, то о какой-то известной политической структуре, причастной устойчивым процессам развития мировой цивилизации здесь может идти речь? Проблема состоит в том, что Темные века мировой истории скрыты туманом минимального присутствия активности в них разумных людей, поэтому переход от социальных структур псевдоцивилизации – к социальным структурам какой-то новой модели развития должен иметь какие-то промежуточные социальные механизмы.

В качестве этих промежуточных социальных структур, которые не описаны Платоном в его известной схеме по нисходящей как оценки полноценности государственного устройства: аристократия – тимократия – олигархия – демократия – тирания, не хватает еще одной политической структуры, которая существует как бы в стороне от политической социальной организации, но в качестве основы действия высших ценностей, наоборот, в самом центре политической жизни мировой истории. Мы имеем ввиду лигаристические союзы, то есть те сообщества людей, в которых действует гегелевский закон отрицания отрицания, поскольку любая политическая модель, начиная с тех или иных

положительных моментов своего существования, неизбежно рушится под грузом низших ценностей сознания. Можно также сказать, что этот обвал каких-то цивилизационных процессов в массовое бессознательное происходит по причине постепенной отработки великих идей мировой истории или истощения их потенциала глубины воздействия на высшие процессы бессознательного.

Так как же происходит этот анализ исторических ценностей, создавая их иерархию, на которые ориентировано самосознание человека? Может самосознание – это некий чип сознания, который подобен ИИ, то есть какого-то фундаментального различия между сознанием и самосознанием не существует? И если в человеческом быту ИИ все больше и больше завоевывает социальное пространство человеческих коммуникаций, то может не столь принципиальна эта иерархия, которая в нашем понимании и является основополагающим критерием отсутствия или присутствия цивилизации в определенной социальной среде? В этом вопросе очень важно различать структурные элементы энергетических потенциалов пространства и времени, когда энергетические потенциалы памяти в пространстве вторичны перед энергетическими потенциалами времени. Можно сказать, что сознание способно обрабатывать лишь структурные элементы энергии пространства, то есть действует по подобию ИИ, тогда как самосознание, будучи взаимосвязанным с энергетическим потенциалами времени, несет в себе ин-

формационный поток такой энергетической мощности, что в нем участвуют какие-то скрытые силы космоса как организующей структуры целого в обработке этой информации. Можно также сказать, что это функция топологии фрактального целого доминирует над локальными фрактальными потоками информации, которые хаотически воспринимает сознание в качестве монотонных рядов минимальных длительностей энергии памяти.

В нашем обращении к наследию Платона следует видеть продолжение полемики, которую философия Ницше поднимает в качестве вопроса о том, что создает эту высшую шкалу исторических ценностей, которая утверждает ценности цивилизации в любом поле культуры. И негативное отношение к миру платоновских идей Ницше рассматривает со стороны постоянно растущих ресурсов энергетических потенциалов материи времени, которые врываются из подсознательных процессов памяти в качестве хаоса энергетических потенциалов диалогов, в которых звучат наиболее острые противоречия его исторической эпохи. То есть основой критики философской позиции Ницше против Платона является невозможность свести полемику о высших ценностях только к двум собеседникам, когда на уровне высших процессов бессознательного в этот диалог взрывается множество других альтернативных позиций сознания, которые создают хаос информационного потока в крайностях противоречий различных точек зрения на мир в его объективной

природе целого. Суть этой резкой критики платонизма состоит в том, что необходимость логики исторического процесса цивилизации требует возвратиться к методу диалога, вместо той логики монолога, которая действовала до субъективной позиции Ницше, но сам этот диалог невозможен в силу того, что он буквально тонет в объективной лавине множество фрактальных последовательностей энергетических потенциалов различных точек зрения сознания, которые вламываются в этот отдельный диалог и превращают его в информационный хаос.

Значит, основная критика философского наследия Платона у Ницше состоит не в его позиции аристократизма ценностей, поскольку в этом вопросе их философские позиции полностью совпадают, а в том, что пространство, с исторических позиций которых философствует Платон в логике своей дискуссионный системы, оказывается недействительным перед энергетическими потенциалами материи времени, действующими из глубин высших ценностей мировой истории, постоянно и непрерывно изменяясь, часто на противоположные позиции оценок. По существу, Ницше противопоставляет аморализм своей субъективной позиции самосознания иерархии ценностей – морали философии идеализма, поскольку не знает, как ответить на этот шквал полемики всего бесконечного многообразия диалогов мысли в объективности реальности, которая утратила все признаки чего-то разумного. Разум же, который вещает с позиции одно-

го монолога мысли, уже недействителен в социальном пространстве псевдоцивилизации. Именно в силу этой объективной проблемы и возникли аналитические возможности современного ИИ, которые упорядочили эти множества локальных полемических диалогов мысли в систему позиций сознания, которое погружено в энергетические потенциалы культуры. Можно также сказать, что это дух мировой истории развития цивилизации создал такой инструмент научно-технического прогресса, который дал возможность максимально снизить накал этой острейшей полемики сознаний, проявляющих свой ограниченный потенциал воли в социальных процессах современной псевдоцивилизации.

Гл. 18
Отсутствие разумной дискуссии в социальном пространстве современной псевдоцивилизации

Ищу человека.
Диоген

В вопросе природы разумного мира, который отображает иерархию исторической системы ценностей, мы полагаем, что в философском наследии Ницше, если устранить необходимые позиции нигилизма, высвечивается логика функции топологии фрактального целого исторического процесса развития мировой цивилизации. Так, в начале появления

новой модели развития мировой цивилизации действительно ничего нет кроме хаоса. Какой это хаос – этой уже другой вопрос. Например, Ницше связывает его исторически с культом Диониса, хотя, как мы полагаем, подобные процессы пронизывали всю историю мировой цивилизации, начиная с первобытной культуры. Речь идет о глобальной перезагрузке суперкомпьютера системы топологии фрактального целого в энергии материи времени, которая тотально определяет разумные импульсы воли. Здесь пространственные элементы культуры, за счет стабильности которых строится та или иная социальная модель, оказываются лишь временной фрактальной картинкой целого. Поэтому любая социальная модель в момент своего исторического распада стремится максимально загрузить внимание сознания человека на пространственных ассоциациях, или, наоборот, минимально снизить внимание к процессам энергетических потенциалов времени, которые скрыта за этими слабыми потенциалами жизненной энергии.

Важнейшим выводом философии нигилизма является то, что духовные ценности сознания становятся в этой философии материей энергии времени в самосознании, то есть отрицанием в этом потоке структурных элементов возможности различения духа и материи в монолитном движении воли к власти. Правда, этот монолит, или как его еще называет Ницше «молот» мировой истории, действует через первоначальный момент разрушения, который стремится раз-

рушить любые пространственные элементы сознания социального целого практически до нуля, то есть до ничтожества культуры в энергии цивилизации. По крайней мере, так эта позиция субъективного разума оценивается с позиции ценностей их объективной основы. Можно сказать, что через это бесконечное дробление локальных фрактальных последовательностей сознания реальности постепенно начинает высвечиваться топология фрактального целого, о котором рассуждал Платон с позиции высшего блага. Другими словами, своим «молотом» Ницше бьет именно по этих минимальным по своей энергетической основе рядам пространственных ассоциаций, подтверждая известную мысль Гераклита, что «все видимое есть смерть». Однако в этом вопросе позиции Ницше становятся слабыми перед учением анамнеза Платона, поскольку Платон, вслед за Гераклитом также рассматривает пространство относительным, но не столько как ценность человеческой жизни, сколько как ее ничтожность перед вечной природой космоса. В наше историческое время, с позиции объективной неизбежности возникновения новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, значительно проще понять высшую природу космоса, к которой сводят свою философию Гераклит и Платон, чем это было возможно в историческую эпоху Ницше, в которой только намечались первые признаки появления, с одной стороны, псевдоцивилизации, а с другой, элементы появления ее новой модели развития. Более того, в его

историческую эпоху рассуждать о возможности возникновения новой модели цивилизации, космически-технологической, было просто невозможно, поскольку для этого не существовало каких-то предпосылок.

С точки зрения логики фрактальных событий мировой истории, мы видим, что именно великий миф веры в научное познание мира зачистил эти две новейшие глобальные секты XX века: фашизм и коммунизм, хотя их огонь еще немного теплится, но скорее по инерции. Так, в наше историческое время происходит нечто подобное тому, что происходило в момент формирования основ др. греческой цивилизации, а по существу, начал становления всей модели европейской цивилизации, когда культ Аполлона стал постепенно оттеснять культ Диониса в спартанских союзах, этих лигаристических союзах античной модели ее развития. Причины этого оттеснения понятны. Они выражаются в том, что разумное право, даже на самом зачаточном уровне исторического развития цивилизации, исключают в себе энергетическую подпитку со стороны той первобытной энергии жизненной силы, которая создает этот безбрежный океан подсознательной памяти человека, требуя отделения самосознания – от сознания, то есть отделения разума от абстрактных представлений о мире. И, в отличии от сознания, которое всегда социально, самосознание может быть социальным только при условии, что в этом социальном пространстве присутствуют какие-то высшие ценности мировой истории. В противном случае, са-

мосознание существует в оппозиции к сознанию, то есть цивилизация существует в оппозиции к культуре, если последняя не демонстрирует обсуждение какого-то комплексы высших ценностей, определяющих границу между культурой и цивилизацией.

Возвращаясь к позиции Диогена, который не видел человека в среде своих сограждан, мы должны пояснить, почему мы не видим признаков цивилизации в окружающих нас элементах социальной активности человека. В нашем понимании, у Диогена вопрос о видимости сводится к тому, что ассоциативные свойства памяти, которые аккумулируют энергию сознания пространства, кардинально иные, чем те, которые аккумулируют энергетические потенциалы материи времени. Да, в пространстве сознание фиксирует присутствие человека, но существует ли этот человек во времени? Диоген, поскольку он полностью погружен в своем сознании в область чистой идеи человека, целиком и полностью обусловлен своим непосредственным образом жизни в энергии потенциалов материи времени, которые указывают на глобальную переоценку сущности человека в будущем. Отсюда – его известный спор об определении человека с Платоном, как известно, связанный с образом общипанного петуха в известной легенде. И Платон, как известно, этот спор проигрывает, поскольку у Платона идея человека не является центральной в его философии, а существует где-то на периферии, подчиняясь высшей ценности вечных идей.

В современных представлениях массовой культуры существует ложное представление о природе цивилизации. Полагается, что это все разнообразие материальных эмпирических процессов, в которые научно-технический прогресс погружает сознание человека. Это нечто подобное тому, что было в первые Темные века в момент перехода от псевдоцивилизации Римской империи – к ценностям христианской религии, когда истины Ветхого Завета полностью отрицали достижения античной цивилизации в области приоритетов социальных ценностей сознания той исторической эпохи. Так и в наше историческое время, как мы видим, ценности научно-технического прогресса, практически полностью подчинив себе социальное сознание человека, отрицают ценности философии идеализма. Однако, если понять, что материя является эмпирической лишь в самом минимальном своем проявлении в бессознательных процессах памяти, поскольку материя есть действие ресурсов памяти в их различных энергетических потенциалах, то сущность цивилизации становится полярно-противоположной тому, что под ней понимается в системе массовых ценностей. Если эмпирическое сознание материя – это минимальные свойства материи, которые известны сознанию через монотонные ассоциативные ряды восприятия пространства, то основные ресурсы материи, существующие в материи времени, как в процессах самосознания, не сводятся к эмпирической реальности. Это все равно, что в современной космологии известные знания

о видимой материи Вселенной дают только 90% ее массы, тогда как основная ее масса скрыта в темной материи, подчиняясь темной энергии.

Поскольку мы исходим из утверждения, что пространство сознания не обладает самодостаточной основой в разумном понимании мира, а использует лишь монотонные ассоциативно непрерывные ряды восприятий и ощущений, то природа цивилизации относится к пространству только в качестве потенции. Заполнить же эту потенцию способна только энергия материи времени, когда единственным ее материальных проявлением являются различные ресурсы мощности действия памяти. Самые примитивные по мощности ресурсы этой материи выражаются в операционных возможностях ИИ, поскольку он использует уже отработанные ресурсы памяти исторической культуры, лишь упорядочивая их в соответствии с той или иной мерой целостности в энергии пространства ассоциативных связей сознания массовых ценностей. Можно сказать, что современное состояние космически-технологической модели цивилизации выражает практически первобытное отношение к масштабам научного познания мира в будущем, то есть, можно сказать, что ИИ скребет в понимании разумной действительности как первобытный скребок в возможностях исключительно сложного понимания материи в разумной действительности.

В связи с философской позицией Диогена, который иллюстрировал ее, в частности, непосредственным образом жиз-

ни, отрицая социальные ценности своей исторической в поисках человека, встает естественный вопрос: а почему мы не садимся в бочку и не начинаем вещать из нее об отсутствии в нашей время разумной действительности цивилизации? Может быть это было более эффективно, действуя в том русле эпатажа, который привлекает к себе внимание? Но дело в том, что этот инструмент максимального привлечения к себе внимания давно уже взяла на вооружение так называемая альтернативная культура, используя разного рода перфомансы, чтобы выражать свой протест против различных традиционных ценностей. Но Диоген, в отличии от современных представителей субкультуры, отстаивал своим образом жизни очень глубокую философскую идею, которая впоследствии глобально повлияла на развитие мировой цивилизации, тогда как те, кто выражает свой протест против массовой или традиционной культуры разными эпатажными акциями, не выражает ничего разумного, кроме усилий привлечения к себе внимания. Эта попытка отвлечь массовое сознание на разного рода бессмысленные по отношению к разуму акции демонстрирует лишь тот факт, что различные технические приемы привлечения к себе внимания взяла на вооружение среда нигилизма, появление которой Ницше предвидел и утверждал, что необходимо преодоление этой разрушительной стадии исторического перехода одной: от одной модели цивилизации – к другой модели развития. Так, если в идеологической позиции Диогена мож-

но увидеть в историческом будущем предпосылки для возникновения монашеского образа жизни и абсолютизации человеческой личности в религиозных ценностях монотеизма, то современные действия субкультуры лишь усиливают процесс распада старой модели цивилизации, то есть работают на ценности псевдоцивилизации, а не на структурную основу ее новой модели. Ведь псевдоцивилизационные структуры только и существуют на счет постоянно усиливающихся нигилистических инструментов самоотрицания, то есть в качестве отрицания возможности существования мира как разумного целого в его объективной основе. Нашими средствами не могут быть эти альтернативные социальные позиции по отношению к традиционной культуре, поскольку нашей задачей является восстановить уровень дискуссии о высших ценностях исторического самосознания на должном уровне, а не разного рода социальные провокации.

Если Диоген, живя в своей бочке, игнорировал существование людей, которое не отвечало, по его мнению, образу жизни полноценной природы мира, будучи полностью преданным поиску ее разумной идеи, – то нашей задачей является показать и по возможности доказать, что современные социальные структуры являются не проявлением цивилизации, а процессом ее распада, причем постоянно усиливающимся в историческом времени. Как можно смотреть на человека и утверждать, что его нет? Здесь такими сомнительными аргументами, как проживанием в бочке, свою субъ-

ективную позицию не докажешь, как, впрочем, и символическим фонарем в своих руках, который был предназначен для освещения мрака человеческой жизни. Мы полагаем, что важнейшим аргументом подобного обоснования своей субъективной позиции служило требование необходимости возвращения к подсознательным глубинам психики, которые требовали выполнения своего долга перед той метафизической силой, которая создала человека как разумное существо. Следовательно, Диоген обращался к разуму своих сограждан, требуя от них переоценить ценности их обыденного сознания перед истиной своего самосознания. Другими словами, он обращался к самосознанию людей, требуя от них поиска разумной идеи жизни, а не слепого использования тех социальных целей в сознании реальности, которые не требует от них какой нравственной ответственности за свои поступки.

Отличие нашей философской позиции от философской позиции Диогена заключается в том, что она выражается в объективной позиции разумного понимания действительности, тогда его идея поиска человека по большей своей части выражала субъективный метод выражения своих мыслей. В этом смысле, наша объективность позиции разумной мысли во многом опирается на последний опыт исторической полноценной философской мысли, на субъективные позиции разума в философии Ницше. Именно последний, в результате максимально резкой критики исторической тради-

ции философии идеализма, придал этому учению новый импульс, какой-то свежий заряд энергии исторического будущего. Другое дело, что эти новейшие позиции субъективного разума в философии Ницше в современной социальной гуманитарной культуре оцениваются как «иррациональные». Но, с другой стороны, как еще иначе может оценивать сознание, лишенное разума, разумную мысль, указывающую на исчезновение этого разума с позиции иерархии высших исторических ценностей самосознания? Как иначе в принципе может реагировать социальная мысль псевдоцивилизации на тот факт, что она уже не является цивилизацией, а лишь стремительным процессом ее распада?

Часть VII
Энергия высших ценностей мировой цивилизации

Гл. 19
Понимание расового бессознательного

Первый человек, который бросил ругательство вместо камня, был творцом цивилизации.
Фрейд

Если обратить внимание, на чем строится современная коммуникационная система современной псевдоцивилизации, то можно заметить, что она формируется стремлени-

ем к максимальной жесткости ассоциативно-пространственных связей сознания реальности, то есть на энергии монотонных последовательностей феноменов памяти, определяющих бытовой образ жизни человека. Привлечь максимальное внимание к ассоциативным зрительным образам во всем их многообразии, – это главная техническая база различных информационных потоков, которые давят на сознание человека максимальной интенсивностью загружаемой информации. Такого напора объема информационного потока на сознание еще не знала история мировой цивилизации, когда различные знания поступали в сознание очень дозированно, причем, как правило, проходя определенную цензуру в самосознании.

В аспекте этого энергетического потока информации различного качества и различного уровня сложности, в поле влияния которого постоянно находится сознание человека, необходимо отчетливо понимать: что первично в энергии действия памяти – время или пространство? Как известно, философия Канта полагает их равноценными априорными связями созерцания, тогда как объективный рационализм Гегеля смещает акцент на действие энергии времени в историческом самосознании субъекта, утверждая, что именно историческое самосознание является подлинным критерием истинности получаемого объективного знания. Понятно, что в философской системе Гегеля подобный акцент обусловлен абсолютной ценностью духовной причастности ра-

зумной субъективности законам развития мировой истории. Но вместе с обрушением внутренней энергии очередной исторической модели цивилизации, как мы видим, объективно разрушается и та ценность духовного пространства, на базе которой она существовала. В данном случае, речь идет о прерогативах протестантской этики, которая была основой морального духа в процессе развития торгово-промышленной модели цивилизации последние два века. Разрушение этой модели цивилизации Ницше зафиксировал в одной из своих важнейших идей философии: «Бог умер!»

Понятно, что наш тезис о том, что современное историческое время характеризуется стремительным переходом цивилизации в состояние псевдоцивилизации, требует очень весомых аргументов. Этот процесс оказался настолько стремительным, что подавляющее число людей оказалось к нему не готово со стороны адекватных реакций своей подсознательной психики. Можно заметить массовые проблемы с психикой, из анализа которых и возникала теория психоанализа. Понятно, что эти проблемы с полноценной работой психики возникали всегда в переходные исторические эпохи, однако, как мы полагаем, такого резкого исторического поворота развития в прошлом мировая цивилизация еще не знала. Он оказался слишком глубоким именно в области кардинального изменения подсознательных процессов психики, которые формируются энергией материи времени, которую мы определяем, как энергию расового бессознатель-

ного человека.

В вопросе существования расового бессознательного нам ближе всего находится позиция Лебона, который выделял ее как энергию действия высших ценностей мировой истории, воздействующих из глубин психики на границе сознания и самосознания. И, например, в отличии от понятия «коллективного бессознательного» у Юнга, который почти полностью сводил самосознание к энергии коллективного сознания, Лебон, наоборот, требовал безусловной границы между ними, когда эта граница может стираться только тогда, когда самосознание подчиняет себе сознание в качестве власти высших ценностей над непосредственным образом жизни человека. У Юнга же вообще в принципе отсутствует позиция самосознания субъекта как авангардной позиции разумной исторической мысли, если только чисто формально в качестве констатирования наличия коммуникационных связей в пространстве культуры. Именно в этом вопросе, как мы полагаем, следует искать причины конфликта Юнга и Фрейда, когда Юнг исключил самый важный аспект аналитической работы Фрейда с бессознательным – его влияние на разумную индивидуальность человека в исторических событиях и, главное, тщетную попытку Фрейда установить какую-то иерархическая основу в процессах бессознательного, то есть границу его течения по отношению к непосредственной личности человека за пределами влияния коллективной культуры.

Понимание подступов к идеи расового бессознательного – это то, на чем заканчивается психоаналитическая теория Фрейда, когда в поздний период своей работы с бессознательным он вводит понятие «инстинкта смерти». Однако это понятие мы лишаем какой-то составляющей, обусловленной связью с подсознательными влечениями, рассматривая в качестве главного аргумента –исторический факт сворачивания определенной исторической модели цивилизации в контексте, в частности, возможности духовного потенциала протестантской этики быть внутренней духовной силой в дальнейшем развитии исторических событий, что только намечалось в венской социальной буржуазной среде, в которой исторически развивалась теория психоанализа Фрейда. Здесь в полной мере работает формула Ницше: «Бог умер!». Однако, в отличии от невозможности каким-то образом использовать свою психоаналитическую теорию для понимания высших ценностей исторических событий у Фрейда, поскольку функции первобытного самца, присвоившего себе самок в стаде человекообразных обезьян, таковым мы назвать не можем, – Ницше все-таки указывает на выход из этого тупика в одной из основных идей своей философии, в идее «вечного возвращения». Вопрос лишь состоит в том: к чему нужно возвращаться?

Некоторые называют Лебона «расистом», но он, в отличии от Гобино, таковым не был. Он был всего лишь аристократ духа, который требовал неукоснительного выполне-

ния сознания долга перед разумной идеей жизни, которая всегда строится на иерархии высших ценностей самосознания. И он был одним из первых, кто обратил внимание на начало разрушительных процессов внутри цивилизации, когда она перестала выполнять свою задачу распространения высших ценностей, то есть тогда, когда все поля культуры цивилизации, кроме научного поля ценностей, стали постепенно деградировать. По существу, Лебон, как и Платон, отстаивал позицию разумной действительности как необходимость этой иерархии исторических ценностей. А то, что он, как, впрочем, и Ницше, попали в свое время в некоторой степени под влияние расистских идей, следует все-таки относить к значительное более низкому уровню развития научного знания той исторической эпохи по отношению к нашей исторической эпохе. То, что народы мира развиты на различном уровне по отношению к возможностям внутренних рациональных процессов мировой цивилизации, является очевидным фактом. Однако делать из этого выводы, что один народ «выше» другого на основании процесса доминирования на некотором историческом промежутке времени, не является поводом полагать одну биологическую расу выше другой. Это неразумно по той причине, что историческое время доминирования какого-то народа в мировой истории все равно ограничено, когда, выполнив свою историческую задачу, он теряет свой внутренний потенциал воли к власти и растворяется в племенных инстинктах массового бессозна-

тельного.

Кроме социальной логики понимания ценностей у Лебона, наше понимание расового бессознательного очень близко к тому, что в философия Гегеля понималось под историей мирового духа. Это некие энергетические потенциалы высших процессов психики, в которых через дискретные потенциалы последовательностей памяти происходит передача энергии: от неживой – живой материи. Отличие же расового бессознательного от массового бессознательного состоит в том, что в тот момент, когда внутренний духовный потенциал какой-то модели цивилизации исчерпывается, она передает эстафету развития другой исторической модели развития. Причем, передает она его в том максимуме противоречий своего существования, которые накапливаются этой модель в попытках перехода к новой исторической модели развития.

Таким образом, на понимание существования феномена расового бессознательного, определяющего подсознательные импульсы максимальной энергии воли человека, действующей как разум, возникающего в высших процессах памяти, в наибольшей степени на нас повлияли: философия Гегеля и понимание социальных процессов исторических событий у Лебона. В аспекте же учения лигаризма, который продолжает традиции философии идеализма, наше учение есть прямое продолжение разрешения тех противоречий философской мысли, которые на субъективном уровне возник-

ли в философии Ницше. Но, в отличии от субъективных оценок разумных процессов мировой истории, наша позиция объективна, поскольку подобной объективности требуют современные процессы развития мировой цивилизации, с одной стороны; а с другой, этого требует логика отрицания отрицания как основание исторического развития философии истории идеализма.

Приведенная нами цитата Фрейда указывает, что человеческий язык, как «тело мышления», образует тот коммуникативный поток расового бессознательного в ассоциативном поле пространства, в котором подсознательная агрессия, вызванная ответной реакцией на агрессию со стороны каких-то внешних сил, выражает обратный поток агрессивной энергии, но уже в пределах рефлексии культуры, то есть формирования пространства, где это агрессивное внешнее воздействие природы локализуется. В наше историческое время биологи установили, что некоторые высокоразвитые виды животных, например, дельфины, тоже обладают коммуникативной системой языкового общения на уровне специфических звуковых сигналов. Значит, сознанием животный мир все-таки обладает. Но существует ли в животном мире феномен самосознания? Последнее, предполагает, что у животного самосознание отсутствует в том смысле, что его сознание исключительно бытовое, действующее на уровне бессознательных влечений, которые не вступают в конфликт с природой, являясь полностью их частью. Значит, самосозна-

ние является непосредственной реакцией движения волевого импульсы подсознания на внешнее агрессивное воздействие любого источника, которое переносит бессознательную реакцию ответной агрессии – на рефлексию идентификации с разумным пониманием структуры источника агрессии. И если животное реагирует на внешнюю агрессию в поле своих биологических влечений, не различая себя в объективности этого взаимодействия, то самосознание человека, наоборот, стремится подчинить объект какой-то разумной цели его существования в структуре пространства целого. Можно сказать, что в животном сознании существует ограниченная программа алгоритмов определенных бессознательных реакций на возникновение любой бытовой ситуации, когда эта программа – ограниченность его бессознательных ресурсов памяти, практически полностью сводящихся к монотонной энергетической реакции его бессознательных инстинктов. Но, собственно, и бытовое сознание человека в пределах энергии его массового бессознательного действует приблизительно аналогично в пределах той системы социальных представлений о мире, которые доминируют в определенную историческую эпоху.

В вопросе переноса бессознательной энергии сознания с источника внешней агрессии – на языковую систему коммуникативного социального пространства Фрейд замечает очень важную деталь этого коммуникативного момента, который состоит в том, что он является топологической спе-

цификой языка. Особенностью этой специфики является то, что, в отличии от монотонного потока подсознательных психических реакций действия памяти, в которых отсутствует момент разрыва непосредственного течения чувственных ассоциаций, отображающих непрерывность движения сознания в потоке биологических влечений, зачатки даже первобытного разума культуры ограничивают пространство самосознания какой-то психологической структурой целого. Это целое – взаимосвязь с небиологическим, которое определяет объект природы как совокупность энергетических потенциалов целого в энергии времени.

Таким образом, расовое бессознательное, в отличии от энергии массового бессознательного, образуется не из монотонных ассоциативных рядов образов подсознательной памяти, которые конструируют пространство культуры, а из дискретного потока потенциалов материи времени, которые выходят далеко за пределы ассоциативных реакций на знакомые ритмы жизни бытового образа жизни человека. В определенном смысле, потенциалы энергии материи времени действуют разрушительно на социальное пространство сознания, поскольку в них самосознание разумной индивидуальности человека разрушает границу культуры в качестве причастности энергии мировой цивилизации. И самым важным моментом в этой динамике конфликта сознания и самосознания является то, что бессознательно агрессивную реакцию сознания на внешний источник агрессии самосозна-

ние отвечает не действием в ассоциативном потоке непосредственных чувственных реакций, то есть на уровне подсознательных инстинктов, а переносит его в поле коммуникативных потенциалов энергии времени, то есть в непосредственное «тело мышления».

В нашем понимании, если массовое бессознательное движется в рядах локальных фрактальных последовательностей информационного потока сознания, который практически полностью контролируются социальными представлениями своей исторической эпохи, – то расовое бессознательное является движением в самосознании разумной индивидуальности человека фундаментальных фрактальных последовательностей потенциалов энергии материи времени, которые не могут быть в силу своей природы эмпирической реальностью сознания. Эмпирическая реальность сознания в любую историческую эпоху, опираясь на доминирующую мифологию своего исторического времени, движется от потока ассоциативных рядов непосредственных чувственных реакций в поле исключительно сознания. Но лигаристический тензор самосознания, оперирующий волей к власти великих идей мировой истории – это именно материя энергии наиболее глубоких ресурсов воздействия памяти, которая всегда в первый момент своего появления разрывает слабые энергетические потенциалы массового потока сознания. Этот момент присутствует в реакции А. Македонского на смех своих спутников, реагирующих на суровость действия позиции

идеи в образе жизни Диогена.

Лигаристический тензор – это непосредственная взаимосвязь с исторической логикой философии идеализма в его современной интерпретации формирования принципиально новой модели мировой цивилизации, когда самосознание действует в потоке расового бессознательного как совокупное множество энергетических потоков различных диалогов, схваченных в единую топологическую структуру фундаментальной последовательности течения рациональной мысли. Можно сказать, что в движении функции топологии фундаментальной фрактальной последовательности течения рациональной мысли есть хаос отдельных локальных фрактальных последовательности информационных потоков сознания реальности, который удерживается в качестве единой структуры целого. Проблема здесь состоит в том, что любая великая идея в процессе своего исторического раскрытия в массовом сознании, неизбежно теряет тот потенциал энергии материи времени, который она привносит в мир исторических событий. И тогда требуется историческая необходимость возникновения новой великой идеи, отрицающей социальное пространство, в котором до этого момента действовала какая-то другая великая идея. И главным вопросом является вопрос: из каких ресурсов подсознания возникает эта великая идея? Мы полагаем, что эта новая великая идея возникает как нечто целое в том комплексе крайних исторических противоречий, которые до нее оставило последнее

достижение полноценной рациональной мысли. Эти противоречия передаются историческому разуму в качестве новизны понимания свойств материи, поскольку идея не существует вне структуры той материи, которую она использует для утверждения той или иной позиции философии этой идеи.

Понятно, что утверждение о том, что современная философия идеализма опирается на определенные материальные высшие процессы памяти, звучит достаточно спорно, поскольку современная абстрактная наука не различает эти процессы, рассматривая их в чисто материалистическом смысле как действие нейронов мозга. Для понимания этих высших процессов памяти мы вводим понятие «расовое бессознательное», которое фундаментально отличается от массового бессознательного уровнем оперирования информационным потоком объективного понимания действительности. Главным аргументом в том, что идея как процесс памяти не сводится к чисто материальной реальности состоит в том, что эта память является дискретным потоком локальных фрактальных последовательностей сознания, когда непонятно: что находится в их разрывах? Другими словами, что осуществляет радикальный переход: от абстрактного представления сознания, обладающего возможностью операций представления как целого на субъективном уровне абстрактных логических операций – к снятию этой абстрактной логической схемы во всей его полноте существования в

разумной действительности?

Гл. 20
Мифы нашей исторической эпохи и разумная действительность

Всё содержание, приписываемое богам, должно оказаться вместе с тем собственной внутренней сущностью индивидов.

Гегель

Одним из основополагающих подходов в понимании современных социальных ценностей псевдоцивилизации является тот факт, что осовремененная фундаментальная наука все больше и больше скатывается к позициям сциентизма, то есть переходит в область мифологических представлений о реальности. Подобный феномен обусловлен почти полным исчезновением в научной среде каких-то глубоких научных идей ее развития. Понятно, что это утверждение выглядит достаточно субъективным, однако предпосылки для него очевидны, когда на него обращали внимание многие мыслители, например, тот же Гуссерль. Однако его попытка рассматривать философию как «строгую науку» вызывает вопрос именно со стороны этой «строгости». Правда, необходимо понимать, что кроме подходов фундаментальной науки в ее возможностях оценки феномена сознания мы более ничего не имеем в наше историческое время.

Однако мы имеем возможность применить метод фрактального анализа исторических ценностей, когда между Темными веками и ранним Средневековьем в вопросе последней инстанции истины тоже заявлялся авторитет Ветхого Завета, если мы сравним современный цикл существования псевдоцивилизации с теми социальными представлениями, которые доминировали полторы тысячи лет назад. Последнее, объясняется тем, что любая новая модель мировой цивилизации начинается с тотальной оппозиции по отношению к известным социальным представлениям о ценностях, а когда последние уже подверглись деструкции со стороны логики развития мирового исторического процесса, эти новейшие идеи сами начинают погружаться в энергию догм массового сознания, препятствуя дальнейшему развития разумного понимания мира. Поэтому, когда переоценка ценностей под воздействием какой-то великой идеи произошла, увязание этой идеи в процессе опосредствования в массовом сознании мешает своей инерцией существования появлению какой-тог другой великой идеи. Эту мысль очень точно выразил соратник Дарвина, английский зоолог Томас Генри Гексли (1825–1895): «Всякая истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок». С позиции движения подсознательных процессов психики в области расового и массового бессознательного мы это определяем, как переход энергии потенциалов материи времени, которые концентрируются по максимуму в какой-то великой идеи в самосознании – в об-

ласть ее монотонной активности в сознании, где она локализуется как минимум этой интенсивности, то есть становится непосредственной областью ассоциативного восприятия пространства. Для нас здесь важен тот факт, что первичный импульс разумного понимания мира возникает не из внешнего источника непосредственной чувственной реальности, а в самом историческом процессе постоянной переоценки исторических ценностей. Другими словами, разумное понимание мира является критическим отношением к предшествующему набору исторических противоречий своей исторической эпохи, которое субъективно или объективно противостоит новейшему разумному понимания действительности. И в этом случае, вопрос о первичности разума далеко выходит за пределы только научного знания, поскольку сами метафизические предпосылки современного научного знания возникли в качестве переоценки схоластической философской мысли Средневековья. Средневековые же схоласты, как известно, опирались на переоценку ценностей ветхозаветной библейской мысли и греческой философии, а библейская ветхозаветная мысль и др. греческая наука и метафизика – на восточную магическую культуру, в первую очередь, на др. египетскую. Но что было в самом начале этой субъект-объектной логики переоценки ценностей или диалектического процесса отрицания отрицания в результате понимания действительности?

Как мы видим, большинство мыслителей XX века сво-

дили предпосылки начала развития мировой цивилизации к очень отдаленным началам культуры, в частности, к теории биологической эволюции момента отделения человекообразной обезьяны от остального животного мира, оценивая все предшествующие исторические представления эпох о происхождении человека как мифологические, доказывая, что внутренней силой развития мировой цивилизации является исключительно научно-технический прогресс. Мы же, вслед за Гегелем, полагаем, что все значительно сложнее, поскольку у каждой исторической эпохи есть своя разумная система ценностей, обладающая определенной прерогативой представлений в пределах этой исторической эпохи. Можно сказать, что любая рациональная структура представлений исторической эпохи вкладывается в судьбу рациональную структуру другой исторической эпохи, как одна русская матрешка вкладывается в другую русскую матрешку, когда развитие научно-технического прогресса, хотя и различает эти матрешки по пространственному масштабу воздействия своих ценностей на число народов, в полной мере воспроизводит набор начальных фрактальных элементов для существования структуры единого исторического целого. Здесь образ этой русской матрешки должен указывать на неизменность того, что Платон понимал под существованием вечных идей, которые действуют в высших процессах человеческой памяти, отсеивая все низшие ценности, но оставляя для будущих поколений только высшие ценности. Функции

расового бессознательного действуют как фундаментальные фрактальные последовательности энергии материи времени, которые и перестраивают эти русские матрешки в более энергетически активные подобные структуры разумной действительности на уровне импульсов воли. Таким образом, если ассоциативно доступные в эмпирическом сознании элементы пространства выражают объективную структуру русских матрешек различных масштабов ценностей культуры, то энергия материи времени – это энергия расового бессознательного, которая преобразует эти подобные структуры друг в друга, сохраняя при этом определенный набор фрактальных элементов строения целого. По крайней мере, это радикально упрощающий образ русской матрешки дает нам возможность показать, как учение анамнеза Платона и учение о развитии абсолютной идеи в мировой истории связываются с пониманием природы расового бессознательного.

Если возвратиться к состоянию современной российской гуманитарной среды, то следует заметить, что она полностью потеряла какие-то разумные ориентиры, вне которых, как понятно всем мыслящим людям, цивилизационная действительность не существует. Главное причина потери подобных ориентиров – это отсутствие в прошлом и в настоящем полноценной субъективной базы для рефлексии понимания разумной действительности мира. Так, выдвинутая в современной российской реальности система традиционных ценностей, конечно, в какой-то минимальной степени ослаб-

ляет катастрофические последствия нравов этого подобия Уйгурского каганата советского политического режима, но, с другой стороны, катастрофически параллельно ослабляет и позиции ценностей развития современной фундаментальной науки, вызывая процесс отставания российской науки от ее авангардных позиций, когда при советской власти научные ценности были абсолютно приоритетными для социального сознания. Понятно, что наше сравнение коллективной психологии Советского Союза с Уйгурским каганатом недопустимо в пределах традиционных представлений о событиях мировой истории, в основном, подчиняющихся в наше историческое время его линейной концепции перспективы развития исторических событий, где ее внутренней движущей силой является научно-технический прогресс. Однако мы отстаиваем фрактальный взгляд на мировую историю, а потому то, что кажется неприемлемым в пределах одного концептуального подхода, наоборот, является единственно возможным – в пределах другой логики философского взгляда на мир.

Вообще, возвращение в наше исторического время к традиционным ценностям в российской социальной реальности мы оцениваем, как положительный процесс со стороны попытки нравственного возрождения нации. Более того, мы даже показали исторический пример этих событий в истории появления и последующего забвения в истории Др. Египта новейшего культа, бога Атона, когда после смерти фараона

Эхнатона Египет возвратился к традиционным ценностям. Однако история не может стоять на месте, ибо попытка все оставить, как есть, неизбежно влечет за собой коллапс социальной политической системы, которая игнорирует разумные законы развития мировой цивилизации. Ведь даже в состоянии псевдоцивилизационного распада любая модель цивилизации оказывается более устойчивой, чем социальная система, которая стремится все заморозить. Именно по этой причине и распался Советский Союз, что необходимо было радикально меняться, как это место, например, с коммунистическим Китаем. Основная проблема современной гуманитарной мысли в России состоит в том, что в ней отсутствует адекватная историческая оценка – где оказалась нация в данный момент исторического времени? Впрочем, у нас есть объективный ответ на этот вопрос, который мы реализуем, в частности, в понимании того, чем является феномен псевдоцивилизации в мировой истории.

Главная проблема современной российской реальности, как мы полагаем, обусловлена резким вхождением психологического состояния подсознания современного человека в очередные Темные века мировой истории, когда все знакомые нравственные ориентиры оказываются утраченными, поскольку рушится подсознательная база тех моральных ориентиров, на которых они строились. Здесь можно вспомнить известную метафизическую формулу Ницше «Бог умер!», хотя все значительно глубже и сложнее в остро-

те тех противоречий, которые характеризуют исторический переход от одной модели цивилизации – к другой модели. Можно, как это имеет место в России, попытаться вернуться к религиозным нормам жизни, которые хотя бы в минимальной степени сопротивляются этим разрушительным процессам распада цивилизации, однако кардинальное изменение самой природы человеческого быта, когда сознание заполнено принципиально иными технологическими процессами цивилизации, то есть когда быт, в котором в свою историческую эпоху формировались религиозные ценности, практически полностью разрушен, следовать этим религиозным нормам жизни мало реально.

Но мы, как идеалисты, в вопросе существования веры разделяем все-таки историческую философскую позицию Гегеля в вопросе религиозного сознания, полагая, что христианство является в сознании европейца абсолютной религией. Эта мысль справедлива в том смысле, что на Земле любые другие религиозные конфессии, за исключением ислама, который также развивался в русле единого поля духовного развития истории мировой цивилизации, являются локальными религиозными представления о ценностях. Мы же не может отказываться от позиции субъективной и объективной философской мысли, которая движется от возникновения философской позиции Платона через духовный опыт средневековой схоластики. Другое дело, что мы не можем обойти стороной и один из центральных тезисов субъективной фило-

софской позиции Ницше о «смерти Бога», поскольку его позиция метафизической субъективной мысли косвенно указывает на становление принципиально нового проекта развития мировой цивилизации.

Вообще в вопросе религиозной веры или неверия мы придерживаемся моральной позиции, которую выражал Эйнштейн на уровне публичных дискуссий, когда, с одной стороны, осознавал, что безусловно признает существование метафизического начала мира, но в Бога не верит. И хотя массовая среда, которая всегда стремится присвоить себе разумную личность, везде утверждала прямо противоположное в отношении Эйнштейна, то есть стремилась оценить его позицию сознания либо как материалиста, либо как религиозного человека, чтобы она была доступна массовому сознанию, таковой она в его самосознании не являлась. Просто человек, который занимается задачами фундаментальной науки, как правило, но не всегда, осознает, что ценности научного знания – это всего лишь ценности одного из полей мировой культуры, тогда как разумная действительность значительно сложнее и, главное, полнее, чем научная абстракция. Вообще, фундаментальная наука необходимо предполагает наличие самосознания субъекта, который осознает объективность существования разумного мира далеко за пределами ее абстрактных логических схем. В противном случае, он просто бы не смог делать великие научные открытия.

Таким образом, тезис Ницше о «смерти Бога» мы рас-

сматриваем не со стороны его субъективной философской позиции, а со стороны объективной иерархии высших ценностей исторического самосознания, которая указывает на принципиально новый проект развития мировой цивилизации. К чему приводит буквальное понимание этого тезиса можно было видеть в исторических событиях XX века, когда появилось множество очень влиятельных сект, а в истории российской государственности эти сектантские представления были влиятельны на тоталитарном уровне чуть меньше столетия, что дает возможность нам провести соответствие этой государственной системы с исторической политической конструкцией Уйгурского каганата во фрактальной системе исторических координат.

Понятно, что в основе сектантских ценностей большевизма и фашизма лежали именно нигилистические ценности сознания, но позиции самосознания мы в них не обнаруживаем, поскольку ценности самосознания предполагают присутствие позиции разумного понимания мира, а его существование почти незаметно в этой глобальной мистерии перехода мировой истории от одной модели цивилизации – к принципиально новой модели. Вождизм, который становится базой политической системы – это, наоборот, переход к чему-то первобытно-племенному, что указывает на циклические процессы развития мировой истории, периодически сопровождающиеся периодами мировых расовых катастроф. Впрочем, относиться к этим сектантским движениям только

с позиции религиозного сознания, – это значит, отказаться от объективно-рациональной позиции исторической ситуации, поскольку религиозное поле сознания – это лишь одно из полей исторической культуры, тогда как разумная действительность значительно сложнее этого поля ценностей.

Почему народы, находящиеся на достаточно высоком уровне цивилизационного развития, неожиданно погружаются в систему родоплеменных отношений, по существу теряя знакомые ориентиры в разумном понимании действительности? Этот вопрос не такой простой, поскольку он, в первую очередь, требует отказаться от мифологии ценностей линейного представления о ходе развития мировой истории, который опирается на ценности научно-технического прогресса. Последнее, очень трудно опровергнуть, поскольку научно-технической прогресс действительно развивается линейно на всем протяжении развития мировой цивилизации, и опровергать историческую необходимость его развития может только неразумный человек. Проблема состоит еще и в том, что и в современной России некоторые пытаются возвратиться в наше время к этим сомнительным ценностях подобия социального пространства Уйгурского каганата, из зловещей мистерии реальности которого с таким трудом выходит в наше время российская реальность, а в Западной Европе пытаются возвратиться к идеологии нацизма. И хотя эти попытка в историческом плане тщетны, но они неизбежны, поскольку никто не знает – куда двигаться в раз-

витии какой-то полноценной системы высших ценностей?

Поскольку для нас, как и для Гегеля, так и как для наиболее последовательных российских интеллектуалов, таких как Чаадаев, Салтыков-Щедрин и Грибоедов, критерием развития уровня цивилизации является мера полноценности ее государственных институтов по отношению к разумной системе ценностей, то отрицательное отношение к этим сектантским движениям, таким как фашизм и большевизм, у нас резко негативное. Однако не дать им оценку с позиции высших ценностей самосознания событий мировой истории – это значит, не понимать ее разумных законов развития, оставшись на тех мифологических процессах представлений о ценностях, которые определяют массовую культуру современной псевдоцивилизации. Не дать оценку этим политическим явлениям – это значит, быть отброшенным назад в понимании внутренних процессов развития мировой цивилизации, то есть либо: к либеральной системе ценностей, либо к ценностям только традиционным. Собственно, полемика этих двух противоположных позиций ценностей, которая мало уже относится к современному историческому разуму, и выражает ценности существования современной системы социальных отношений псевдоцивилизации.

Вообще, если оценить главную проблему современной интеллектуальной европейской мысли, то она состоит в том, что в ней отсутствует полноценная рациональная дискуссия, когда за основу диалогов берутся какие-то фрагментарные

моменты реальности, тогда как разумная действительность требует понимания полноты разумного целого. Причем, если в западноевропейской мысли существуют хотя бы минимальные признаки наличия какой-то исторической логики понимания социальных процессов, то в российской реальности они отсутствуют практически полностью, хотя усилия в этой области затрачиваются колоссальные. Самая опасная тенденция современной российской дискуссии – это отсутствие в ней исторически адекватной оценки в области самосознания, тогда как сознание в наше историческое время почти полностью подавлено массовой культурой, которая требует прямо противоположного – отказа от своего разума. Есть некоторые позиции чего-то псевдоинтеллектуального, когда какой-то оратор начинает откровенно шаманить на какие-то актуальные темы, а к нему подключается та или иная обширная аудитория, но шаманизм, даже использующий язык современных научных терминов и затрагивающий наиболее острые проблемы современной реальности, пока еще ни к чему хорошему не приводил, пусть даже он и опирается на термины современной науки.

Гл. 21
Граница мифологического сознания и разумной действительности самосознания

Я звал людей, а не мерзавцев.
Диоген

Понятно, что современное рациональное мышление не может относиться к мифологическому сознанию с тем пренебрежением, которое характеризовало его оценку с позиции сциентизма. Не может по той причине, что сциентизм – это тоже разновидность современной мифологии сознания, причем одна из самых влиятельных в среде различных доминирующих мифов нашего исторического времени. Понятно, что ценности сциентизма необходимо отделять от ценностей фундаментальной науки, поскольку последняя – разумна, тогда как сциентизм, наоборот, дает повод усомниться в ценностях фундаментальной науки. Причины же такого тотального влияния ценностей сциентизма в общем поле мифов современной исторической эпохи выражается в том, что научное мышление, с позиции возможностей ресурсов сознания – это авангард современного развития мировой цивилизации, поскольку альтернативы развитию новых технологий для построения космически-технологической цивилизации не существует. Другое дело, что авангардные позиции иерархии современных исторических ценностей показывают, что ближайшие века мировой истории будут определяться именно этим мифом, поскольку он наиболее близок к проекту развертывания новой модели мировой цивилизации, космически-технологической.

Следует понимать, что сознание по своей структуре строения необходимым образов мифологично, когда наиболее значительным аргументом строения этой мысли могут слу-

жить операционные возможности логических рассуждений ИИ. И действительно, ИИ не обладает разумными способностями мышления, но зато он обладает исключительно мощной возможностью строить конструкцию суждений абстрактного рассудка из известного материала определенного поля культуры. Отличие самосознания от сознания выражается в том, что самосознание всегда существует в противоречии с сознанием именно в силу того, что сознание всегда погружено в какую-то мифологическую систему ценностей. Мифологическую в том смысле, что оно утратило ту полноту и противоречивость возникновения великой исторической идеи, когда первой реакцией на него сознания является реакция, что этого не может быть. Историческим примером, который может быть аргументом нашей мысли, являются социальные процессы, которые возникают в начале формирования новой модели мировой цивилизации. Например, исторические процессы, которые происходили в момент возникновения влияния ценностей монотеизма при великих пророках или влияния ценностей фундаментальной науки, когда еще существовали великие научные идеи. В начале возникновения этих новых моделей мировых цивилизаций мы видим: или откровения великих пророков, если это катается ценностей религиозного сознания монотеизма, или великие открытия ученых, если это происходит в области последнего активного проекта мировой цивилизации, торгово-промышленной. Но эти модели в наше историческое время сверну-

лись, в той или иной степени, оставив после себя великие мифы, к которым сознание сопричастно в качестве процесса воспоминаний высших ценностей мировой истории в истории философии идеализма.

Проблема состоит в том, что с современной российской мыслью невозможно вступать в дискуссию, когда существует историческая необходимость касаться каких-то фундаментальных вопросов бытия, поскольку она стремится не к вдумчивому отношению к вопросу, а стремится как-то пошаманить на уровне массового сознания, как шаманили в свое время на пролетарских массовых митингах различные пролетарские вожди. Ей далеко даже до русской интеллектуальной мысли, которая существовала до 1917 года, а не то что до образцов классического философского мышления ушедших исторических эпох. Ведь масс-медиа и социальные сети демонстрируют не признаки разумной дискуссии, а наиболее примитивные схемы обыденного сознания. Есть, правда, очень хорошие аналитические работы по отдельным темам, но они рассматривают различные вопросы крайне узко в историческом плане, не давая понимания чего-то целого, что характеризует полноценную рациональную мысль. Но появление этих качественных аналитических работ по каким-то локальным темам скорее редкое исключение в этой пустыне пустословия. Что дала массовая культура в России после 1917 года? Она резко понизила общий интеллектуальный уровень дискуссии для возможности рефлексии в само-

сознании высших исторических ценностей, но подняла на значительно более высокий средний интеллектуальный уровень ресурсы массового сознания. Во многом, если обратить внимание на этот низкокачественный уровень интеллектуального шума в различных массовых шоу в наше историческое время, или в так называемых аналитических «академических трудах», где имитируется какая-то дискуссия, то в них стали явно выражены признаки глубокого слабоумия, который является одним из основных признаков момента наступления эпохи Темных веков. И вот, что интересно. Вроде и журналы философские есть, и научные дискуссии проводятся, а их уровень все падает и падает. Кроме того, следует все-таки понимать, что еще в XX веке массовая культура не было так агрессивна, зная свое место, как, например, она знала свое место в историческую эпоху А. Македонского, когда была почти полностью подавлены действием великих идей свой исторической эпохи.

В вопросе нашего утверждения, что современная цивилизации резко вступила в процесс псевдоцивилизации, очевидно, существует явный приоритет остроты идеи этого тезиса, противопоставленного сознанию, в котором цивилизация на уровне обыденных представлений реальности, безусловно, существует. Но опять, возвращаясь к идее Диогена о поиске человека в среде людей обозначается то, что всегда движет полноценной философской идеей, – противоречие с сознанием, которое не может принять то, что отрица-

ет саму реальность. Здесь конечно можно вспомнить диалог Диогена с Платоном, где становится понятно, что сам Платон в значительно меньшей степени интересовался в своей философии самой идеей человека. Но именно историческое время впоследствии показало, что имел ввиду Диоген, когда не видел очевидного – реальность человека. Впрочем, здесь возникает еще один важнейший момент рефлексии философской мысли, который состоит в том, что ассоциации пространственных образов сознания, которые человек получает в результате потока движения зрительных образов, строится на кардинально иной природе информационного потока, чем движение феноменов энергии времени в высших индивидуальных процессах памяти. Так, с одной стороны, человек осознает, что время как-то изменяется, а с другой стороны, он не способен за ним следить в той монотонной последовательности образов сознания, которые он получает в результате обработки психологического контакта с непосредственными чувственными ассоциациями. Таким образом, можно сказать, что время не ассоциативно со стороны монотонности изменения своего процесса, а поступает в сознание какими-то дискретными порциями. Ведь если бы человек стремился постоянно концентрировать свое внимание на изменении феноменов времени, то он бы не смог сделать ни одного волевого усилия, направленное на его бытовое сознание жизни, поскольку время – это то, что стирает взаимосвязь с ассоциациями пространства. Понятно, что представление

о физическом времени сознание получает через различные измерительные приборы современной науки, но почему наше самосознание должно доверять исключительно этому потоку времени?

Полагать, что самосознание существует при условии приоритета субъективного времени над временем физическим – это значит, коснуться лишь поверхности того айсберга, который характеризует различие между разумным пониманием цивилизации и социальными процессами псевдоцивилизации. Это все равно, что принять к сведению тот факт, что Диоген искал человека среди людей, являясь каким-то чудаком, как его, впрочем, и восприняли спутники А. Македонского. Так и мы, обращая внимание на этот агрессивный информационный поток непосредственных чувственных ассоциаций, который требует постоянного контакта с огромным массивом реакций на технологическую среду, в которой мы существуем, утверждаем, что эти технологические продукты достижений современного научно-технического прогресса являются не более чем первобытный скребок сложнейшей технологической инфраструктуры цивилизации будущего. Ведь по существу, сознание оказалось полностью подчинено течению физического времени, то есть ассоциативным реакциям на научное представление о времени в пределах колоссального объема информационных потоков научно-технического прогресса, которые бесконечно дублируются в энергии своих локальных фрактальных последова-

тельностей.

Таким образом, мифология ценностей современного научно-технического прогресса заблокировала субъективное понимание времени в самосознании, формируя этим социальную реальность массового сознания. Во фрактальной системе исторических координат это подобно тому, когда между Темными веками и ранним Средневековьем религиозные ценности Ветхого Завета заблокировали возможность развития высших ценностей, связанных с научным с пониманием мира и полноценной философской мыслью. Только эта блокировка была полярно симметрична. В новейшее время она осуществляется современными ценностями научно-технического прогресса, а между Темными веками и ранним Средневековьем в момент перехода от псевдоцивилизации античности – к религиозным ценностям монотеизма эта блокировка происходили со стороны нравоучительной логики жизни библейского откровения. Можно, в какой-то степени, для понимания подобных социальных явлений использовать понятие фрейдизма «табу», но это понятие ограничено процессами массового бессознательного, которое не выходит за пределы бытового сознания человека. Процессы же, происходящие в истории развития мировой цивилизации значительно глубже, с точки зрения возможности их сведения к обыденному сознанию, и, как следствие, к влечениям человека как биологического существа. Они образуют тот массив энергии бессознательного, который мы определяем, как ра-

совое бессознательное.

В вопросе существования расового бессознательного основной аргумент против его реальности в сознании состоит в том, что его нельзя «пощупать», то есть свести в какой-то отчетливой конструкции сознания реальности, в котором оно является эмпирическим объектом социальных коммуникаций. Но в полноценной философской мысли всегда было так. Нельзя было понять, какого человека искал Диоген или о каких высших ценностях рассуждал Ницше, когда для обыденного сознания невозможно искать то, что и так налицо существует в избытке, и невозможно рассуждать о какой-то цене, если для этого не задействован математический аппарат мысли. Будущее, которое давит через новейшие свойства материи, открывающие в глубинах исторической памяти, требуя необходимости природы своего познания, вообще невозможно свести к доступному сознанию реальности, поскольку места ему в настоящем еще необходимо отвоевать. Отвоевать – это значит, расширить энергию материи времени до осознаваемого пространства, хотя в тот момент, когда это будущее станет в полной мере настоящим, должен появиться какой-то новый энергетический потенциал материи времени, который будет отрицать настоящее, поскольку оно стало слишком инертным в своем отношении к высшим ценностям самосознания.

Поэтому природа расового бессознательного, о которой мы рассуждаем, не может раскрыться в социальных пред-

ставлениях социальной гуманитарной мысли псевдоцивилизации, поскольку последняя неразумна, хотя и выступает, как это всегда было исторически, от имени мифического «разума». Так было в столкновении новейших идей метафизической мысли Декарта – с представителями схоластической академической мысли, и так происходило и происходит в наше время, когда так называемая «академическая» среда не способна понимать новейшие философские идеи мировой истории. Бытовые причины подобного отрицания на меркантильном уровне человеческой психологии вполне понятны, но есть и исторически объективные причины подобной ситуации. Они состоят в том, что в принципе невозможно понять, исходя из психологии социальной системы, которая подобна ценностям Уйгурского каганата, современную систему высших ценностей мировой истории. Здесь мы в полной мере опираемся на позиции наших русских предшественников критической мысли, таких как Чаадаев и Салтыков-Щедрин. Это тем более актуально в наше историческое время, что некоторые очень хотят вернуться в этот Уйгурский каганат.

В вопросе формирования новейшей модели мировой цивилизации, космически-технологической, которая пока только робко стучится в дверь высших процессов подсознания человека на Земле, невозможно забегать вперед, поскольку становление новой модели мировой цивилизации – это очень длительный процесс, сопровождающийся разру-

шительными социальными потрясениями. Предельно упрощая возможность оценки этого перехода: от одной модели цивилизации – к принципиально новой модели, можно сравнить его с перезарядкой памяти суперкомпьютера народов, находящихся в эпицентре развития мировой цивилизации. Но здесь мы категорически отрицаем возможность использовать для понимания этого процесса понятие «коллективного бессознательного» у Юнга, поскольку его теория архетипов не только не выходит за пределы массового бессознательного, к которому сводится психическая активность индивидуальности человека, но и в принципе исключает ведущую роль энергии высших ценностей в самосознании, действующая со стороны великих идей развития мировой цивилизации. И если Фрейд, по крайней мере, попытался хоть как-то проникнуть в природу энергии расового бессознательного, в конечном счете, признав неудачной свою попытку, когда попытался применить его к исследованию бессознательного великих личностей мировой истории, то заслуга Юнга состоит только в том, что он стал лишь популязатором интереса к природе бессознательного исключительно со стороны возможности понимания неразумной энергии человеческих масс. Но любая хотя бы элементарно значимая логика требует принципа симметрии, которая заложена в самой изначальной структуре субъект-объектного понимания предмета мысли. Поэтому массовое бессознательное должно логически необходимо иметь момент своего отрицания,

или, как это полагал Гегель, момент опосредствования, то есть подчинения знаний о мире в сознании – высшим историческим ценностям самосознания.

Вопрос о симметричном действии массового и расового бессознательного состоит в том, что у человека как разумного существа сознание и самосознание всегда существуют в противоречии, за счет чего, собственно, и возникают определенные импульсы воли в их социальном целеполагании. И чем острее этот конфликт противоречий – тем более полноценна социальная цель субъекта, поскольку он отрицает объективность сознания, в которой отсутствует дистанция, гарантирующая возможность действия разумной логики понимания предмета мысли. С другой стороны, необходимо понимать, что энергия противоречий сознания в рациональной психологии субъекта проистекает непосредственно из энергии расового бессознательного, которая исключает мифологический слой ценностей, используемых в сознании для адаптации в определенной социальной системе представлений. Можно сказать, что энергия расового бессознательного дает возможность переходить границу социальных представлений какого-то пространства ценностей, поскольку этой энергией движет определенная отчетливость высших ценностей самосознания.

В вопросе того, что расовое бессознательное почти неуловимо в сознании реальности, следует видеть причины, в силу которых в сознании народов возникло представление о ду-

хе времени, который действительно невозможно как-то ассоциировать с пространственным объектом. Собственно, по этой причине и возникли механические часы, целью создания которых была попытка удерживания сознания времени в реальности ценностей торгово-промышленной модели мировой цивилизации. Так, механическое время, сдвинув центр энергии расового подсознания на ассоциативные образы пространства физического времени, постепенно стали складываться в новое мифологическое пространство, которое конечно же не было таковым, когда происходили великие научные открытия, однако в наше историческое время они все больше стали сдвигаться в сторону мифологического пространства. И если в момент перехода от Темных веков к раннему Средневековью почти каждое действие человека сопровождалось воспоминанием какого-то библейского текста, который должен был усилить обращение его индивидуального самосознания к Богу, то в наше историческое время эти функции в социальном пространстве современной псевдоцивилизации взяли на себе механические часы, когда быть в современном социальном пространстве – это равносильно тому, что постоянно нужно смотреть на часы. Впрочем, в некоторых восточных странах, где ценности ислама еще достаточно активны, да и во многом и в современной России, где также оживились ценности монотеизма, это происходит и в наше время. Таким образом, хотя мифологическое сознание и является во многом инфантильным, оно все-таки

стремится сохранить взаимосвязь с традицией духа мировой истории в какой-то логической схеме пространственной последовательности течения бытовой жизни, то есть оно выражает усилие подсознательной энергии субъекта быть объективно сопричастным духу мировой истории.

Часть VIII

Разумная идея государства
Гл. 22

Противоречия цивилизации и псевдоцивилизации

Культура — это явления мирового духа, а их последовательность во времени представляет собой историю её. Дух, следовательно, является сущностью культуры, но вместе с тем и её субъектом. Он осуществляет себя посредством деятельности людей, которые оказываются орудиями духа — не только отдельные индивиды, но и целые народы.

Гегель

Наша концепция течения мировых исторических событий проистекает из фрактального понимания течения ее хода. Здесь мы только частично используем чисто математическое понимание фрактальной структуры объекта, в основном, только для того чтобы хотя бы на самом минимальном уровне понять поток исторических событий, который опре-

деляет не только какую-то абстрактную схему понимания того, что оно произошло, но и сопричастность самосознания его духовной энергии в непосредственной жизни человека. В вопросе этого понимания во многом лежит критическое отношение к философии нигилизма Ницше, когда для выделения максимального отрицания в метафизической конструкции субъективной метафоры ничто должна выделяться объективная конструкция нечто. Проблема частично использования метафор для выражения современной разумной мысли в философии объясняется необходимостью выйти за пределы только ограниченности сознания, чтобы указать хотя бы косвенно на позиции высших ценностей самосознания.

Основная идея философии нигилизма в понимании наследия Ницше по отношению к государственной основе жизни состоит в том, что ложь государственной системы постоянно стремится удержать систему массовых представлений в своей власти. Но позиция государства в данном случае понятна, поскольку оно исходит из необходимости стабильности существования социальной системы, на которую должно опираться государственное устройство. Однако Ницше утверждает, вслед за Платоном, что любая позиция разумной философской мысли неизбежно входит в противоречие с социальной системой, то есть самосознание входит в противоречие с сознанием. Понятно, что в этом вопросе оба философа требуют перестройки государственного устройства в соответствии с истиной наиболее полноценного понимания

мира как целого, Платон – со стороны своего учения о вечных идеях, а Ницше – со стороны необходимости возвращения к самым разрушительным импульсам подсознательной памяти, чтобы найти в них подлинный импульс воли к власти, противостоящий процессу разрушения традиционных ценностей в момент перехода от одной модели цивилизации – к другой исторической модели развития. Главное, что объединяет эти такие полярно противоположные позиции по отношению к противоречию между идеализмом и материализмом – это необходимость противоречий между сознанием и самосознанием.

Вообще, в философии Ницше было много предугадано того, что впоследствии произошло в событиях мировой истории, но одной из очень существенных оценок его философии было понимание того, что неизбежно должно происходить с государственной системой, если она перестает учитывать позиции высших исторических ценностей самосознания, – это тотальная ложь низших ценностей. Так оно и произошло в будущих событиях мировой истории, когда рухнули не только европейские империи: Австро-Венгерская, Британская и Российская, но и, например, Оттоманская и Цинская (Китай) в XX веке. Причины гибели этих империй мы видим в нарастании противоречий: между самосознанием разумной индивидуальности человека и резким ростом агрессивности массового сознания, то есть исчезновение иерархии высших исторических ценностей, которые яв-

ляются движущей силой мировой истории, то есть когда стирается граница – между разумным и неразумным. Подобное подтверждение полноценных идей философии является одним из доказательства ее необходимости существования, когда субъективная позиция разума предугадывает объективные процессы дальнейших мировых событий, а объективно-разумная позиция разума, наоборот, меняет впоследствии субъективные позиции исторического самосознания. С другой стороны, подобные исторические события, как мы уже показали, характеризуют и исчезновение нескольких влиятельных мировых империй за 1,5 тысячи лет до Р.Х., что указывает на тот факт, что любые государственные образования сталкиваются с процессами расовой катастрофы, когда на их месте образуются какие-то агрессивные полуварварские государства. Полуварварские они по той причине, что ядром их культурного развития в будущем является то наследие разгромленных империй, которое исчезло после нашествия этих орд. Понятно, что современная гуманитарная логика социальных представлений стремится обосновать гибель империй какими-то чисто природными явлениями или экономическими проблемами, но мы полагаем, что они не могут быть главной причиной, а скорее следствиями более общего процесса расовой катастрофы, то есть утратой в самосознании высших ценностей жизни.

Понятие «раса», которое используется в современной логике научного понимания мира, предлагает в основ-

ном единственный подход – биологический, когда население Земли классифицируется по различным биологическим признакам как одна из разновидностей животного мира, хотя в новейшее время научное понимание все больше сдвигается в сторону нашей философской мысли. Биологический подход в понимании расы неприемлем для философии идеализма, поскольку в этом случае исчезает разумный смысл развития мировой истории с точки зрения целеполагания разумной идеи жизни, и, как следствие, исчезает явление мировой цивилизации как разумное целое. Здесь мы учитываем тот факт, что, используя понятие «расовое бессознательное», связанное с особенностями метафизических процессов памяти, мы оказываемся в изоляции от интеллектуальной полемики, которая в наше время ведется на уровне социальных представлений ценностей псевдоцивилизации. Однако полноценная мысль только и может существовать тогда, когда выходит за пределы полемики, в которой отсутствуют признаки рационального мышления. Это, собственно, один из критериев полноценной философской мысли. Мы исходим из единства существования расы Homo sapiens в качестве функции топологии фрактального целого, от которой, как топологические «ручьи», ответвляются отдельные биологические линии ее существования, сохраняющие элементы подобия в самобытности культуры отдельных народов. Последнее, нам необходимо для того, чтобы доказать существование единой мировой цивилизации на всем протяже-

нии событий мировой истории. Главным моментом этого доказательства является подобие различных культур народов, на которые обратил внимание Шпенглер в своей концепции мировой истории. Впрочем, если учесть, что геном всех различных биологических рас имеет одинаковое фрактальное строение, мы находимся недалеко от истины.

С другой стороны, феномен расовых катастроф, который предполагает переход к принципиально новому укладу жизни человека в новейшей истории: от социальной реальности торгово-промышленной модели развития цивилизации – к космически-технологической, показывает, что научные открытия, которые кардинально изменят быт и образ мыслей человека еще впереди. Здесь главное понимать, что внешние изменения образа мыслей и уровня технологического сознания человека проистекают не столько под внешним воздействием, сколько происходят под влиянием глобального изменения контакта с постоянным изменением структуры материи на бессознательном уровне под воздействием высших процессов памяти. Вспоминая, самосознание человека возвращается к высшим ценностям самосознания, в которых движутся лигаристические тензоры фундаментальных фрактальных последовательностей материи времени, сходящихся не к локальным проявлениям земного сознания, а к глобальной структуре природы космоса.

Таким образом, ложь государства по Ницше состоит в том, что в момент перехода к принципиально новой моде-

ли цивилизации оно теряет разумную идею жизни, вне которой не способно существовать государственное целое. Возникает тот пронизывающий холод пространства, которого еще не коснулось тепло человеческой души, то есть это энергия материи времени, которая еще не обжита какими-то социальными структурами. Но наивно полагать, что этот пронизывающий холод, который по существу есть холод космического пространства, которого не касаются земные влечения человека, возможно как-то избежать в момент глобальной перестройки социальной основы мировой цивилизации. В этот исторический момент происходит тотальная зачистка бытового сознания человека, то есть зачистка тех социальных структур, на которых, как на фундаменте, базировалась старая модель цивилизации. Например, в момент перехода от античной модели цивилизации к раннему европейскому Средневековью это выстраивание очень влиятельных религиозных институтов власти, которые стали соперничать по своему влиянию с влиянием власти монархов. И здесь необходимо заметить, что зачатки этих социальных институтов возникают в своей базовой основе еще в старой модели цивилизации, когда, например, сам институт христианской церкви возник еще в момент существования Римской империи, пройдя длительный путь от небольших сект – до устойчивых социальных образований, постепенно набирающих свой политический вес и влияние.

Самая разрушительная тенденция в любые исторические

эпохи Темных веков выражается в том, что в них рушится привычная система высших исторических ценностей в самосознании, когда все локальные бытовые цели человеческой жизни выражают утрату самого главного – существования разумной идеи жизни. При этом, все множество конечных бытовых человеческих целей всегда остается, поскольку сознание продолжает производить те ценности жизни, которые ранее служили каким-то нравственным ориентиром, но уже без какой-то отчетливой разумной цели, а лишь по инерции процесса распада старой модели мировой цивилизации. Собственно, об этом бессмысленном движении по кругу, когда нет разумной идеи жизни, и сообщает нам субъективная философия нигилизма Ницше. Так, субъект не обнаруживает какой-то разумной объективной цели там, где исчезла разумная логика целого в самой жизни, где все распалось на множество информационных потоков ценностей, которые вступили в ожесточенные противоречия, разрушив такой знакомый и такой монотонно привычный монолог классической философской мысли последних веков. И действительно, распад практически всех влиятельных империй XX века показал, что государственная модель целого не может строиться без существования какой-то разумной идеи жизни, поскольку в этом случае самосознание перестает контролировать сознание со стороны отчетливой иерархии высших исторических ценностей. И главным моментом этого одновременного процесса распада всех влиятельных государств

и империй в различные периоды мировой истории является то, что мировая цивилизация – это нечто единое для всех народов, правда, проявляющая свою активность энергии в различной степени интенсивности, как, впрочем, и феномен псевдоцивилизации – это тоже нечто единое для всех народов, оказавшихся в эпицентре развития мировой истории.

Таким образом, мы полагаем, что поток непосредственных чувственных ассоциаций, через которые наше сознание получает информационный поток знаний о существовании объективной реальности, в первую очередь, в результате взаимодействия с достижениями научно-технического прогресса, – это не цивилизация, а воздействие мифологического пространства, которое блокирует взаимосвязь с разумной действительностью, поскольку оперирует минимальными длительностями феноменов памяти. Так, в процессе зацикливания на движении этих монотонных потоков ассоциативного получения информационного знания от непосредственного чувственного восприятия формируется система взглядов целого сознания социальной реальности, в результате которого коммуникационная система образует нечто целое в представлениях. Философия нигилизма задает вполне справедливый вопрос: а зачем все это целое существует в представлении, пусть даже и постоянно кардинально меняется на уровне достижений научно-технического прогресса, если сами цели человека конечны в качестве конечности его биологической жизни, причем всегда повторяются в собы-

тиях мировой истории? Другими словами, если все в истории бесконечно повторяется, то какова разумная идея жизни, если ее нет в качестве самой идеи целого? Именно в этой позиции субъективности и возникает хаос потока многообразия локальных фрактальных последовательностей сознания, которые становятся неразрешимыми противоречиями в пределах самосознания старой модели цивилизации. Однако оговоримся: неразрешимыми, если пытаться их разрешить в пределах ограниченности воли человека только земными целями жизни.

То, с чего мы начинаем наше учение лигаризма – это хаос локальных фрактальных последовательностей сознания реальности, которые возникают в результате взаимодействия с достижениями научно-технического прогресса в наших представлениях о природе реальности. Можно сказать, что мы в полной мере осознаем этот хаос представлений реальности, который в русле духа философии идеализма рассматриваем как переход логики действия единого монолога классической рациональной мысли идеалистической философии в это пространство бесконечного множества противоречивых диалогов, когда сразу же наталкиваемся на великое философское наследие Платона. Ведь Платон не случайно строил свою философию на логике диалогов, поскольку противоречие, возникающие в результате ведения определенного диалога мысли, предполагает наличие дискретных потоков феноменов памяти, которые не сходятся к земным целям че-

ловека, а демонстрируют энергию космоса, к которому сходятся пространственные элементы этих дискретных переходов.

Таким образом, философия нигилизма Ницше, исследуя историческое наследие др. греческой культуры, в первую очередь, досократовского периода, выводит классическую философскую мысль к пространству максимального противоречия диалога мысли, но не человека с человеком, а самосознания – с энергией материи времени, которая действует в глубинах памяти, создавая иерархию высших ценностей мировой культуры. Эта иерархия предстает в качестве первородного хаоса, из которого в др. греческой философии, как известно, произошел мир. Но философия нигилизма погружает этот хаос не в языческую атмосферу абстрактных представлений исторического прошлого, а использует в качестве необходимой возможности проникновения в пространство новой модели цивилизации со стороны ее непосредственности. Это нечто подобное тому, к чему стремился Плотин в построении своей философии неоплатонизма, используя понятия «сверхбытия» и «сверхсущего». Так и Ницше, стремясь сохранить человека старой модели цивилизации, вводит понятие «сверхчеловека», что вполне логично со стороны субъективной позиции рефлексии мысли, но приводит к крайним противоречиям, наоборот, со стороны объективно разумного понимания мира. Здесь можно найти признаки существования фрактальной системы исто-

рических координат, когда переходные исторические эпохи мировой истории требуют переоценки ценностей со стороны качества исторических идей, которые должны быть использованы для возможности построения новой модели цивилизации. Ведь фрактальная структура объекта, хотя и имеет динамическую пространственно-временную основу существования в реальности, все равно подчиняется возможности бесконечной перестройки со стороны бесконечного множества локальных фрактальных последовательностей, подчиняющихся подобию целого.

Значит, возвращение к философскому наследию Платона в качестве необходимой рефлексии анализа процессов, возникающих в исторической необходимости становления новой модели мировой цивилизации, прямо следует из исторической задачи преодоления нигилизма. Однако это преодоление не может осуществляться в качестве мифологической иллюзии сознания, которую, например, предлагал Хайдеггер, поскольку отрицание известной природы разума в философии Ницше не предполагает отрицание разума самого, а лишь его радикальную переоценку сущности в потоке хаоса локальных фрактальной последовательностей процессов бессознательной памяти. Так и переоценка сущности бытия у Плотина не предполагает отрицание бытия, а лишь его радикальную историческую переоценку в проекции на перестройку новой модели цивилизации в качестве власти комплекса идей, до этого момента доминировавших в Римской

империи.

Наша логика исторического понимания разумной действительности в мировой истории во многом, но не во всем, опирается на критическое отношение к философии нигилизма Ницше не случайно. Также не случайно диалектика объективного разума философии Гегеля опиралась на субъективные позиции разума в философском наследии Канта – и так вплоть до Сократа в логической исторической последовательности истории идей ценностей идеализма, которого мы полагаем первым, кто открыл феномен самосознания в природе человека. Только мы, в отличии от Ницше исследуем не хаос социальных процессов псевдоцивилизации, а подступы к новой модели ее развития, космически-технологической. И именно со стороны понимании объективности действия разума в космически-технологической модели мировой цивилизации мы попадаем в эпицентр мировых исторических событий нашего исторического времени.

Часть VIII
История псевдоцивилизации

Гл. 22

Противоречия цивилизации и псевдоцивилизации

Мне пришлось пережить саморазрушение моего народа,

который сам лишил себя мужественности. Среди охлократии, в окружении трусливых или изощренных льстецов, которые есть среди всех сословий, больше нет места для старого человека, который не даст никакому Богу и никакому человеку вырвать из своего сердца прусской чести; ему остается только вымереть. …Но царство вечных форм, которое открыл Платон, нерушимо, и это ему мы и служим нашей наукой: в его чистый эфир не проникают миазмы гниения. …Под знаком Платона я буду сражаться, пока дышу.

Виламовиц (1918г)

Для нас интерес к философии Платона вызван теми острейшими противоречиями нашей исторической эпохи, которые указывают на возвращение к истории идеализма со стороны той максимальной его критики, которая следует из философии Ницше. Именно здесь, как мы полагаем, старая модель мировой цивилизации, теряя свои разумные основания, передает духовную эстафету новой модели мировой цивилизации. Основная проблема в понимании современной политической реальности состоит в том, что слабые умы видят в социальной модели современного мира какую-то «цивилизацию», а мы видим уже явные проявления энергии псевдоцивилизации, и в этом наше главное противоречие с современной интеллектуальной социальной средой. Однако слабость человеческого ума, не воспитанного суровыми законами долга в области самосознания, – это и есть продукт рас-

пада цивилизации, который существовал во все времена мировой истории. И наивно полагать, что это признаки только нашего исторического времени, поскольку процесс распада происходил всегда, но созидательный импульс воли к власти, наоборот, структурировал новый этап развития цивилизации, перестраивая ее модель целого.

Понятно, что, рассуждая о феномене псевдоцивилизации, мы оказываемся в изоляции от того иррационального шума низших ценностей, которые масс-медиа вливают в сознание людей, чтобы доказать, что цивилизация все-таки существует. И действительно, цивилизация существует всегда, в любой период мировой истории, вот только свет разума в ней различный, а иногда почти меркнет под воздействием глубоких процессов внутреннего распада высших процессов психики человека. Человеческое существо очень близко в своей биологической природе животному миру, – это основная причина, в силу которой любые социальные модели мировой цивилизации изнашиваются, и требуются качественно новые социальные модели, чтобы строительство мировой цивилизации продолжилось. При этом, принципиальный момент, который резко отличает нас от дискуссионной среды современного социального пространства, состоит в том, что мы утверждаем, что во все исторические времена мировой истории существовало только одна модель мировой цивилизации, но действующая в различной степени своей активности в среде различных народов. В наше же историческое вре-

мя, как известно, практически полностью доминирует представление о «диалоге различных цивилизаций», хотя с позиции объективного исторического разума эта позиция ложна, поскольку путает ценности культур различных народов, рассматривая их локальные традиции как отдельные модели «цивилизаций». Такого рода дискуссия отрицает единое разумное основание в процессе исторического развития мировой цивилизации в силу исчезновения вообще разумности социальных процессов, которые стали хаотическими и, в целом, иррациональными.

В оценке хаоса современных социальных процессов псевдоцивилизации можно сослаться на очень влиятельную логику постмодернизма, которая обосновывает свою позицию мысли этим хаосом, то есть утверждением, что цивилизация только и может существовать в качестве перманентного процесса своего распада, ибо продукты распада все равно удерживаются как целое, по крайней мере, в пределах достаточно большого исторического промежутка времени. Однако ложность подобной позиции не выдерживает никакой критики со стороны достаточно больших исторических промежутков времени, даже не тысяч, а всего лишь нескольких сотен лет. Поэтому противопоставлять свою интеллектуальную позицию структурированного хаоса – разумным процессам развития мировой истории, – это безнадежное дело. Подобного рода апология субъективной ценности сознания как перманентного процесса распада цивилизации в состоянии псев-

доцивилизации вполне естественна. Здесь мы не собираемся разбираться с тем, что существует за пределами разума, поскольку эта социальная среда существовала всегда. Она буквально примыкала к позиции высших ценностей, если, например, вспомнить насмешки над Диогеном спутников А. Македонского, но не она определяла законы развития мировой цивилизации, – она лишь препятствовала им.

Наше обращение к философскому наследию Ницше обусловлено тем, что трагические события XX века все-таки произошли во всей неприглядности своих явлений. Можно, конечно, как Виламовиц, все хоронить, в том числе и свой народ, что делали, в частности, и многие известные русские интеллектуалы после 1917 года, однако разум у человека существует не для того, чтобы что-то хоронить, а чтобы искать новые глобальные идеи развития цивилизации, которые, как показывает исторический опыт, часто оказываются хорошо забытыми старыми идеями, но только осмысленными во фрактальной системе исторических координат. Главная проблема современной исторической критической мысли состоит в том, что она не умеет оперировать историческими процессами на уровне тысячелетий, находя и осмысливая их подобие со стороны новейшей природы исторического разума, которому подчиняются законы развития мировой истории. Но, с другой стороны, эта причина объясняется со стороны мощного воздействия массового сознания, которое еще век назад только робко пробивалось в устойчивых соци-

альных структурах мировой цивилизации.

Основной причиной нашего возвращения к философскому наследию Платона объясняется тем фактом, что он был первым в истории философии, кто исследовал в мировой культуре феномен государственного устройства с позиции его объективно разумной основы. А тот, кто бывает первым в области понимания какого-то явления, всегда существует ближе всего к пониманию его оснований в истории. Кроме того, наше учение лигаризма, выражающего мир через объективные ценности исторического разума, полагает, что все новое – это хорошо забытое старое, то есть великие идеи философии идеализма имеют особенность возвращаться из глубин подсознания, но подвергнувшись интенсивной переоценке ценностей в энергии времени. В этом смысле, нас больше всего интересует идея Платона о том, что философы и воины, занимающие высшие сословия в его идеальном государстве, не должны иметь собственности, чтобы укреплять единство государства. Возвращение этой идеи, но уже в совершенно ином качестве, в иных исторических событиях и в судьбе принципиально другой культуры, мы обнаруживаем в марксистском наследии, которое утверждает, что средства производства должны перейти от класса буржуазии – к классу пролетариату, поскольку в этом случае они будут более эффективны.

Ранее, мы уже показали, что идеология марксизма в России во фрактальной системе исторических координат подоб-

на секте манихеев, которая получила в Уйгурском каганате, государстве, существовавшем на границе Темных веков и Средневековья, статус государственной идеологии. Понятно, что подобное сравнение исключается в пределах линейной концепции событий мировой истории, но вполне допустимо с позиции фрактальной системы исторических координат, если оценить не различия социальной реальности культуры, а качество высших ценностей самосознания разумной индивидуальности человека. Понятно, что с позиции научной мысли, к которой апеллировал марксизм, подобное сравнение невозможно, однако ведь и опора на ценности Нового Завета в идеологии манихейства тоже не давала возможности ее опровергнуть в ту историческую эпоху. В обоих случаях, как мы видим, шла борьба в области идеологии с позиции сознания великого мифа своей эпохи. Здесь нужно заметить, что и великие отцы церкви, например, Бл. Августин, в юности много лет придерживался ценностей манихейства. Ведь не трудно заметить, что сектантские идеологии фашизма и большевизма не только не отрицают ценности научного знания, но в полной мере опираются на их авангардные достижения. И для манихейства, истины Нового Завета были важнейшим элементом их идеологии, как и для большевизма, ценность научного знания ставилось во главу угла ее ценностей сознания, становясь непререкаемым культом новейшего исторического времени. Здесь мы не должны путать: ответственное отношение к истинам Священного

писания отцов церкви, которые критиковали манихейство – в одном случае; и личности великих ученых, занимавшихся фундаментальной наукой, которым были глубоко чужды примитивные мифы фашизма и коммунизма, – во втором.

Подобные сравнительные модели исторических событий нам необходимы для того, чтобы обосновать возникновение таких политических образований как лигаристические союзы, то есть социальных образований, которые связывают Темные века и раннее Средневековье, перебрасывая канат над этой «бездной» разрушенного пространства ценностей, если пользоваться метафорами Ницше. Именно в этом вопросе нам важны идеи, которые Платон излагал в своем идеальном государстве. При этом, мы первые, кто обнаруживает подобные социальные структуры в мировой истории в качестве перехода к становлению новых моделей цивилизаций, наделяя их определенной чертой общности в истории различных народов, но главное – в исторической необходимости их появления в Темные века, когда в сознании людей царит хаос, а миром правит мифология низших ценностей жизни. Укажем на некоторые из них в мировой истории:

Амфиктионии в архаической Греции — религиозно-политические союзы полисов, сохранявшие преемственность после распада микенской цивилизации.

Германские дружины (comitatus), описанные ещё Тацитом, — структуры, которые пережили распад Римской империи и стали ядром раннесредневековых королевств.

Монастырские сети (особенно бенедиктинские) — связывали античное наследие с ранним Средневековьем в Западной Европе.

Византийские фемы и экзархаты — переходные военно-административные структуры.

Эти полуплененные образования образуют предпосылку возникновения системы лигаристических союзов, которые здесь перечислены далеко не все, а лишь частично в мировой истории. Укажем на их главную особенность, которая их характеризует. Она обусловлена тем, что они возникают как социальные мосты: между хаосом низших ценностей псевдоцивилизации и простейшими элементами политического становления новой модели развития мировой цивилизации. И возникают они исторически необходимо в силу того, что разумное познание мира не может прекращаться ни при каких обстоятельствах, хотя средства и методы его в разные исторические эпохи отличаются. Главная особенность этих полуплеменных образований состоит в том, что они не могут быть классифицированы какой-то известной политической системой, которую описывал Платон в своем государстве, поскольку в них слишком сильны позиции чисто мифологического сознания, которые не дают возможности самосознанию, то есть основам рационального мышления, сформировать какую-то устойчивую государственную систему власти.

И действительно, историки замечают, что сложно достаточно отчетливо сформулировать характер политической

власти, например, в Древней Греции, XI–IX веках до н. э., (иногда этот период продлевают до середины VIII века), когда не существовало единого политического строя — общество было раздроблено на множество отдельных поселений, когда Темные века этой исторической эпохи скрыты от достаточно отчетливого присутствия разума слишком большой энергией хаоса мифологических представлений о реальности. В эти эпохи мистерия Темных веков производит процесс перезарядки высших процессов памяти из-за исторической необходимости перехода к принципиально новому укладу жизни, который кардинально меняет бытовое сознание человека. Речь идет о протополисах — поселениях, не имевших ярко выраженной государственной структуры и гражданской идентичности, поскольку историческая эпоха псевдоцивилизации их не предполагает. Невозможно однозначно определить политический строй Тёмных веков из-за сложности и многообразия исторических процессов, которые практически полностью иррациональны по отношению к разуму, то есть из-за размытости границ между различными формами правления и роли религии в обществе того времени. Тоже можно сказать о политическом строе эпохи Тёмных веков (раннего Средневековья в Европе, примерно V–X вв.). Это связано с тем, что в этот период часто сочетались черты как монархии, так и теократии, но в целом политическая система была полностью размыта по отношению к разумным основам цивилизации.

Что в принципе мешало представлениям людей понять, что они существуют в эпоху Темных веков? Мы полагаем, что этому мешала новейшая система мифологических представлений о реальности, которая опиралась на великий миф. Например, в момент перехода от исчезновения Римской империи – к полуварварским государствам – власть великого мифа о божественном творении мира в библейском откровении, а в наше историческое время – почти фантастические, по отношению к возможностям исторического прошлого, достижения научно-технического прогресса. Но существа дела в качестве уровня существования в них разумной действительности это не меняет. И детали различий в трансформациях нравов и образа жизни людей в Темные века все равно приблизительно подобны во фрактальной системе исторических координат, главный критерий которых – почти полное исчезновение того, что может называть хоть в какой-то степени разумным правом. С философской точки зрения, речь должна идти о полном забвении самосознания субъективности, которая указывает на наличие какой-то хотя бы минимальной разумности целеполагания с позиции разумной идеи жизни. Впрочем, набор всех обыденных целей, которые свойственны массовому сознанию, остается, когда кто-то стремится к политической власти, кто-то стремится рожать детей, кто-то воевать и так далее. Только все это происходит как во сне, то есть в том состоянии забытия, которое дает возможность ни за что не отвечать перед высшим

началом мира.

Нам могут возразить, что как могут существовать в современной исторической реальности Темные века в наше время, если научно-технический прогресс развивается небывалыми темпами? Но основной альтернативой вопрос, который был поставлен еще в момент заката европейской философии в наследии Ницше состоит в том: для чего все это, если отсутствует разумная идея жизни как нечто целое, как та полнота высшей культуры, которая объясняет мир не через детали и отдельные фрагменты человеческих представлений, а в качестве оправдания перед высшим началом мира, которое классическая философия определяло, как его метафизическое начало? Впрочем, этот исторический угол зрения дает возможность понять его центральную идею «вечного возвращения», которое призывает вернуться к основам исторического самосознания, чтобы восстановить утраченную систему высших ценностей жизни.

Главный вопрос, который нам оставило наследие европейской рациональной философии идеализма, по существу, прервавшись в XX: что может перекинуть мост через эту «бездну» тотального разрушения разумной идеи жизни? При этом, вне идеи целого, «разумной» можно назвать любую бытовую цель человека, если не учитывать, что она уже многократно ставилась и решалась в мировой истории, однако, в отличии от современных целей, все-таки обладала определенным разумным смыслом в историческом развитии

мировой цивилизации. Например, понятна разумная идея жизни в завоевательных походах А. Македонского, который распространил высшие ценности др. греческой культуры на Восток, ознакомив их самосознание с наследием Платона и Аристотеля; и понятна военная деятельность Ю. Цезаря, который распространял достижения римского права и государственного сознания на варварские народы Европы и на Восток. А вот что может распространить современная реальность западноевропейской псевдоцивилизации, нам не понятно. Новые научные технологии, которые в ней разрабатываются, например, уже в полной мере, на том же уровне разрабатываются в Китае и во многом в России. Может быть, какие-то законы права? Но либеральные ценности, которые социальная реальность современной псевдоцивилизации пытается выдавать за какое-то «право», давно уже стали иллюзией в поле ее реальности, поскольку полноценная либеральная система ценностей, существовавшая два столетия назад, опиралась на светское понимание истин Священного писания, тогда как его истины почти померкли в поле ценностей этой реальности в наше историческое время. Место регулирования социальной жизни занял ИИ, который оттеснил то «человеческое», которому Ницше бросил вызов в своей философии.

Гл. 23
Реальность псевдоцивилизации

Вообще, теперь самое страшное, самое ужасное и позорное даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять их, спорить о том, хороши они или дурны.

Бунин (Окаянные дни)

В наше время стали много говорить о «русском», но с каким-то странным оттенком лжи, которая никак не вяжется с той полноценной русской традицией, которая определяла субъективное самосознание русских интеллектуалов Российской империи. Все как-то вымученно в этих разговорах, как-то неискренне и надрывно, пожалуй, за исключением позиции русской православной церкви и других религиозных конфессий, в которых традиционное религиозное сознание все-таки в какой-то минимальной степени спасает от соприкосновения с этим современным безумием в поле полемики на уровне массового сознания. Я как-то нашел в современных исторических архивах небольшой фрагмент воспоминаний дневника русского учителя истории сельской школы, который был, как это и было положено для всех людей с самосознанием в то историческое время, репрессирован и расстрелян во время Второй мировой войны. Он ставил в этом дневнике вопрос, который актуален и в наше историческое время: что случилось с русскими и немцами в XX веке, что они, потеряв свой разум, разлились какими-то племенными полудикими потоками в смертельной агрессивной схватке на полях сражений Второй мировой войны? Куда делась их вы-

сокая культура? Куда делась их элита интеллигенции, которая не смогла пресечь разлив этих полудиких агрессивных масс, которые смяли основы государственности и цивилизации, оставив вместо них лишь свирепую и безграничную энергию воли, которая была пронизана сомнительной идеологией фашизма и большевизма.

Но полнота трагичности наших исторических дней состоит в том, что эта мистерия социальной реальности псевдоцивилизации продолжается. И хотя удалось в какой-то минимальной степени пресечь этот стремительный распад основ государственности и причастности законам мировой цивилизации, возвратившись к духу традиции, как заметил один русский священник, пока этой религиозной силы хватает, чтобы удерживать политическую систему хотя бы по минимуму как что-то полноценное, но где гарантии, что через 30 лет нас не постигнет та же судьба, что и судьба религиозных храмов в Западной Европе, где они стремительно пустеют. Ведь думать нужно уже сейчас, что будет хотя бы через 100 лет, причем наивно полагать, что политический выход может быть каким-то формальным тогда, когда необходима отчетливая разумная идеология жизни, то есть существование ее разумной идеи.

Мы полагаем, что настало все-таки время ответить на тот вопрос, который задал простой русский сельский учитель школы, заплатив за это своей жизнью, поскольку, как показывает опыт мировой истории, на полноценную мысль

все равно приходится платить, причем, жизнью очень часто. Впрочем, вопрос о потере разума в России в наше время ставят многие, но с лишь с позиции тех массовых ценностей, которые в наше время не имеют никакого отношения к историческому разуму. Но ответ на этот очень серьезный вопрос простого русского учителя не может быть таким простым, поскольку он уходит вглубь событий мировой истории, требуя глобальной переоценки ценностей уже не с субъективной точки зрения разумного понимания мира, как это имело место у Ницше, а с позиции разумных законов развития мировой цивилизации.

Не стоит строить иллюзий по поводу того, что российская политическая реальность может легко выйти из исторического кризиса, который начался в 1917 году после распада Российской империи. Ранее, мы уже показали, что исторические процессы, которые происходили в XX веке отнюдь не случайны. Они имеют периодический характер, если освободиться от предрассудков их линейного исторического развития. Главное в этом вопросе не впадать в очередную мифологичность представлений об этих процессах, ссылаясь на «научность» их содержания. Мы утверждаем, что историческое событие невозможно представить на уровне какой-то конечной абстрактной схемы хотя бы по той причине, что духовные ценности самосознания невозможно себе полностью присвоить, поскольку они действуют в качестве постоянной исторической переоценки ценностей, когда часто

оценка этих исторических событий в новейшей интерпретации ценностей может оказаться полярно противоположной той, которая еще век назад владела «прогрессивными» силами человечества.

В вопросе понимания этой мистерии исторических событий, которые происходили в XX веке, но продолжаются и в наше историческое время, единственное, что может нам помочь – это понимание глубины и остроты противоречий, которые существуют между ценностями культуры и цивилизации. И если культура стремится наполнить человеческую жизнь полнотой веры в ее исключительную ценность сознания, то цивилизация, наоборот, полностью иссушает эту полноту, но иссушает не для бессмысленности жизни, лишенной ее разумной идеи, а для того чтобы наполнить ее вновь до краев еще неизведанной глубиной еще большей полноты. Таким образом, если культура – это необходимое условие существования разумной идеи, то оно еще не является достаточным, поскольку для последнего должны существовать великие исторические идеи развития мировой цивилизации. Собственно, мы и начинаем с этой резкой противоположности энергии мировой цивилизации и исчезновения влияния полноценной культуры, кроме неполноценной, то есть массовой, на чем заканчивается философская мысль европейской школы в наследии Ницше. Не хотелось бы конечно исследовать то, что по самой своей сути крайне негативно, то есть реальность псевдоцивилизации, но долг перед памятью

предков обязывает. Я думаю, что и Фрейд не очень-то горел желанием исследовать природу массового бессознательного, которое существует за пределами разума, но его индивидуальные проблемы с психикой и непосредственная клиническая практика к этому его подтолкнули.

Лжи столько, что задохнуться можно. Все друзья, все знакомые, о которых прежде и подумать бы не смел как о лгунах, лгут теперь на каждом шагу.

Бунин (Окаянные дни)

Мы еще застали то историческое время, когда, хотя идеология и была тоталитарной в Советском Союзе, столько лжи в реальности не было. Ложь стала в наше время мерой активности реальности, когда обмануть другого человека в социальном общении, чтобы получить какую-то выгоду, стало моральной «нормой» в XXI веке. Причем, мы полагаем, что это касается не только социальной российской реальности, но и социальной реальности всего мира. Однако все это уже было, если учесть исторические воспоминания Бунина, который был свидетелем начала этой исторической мистерии, когда чтобы социально выжить, необходимо было обязательно лгать. Но кто внимательно изучал философское наследие Ницше, должен был понять, что цивилизация наступает на культуру в момент исторической переоценки ценностей именно с позиции колоссального роста лжи в социальном пространстве, поскольку истинное перестает поддерживать-

ся теми политическими силами, которые еще совсем недавно обладали полной властью над сознанием реальности. Однако мало, кто до нас обращал внимание, что орудием действия внутренних процессов развития цивилизации является именно социальное пространство реальности псевдоцивилизации. Самая простая формула этой исторической реальности состоит в том, что массовые ценности – это продукты распада старой модели цивилизации, которые должны довести этот процесс до предела, чтобы эта политическая система рухнула, дав дорогу политической модели развития новой модели цивилизации. Причем, массовые ценности существуют во все исторические эпохи, для чего достаточно лишь вспомнить тот смех, который вызвал у спутников А. Македонского образ жизни Диогена. Но ведь сам А. Македонский теснит это массовое сознание своей адекватной оценкой роли личности Диогена в системе высших ценностей мировой истории, а в наше время их не только никто не теснит, но и выдумывает такие «высшие ценности», которые демонстрируют лишь полную потерю разума.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem» остерегайся воров – лат. перевод). На эти лица ничего не надо ставить, и без всякого клейма все видно.

Бунин (Окаянные дни)

Еще одна сильная цитаты Бунина, в полной мере описывающая наше историческое время, когда можно много го-

ворить и рассуждать о «культуре» и «цивилизации», но сами человеческие лица, то есть их выражение, само выдает реальное положение дел. А оно очень плачевно. Оно указывает на то, что дальше будет только еще хуже, если учесть тот факт, что к этому каторжному выражению лиц еще и примешивается та придурковатая ироническая манера поведения в массовой реальности, которая течет сюда со стороны массовой культуры западноевропейской псевдоцивилизации. Причем, эта придурковатое поведение проникает в интеллектуальную среду, разъедая и дегенерируя ее до того состояния инфантилизма, которое полностью исключает разумную ответственность личности за свои поступки.

Таким образом, нашей задачей является найти выход из острой политической ситуации, в которой оказалась российская культура в тот момент, когда на нее давят процессы разрушения псевдоцивилизации: и изнутри, и извне. Собственно, этого требует наш долг, по крайней мере, перед памятью предков, который мы распространяем далеко за пределы российской культуры, то есть на всю историю высших ценностей в развитии мировой цивилизации. И единственное, что может не только оправдать современное существование российской культуры, но указать каике-то пути выхода из исторического тупика – это движение к новой модели мировой цивилизации, которое было намечено в предшествующее столетие. Кто эти предки, не только в истории российской культуре, но и во всем наследии высших ценностей ми-

ровой цивилизации, мы и показываем, чтобы разграничить продукты распада цивилизации от признаков становления ее новой исторической модели.

Вообще, какая-то культура народа может быть частью мировой цивилизации, если она либо участвует в ее проекте, который актуален в данный исторической момент времени, либо предлагает какую-то новую историческую модель, но обязательно проистекающую из высших ценностей исторического прошлого. Последнее, является необходимым условием существования новой модели цивилизации, поскольку, в противном случае, это будет лишь утопия. Ранее, мы уже указали, как великие идеи возникают на базе исторических противоречий, которые старая модель цивилизаций оставляет новой модели в процессе своего распада. Это отнюдь не фантазии, которыми любят заниматься так называемые футуристы, которым по-видимому просто нечего делать, как только фантазировать о будущем. Это следует из самого духовного наследия исторического прошлого, которое настолько мощно сдавливает духовные ценности разрушительным воздействием социальных процессов псевдоцивилизации, что им просто некуда деться, как только двигаться в определенном направлении развития мировой истории.

В вопросе самого понятия «псевдоцивилизация» существует противоречие, когда попытка свести понимание цивилизации исключительно к научной оценке, втягивает рациональную мысль в поле влияния современного великого

мифа. Ведь духовное наследие предков нельзя свести к абстрактным представлениям о них, поскольку в этом случае мы будем рассуждать не о духовном самосознании, а том, чего нет в сознании реальности. Например, ложный белый гриб можно отличить от настоящего белого гриба по отчетливым внешним признакам, которые действуют на основе монотонных процессов памяти, в которых присутствуют отчетливые признаки различия в представлении. Но как отличить одну сложнейшую систему, состоящую из огромного числа компонентов – от такой же сложной системы, если духовные ценности самосознания не могут опираться на монотонные феномены памяти, а, наоборот, опираются на дискретные ее феномены в течении последовательности информационного потока? Можно сказать, и более определенно, что духовные ценности самосознания не могут быть материальными ценностями сознания. Однако псевдоцивилизация давит на подсознание именно материей, причем в какой-то совершенно неизвестной ее природе, кардинально меняя на глазах человеческий быт, когда сознание уже просто не справляется с тем потоком информации, который в нее обрушивается, что послужило причиной возникновения ИИ. Здесь мы исходим из того, что именно различные ресурсы памяти: от самых примитивных возможностей памяти ИИ – до самых сложных, которые должны быть открыты в будущем, и выражает историческую дорогу новой модели мировой цивилизации, космически-технологической.

Всем известно, что Ницше в своей философии поднимает вопрос о лжи, причем в очень близком смысле, который вкладывает в него Бунин, хотя последний и не развивает этот вопрос до метафизической проблемы конфликта самосознания и сознания. Он рассуждает о том, что формальные законы логики перестали работать на законы культуры, а в большей степени стали выражать законы человеческого слабоумия, поскольку перестали выражать самые острые противоречия современной реальности человеческой жизни. А она, как известно, выражается у него в том, что разумная идея жизни утрачена, вследствие чего утрачена и сама полноценность человеческой жизни, которая может существовать только при условии максимального конфликта: самосознания и сознания. Этот конфликт существует в силу того, что в самосознании всегда присутствует иерархия высших ценностей мировой истории, гарантируя наличия поля цивилизация в полноте культуры.

Единственное, что в какой-то минимальной степени успокаивает в этой социальной реальности псевдоцивилизации, что мы в ней не первые в мировой истории, когда ранее мы уже показали некоторые другие псевдоцивилизационные исторические процессы, причем на достаточно большом историческом удалении от нашего исторического времени. Здесь важен начальный сравнительный принцип. Если оценить результаты современной технократической цивилизации с позиции достижений научно-технического развития – с его до-

стижениями еще столетие назад, то цивилизация, безусловно, существует, но это при условии, что мы не рассматриваем эти технологические достижения в сравнении с достаточно удаленными историческими эпохами будущего.

Мы иллюзий по поводу качества представлений абстрактного рассудка о мире в различных Темных веках не имеем. Например, начиная с Темных веков перехода от античной цивилизации к новой модели, где доминировали религиозные ценности сознания, социальные институты строились как процесс постоянного увеличения количества церквей и монастырей, как в новейшее время Темных веков подобные социальные институты, в которых доминируют ценности сциентизма, также удерживают внутренний каркас псевдоцивилизации от полного распада, создавая иллюзию для массового сознания, что цивилизация существует, если учесть постоянный рост числа научно-исследовательских институтов. И какая, собственно, принципиальная разница между докторами богословских наук на границе между Темными веками и ранним Средневековьем, и нашим историческим временем, в котором, только в одной России, существует докторов различных «естественных» наук, по крайней мере, около 20 тысяч, а во всем мире их число возможно оценивается шестизначным числом, по отношению – к сложнейшей полноте разумной действительности мира? Ведь нет сомнения в том, что две-три тысячи лет, если цивилизация сохранится, будут такие же десятки тысяч докторов других

наук, – вот только что в это время будет пониматься под материей, которая будет исследоваться? Так, когда великих религиозных пророков было несколько человек, тогда великая религиозная идея была в апогее своего влияния на самосознание человека в мировой цивилизации, равно как и когда великих ученых, которых можно было пересчитать по пальцам, фундаментальная наука была эпицентром рациональной мысли в развитии мировой цивилизации. Другими словами, появление великих идей в любой области человеческой культуры: в религии, науке, искусстве или политике, которое объективно меняет ход мировой истории, является штучным, тогда как их распространение – уже массовым.

Гл. 24
Мифологические иллюзии против истины

Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна.

Бунин (Окаянные дни)

Это цитата русского интеллигента, который был действительно русским человеком, без всякой той болтовни и истерии, которая ведется в наше историческое время о судьбе русских, и которая все больше стала напоминать ценности коммунизма в России перед развалом Советского Сою-

за. Эта цитата особенно полезно для тех, кто стремится вернуться в прошлое, пытаясь возродить советские ценности, хотя очевидно, с другой стороны, что не все они являются ложными, но даже во многом исторически необходимыми на определенном этапе развития мировой истории. Однако вернуться обратно, в Уйгурский каганат, который характеризует развитие цивилизации государственного устройства на границе Темных веков и раннего Средневековья, – это безумие. Необходимо хотя бы продвинуться на шаг вперед, то есть в устойчивую эпоху Средневековья, которая относится уже к новой модели развития мировой цивилизации. Бунин – это естественно русский человек, а не идеологически «русский», каковыми пытаются быть в наше историческое время в России многие, стараясь набрать себе политические очки. Именно эта русская интеллигенция исчезла после 1917 года, как, впрочем, по-видимому, и интеллигенция в Германии после известных исторических событий.

Мифологическое сознание, которое почти тотально определяет современную социальную реальность псевдоцивилизации, выражает историческую перспективу человеческой жизни, лишенной разумной идеи. Последнее, объясняется тем, что старый проект развития мировой цивилизации, торгово-промышленный, исчерпан, а новый, космически-технологический увязает в инфантильной гуманитарной мысли нашей исторической эпохи. В основном, в этой гуманитарной мысли доминируют разные сказки о существующей

реальности, которые являются следствием максимального упрощения того, что существует в разумной действительности. Причины подобной сказочности современной гуманитарной мысли, которая постоянно заклинает о своей «научности», следует искать в отсутствии критического разумного понимания действительности. Подобный уровень критичности содержания гуманитарной мысли объясняет, почему и в другие Темные века мировой истории люди не понимали всего ужаса происходящих событий, практически полностью сводя свои жизненные цели к самым примитивным потребностям, лишенным стратегическим основам полноценной цивилизации. Не случайно, в культе др. греческого Диониса, который анализировал Ницше, сознание ужаса – одно из центральных в эмоциональном состоянии человека, поскольку в эти исторические эпохи бессознательные процессы психики опускаются на самое дно соприкосновения: между монотонными последовательностями течения феноменов памяти и дискретными последовательностями, которые вызывают ощущение разрушительной демонической силы, которая полностью владеет энергией реальности.

Когда мифологическое сознание оперирует самыми простыми схемами абстрактной реальности в логическом течении мысли, ведя дискуссию, как в детском саду, то возникает ощущение социальной устойчивости мира, поскольку и детская логика – это тоже логика, только предельно упрощающая самые сложные проблемы разумной действитель-

ности до их непротиворечивой оценки. Если сравнить это с математической логикой, то это модели на уровне арифметических операций тогда, когда даже средства максимально сложного современного математического анализа не в состоянии понять возникающие проблемы в понимании сложнейшего строения материи, все больше и больше зарываясь в область пустых абстракций мысли. И если, например, философия нигилизма требует приоритета в самосознании понимании наиболее глубоких противоречий реальности, то современная социальная логика псевдоцивилизации, наоборот, движется в сторону максимального упрощения логических операций различных актуальных социальных проблем, чтобы выдавать себя за цивилизацию.

Чтобы понять основы современной разумной действительности, необходимы сравнительные оценки исторических эпох, которые охватывают даже не столетия, а тысячелетия. Современная же социальная гуманитарная мысль, если и пытается оценивать исторические события, то обязательно исключает из них то разрушительное начало жизни, которое реально пронизывало жизнь людей, исключает тот первобытный ужас перед сознанием смерти, который порождал различные религиозные представления на всем протяжении ее развития, то есть исключает духовную взаимосвязь с историческим прошлом. Но вот мы оказались в этой зловещей воронке очередных Темных веков мировой истории, причем российская история вошла в ее первой, что дает ей преиму-

щество в том смысле, что заставило выработать какие-то механизмы для решения обуздания той демонической силы, которая отбрасывает начала цивилизации к каким-то первобытным инстинктам человеческой жизни. В этом случае, бессознательное состояние человеческой психики по существу постепенно привыкает жить в постоянном соприкосновении с этим демоническим началом, как, например, др. греки привыкали жить с периодическими дионисийскими мистериями, чтобы постепенно выработать те социальные институты, которые могли бы переломить их образ жизни от иррационального течения ничтожества конечных целей обыденного сознания – к началам формирования основ европейской цивилизации.

Одно из самых сложных противоречий нашей концепции мировой истории состоит в том: как объяснить момент возникновения начала новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, из реальности мрачной эпохи государственной системы, подобной Уйгурскому каганату, то есть где-то между Темными веками и ранним Средневековьем? Во многом, материал для понимания этого процесса нам дает философия нигилизма Ницше, чья философия по существу исследовала момент возникновения европейской цивилизации практически из ничего, поскольку досократический период истории Др. Греции показывает лишь момент медленного отделения основ европейской цивилизации от тотального влияния на нее огромного по своей глубине исто-

рического опыта восточных цивилизаций, с одной стороны, а с другой, выхода из спасительного состояния своей провинциальной – по отношению к историческому опыту древневосточных цивилизаций, культуры. Но эта философия – субъективна, тогда как логика отрицания отрицания, как базовая основа философии идеализма, требует исторической необходимости разумной объективности исторической мысли, то есть уже объективной оценки самосознания по отношению к высшим ценностям мировой истории.

Вообще, вопрос, что понимать под мифом, с позиции объективного исторического разума, является одним из центральных в философии разумной действительности. Понятно, что связующая функциональность мифологического сознания не может упрощаться, с одной стороны, но с другой, очевидно также и то, что она не может являться основой для разумного понимания действительности, поскольку полностью лишена критической основы мысли. Мифологическое мышление – это образ мыслей, который стремится избежать максимальной остроты противоречий, что дает возможность сглаживать эти противоречия до минимума, касаясь их только по поверхности, как бы шевеля эту вершину айсберга разумной природы мира, чтобы возникало ощущение какой-то поверхностной интеллектуальной дискуссии.

В вопросе рациональной оценки мифологического мышления мы полагаем, что оно является связующей системой социальных представлений о мире, которая дает возмож-

ность в достаточной степени ее стабильного существования. Вот только как оценивать миф: с позиции первичности материальных явлений сознания или со стороны исторической иерархии высших исторических ценностей самосознания? Понятно, что наша позиция мысли проистекает из второго типа оценки, тогда как первое, что характеризует современные нравы и ценности социальных процессов псевдоцивилизации, характеризует и ценности современных представлений либеральных ценностей, проистекающих из философской позиции эмпиризма, и его антипода – марксисткой социологии, в которой отсутствует какая-то позиция высших ценностей, поскольку самосознание разумной индивидуальности не может быть массовым. Как раз, наоборот, то, что движет массовым сознанием, прогрессивно оно или нет, – это и есть мифология низших ценностей псевдоцивилизации, которая всегда становится агрессивной в тот исторический момент, когда исчезает иерархия высших ценностей самосознания.

Однако мы не стремимся упрощать ценности марксизма по той причине, что обнаруживаем в них следы частичного восстановления идей Платона об идеальном государстве. Понятно, что следы влияния идей Платона в учении о борьбе исторических классов так же не случайны, как они не случайна и центральные идея Ницше о «вечном возвращении», которая, по существу, тотально отрицая ценности идеалистической философии, в разумной действительности, на-

оборот, придает ей мощный исторический импульс в эффекте феномена дежавю, что связывает учение Платона о метемпсихозе и идею Ницше о «вечном возвращении». Так, то общее с идеей идеального государство, которое мы обнаруживаем в теории марксизма борьбы исторических классов – это право коллективной собственности как более прогрессивное средство производство в пределах ценностей торгово-промышленной модели цивилизации. Понятно, что это право выступает с неразумной стороны, то есть со стороны ценностей массового сознания, которые игнорирует высшие ценности исторического самосознания, однако оно появляется неожиданно в системе социальных ценностей цивилизации, переходящей в состояние псевдоцивилизации, что, собственно, послужило объективной причиной для социолога Поппера включить Маркса во «врагов» открытого общества. Понятно, впрочем, что в компании, пожалуй, самых великих философов европейской цивилизации: Гераклита, Платона и Гегеля, Марксу, как материалисту, там не место. Однако вопрос о протесте против идеи перераспределении частной собственности в сторону коллективной собственности потребовал от Поппера того, что разумный человек бы не сделал, а именно включения Маркса в эту политическую группу мыслителей, которые стояли на кардинально противоположной по отношению к марксизму позиции ценностей. С точки зрения разумного понимания мировой истории, подобный феномен объясняется тем, что разум старой модели ци-

вилизации, торгово-промышленной, утрачен, однако ее попытка противостоять новой модели цивилизации, пусть даже ценой забвения разума, доминирует в современных социальных процессах псевдоцивилизации в современных мифологических ценностях сциентизма.

То, что сближает идею существования идеального государства Платона с марксисткой теорией борьбы классов в совершенно неожиданном контексте ценностей, которые не должны были бы в принципе совпадать в позициях классического идеализма и современной логики материализма – это рассмотрение исторических событий в остроте противоречий на границе Темных веков и раннего Средневековья. Так, Платон в своей идеологии государства ориентировался на нравы спартанских союзов, то есть социально-политических образований, в которых произошел перелом от культуры – к зачаткам цивилизации, то есть переход: от родоплеменной психологии дорийских орд на границе: между Темными веками и ранним Средневековьем социальной структуры протополисов в действие устойчивого полиса.

Чем являлось эта спартанская социальной модель, когда дорийские орды переплавлялись в авангардные исторические силы новой модели мировой цивилизации, а именно, европейской модели цивилизации, когда до этого исторического момента европейская культура в основном была подражательной?

Ограничивала частную собственность, укрепляя общин-

ную.

Укрепляла дисциплину и сплочённость коллектива.

Давала государству инструмент повседневного контроля над гражданами. Изгнание из сисситии приравнивалось к гражданской смерти.

Что такое сисситии в спартанской социальной организации общины? Это коллективные обеды, которые давали право на них только полноправным гражданам Спарты, где закреплялся момент единения того, что впоследствии выработало предпосылку для самосознания высшей ценности государственной жизни.

Каждый участник ежемесячно вносил в общий котёл фиксированный набор продуктов и денег (например, ячменную крупу, вино, сыр, финики, небольшую сумму на мясо).

Трапезы проходили под открытым небом, пища была скромной. Одно из самых известных блюд — «чёрная похлёбка». Состоятельные граждане могли добавлять к общему столу охотничью добычу, пшеничный хлеб или домашнюю птицу.

При этом существовало важное правило: запрещалось приходить на сисситию сытым после домашнего обеда. Сотрапезники внимательно следили друг за другом: если кто-

то оставлял порцию недоеденной (что могло означать, что он уже поел дома), это становилось поводом для насмешек.

Состав групп формировали с оглядкой на военную организацию: такие «обеденные товарищества» часто совпадали с мельчайшими тактическими единицами (эномотиями), что укрепляло боевую сплочённость.

Новых членов выбирали закрытым голосованием — требовалось единодушное согласие остальных сотрапезников. В одной группе обычно были представители разных возрастных групп, и старшие активно передавали опыт младшим.

Сисситии жестко ограничивали частную собственность, цементируя собственность общинную. Богатый спартанец, даже если у него ломились амбары, не имел права пировать в одиночку за закрытыми дверями; его избыток неизбежно перетекал на общий стол. Цена невозможности участия в сисситии была высокой. Изгнание из сисситии означало гражданскую смерть. Остановимся особо на характере вкусовых особенностей этой похлебки, которая должна была быть символов единения, так называемой «черной похлебки», которую должны были в обязательном порядке вкушать спартанцы. Эта была жижа из свиной крови, уксуса и соли, которая стала символом или, можно сказать, субстанцией спартанского духа. Известна реакция на эту похлебку

гостя из Сибариса: «Теперь я понимаю, почему спартанцы так бесстрашно идут на смерть — жизнь с таким супом действительно хуже могилы!»

Для чего мы акцентируем наше внимание к быту др. спартанцев? Это, собственно, по той причине, что мы ищем доказательства подобия социальных процессов в Темные века отдаленных исторических событий, которые периодически повторяются в мировой истории. Так, например, христианские монастыри стали этим примером аскетизма в тот момент, когда первобытное биологическое существо человека получило полную свободу в момент разрушения основ полноценной государственности и права, которые характеризуют исторические события после гибели Римской империи. Но для нас это важно не просто из-за какого-то абстрактного интереса к событиям мировой истории, где можно строить какие-то абстрактные схемы ее понимания, определяя их как «научные», а для того чтобы понять судьбу российской культуры, частью которой мы является в качестве причастности к мировой цивилизации. Нам важно обосновать существование во все исторические времена мировой истории энергии того, что Гегель называл «духом мировой истории», что резко противопоставляет наше понимание исторических событий – тем поверхностным представлениям о ней, которые доминируют в социальной реальности за пределами разума в качестве формулы «диалога цивилизаций» И важнейшим моментом в понимании единого историческо-

го поля мировой цивилизации во все исторические времена в великие переломные эпохи была социальная модель лигаристических союзов, которые становились очагом становлении новой модели цивилизации на границе Темных веков и раннего Средневековья.

Часть IX
Граница различных моделей цивилизаций

Гл. 25

Аскетизм

Познание — одна из форм аскетизма.
Ницше

Возвращаясь к образу жизни Диогена Синопского, этого яркого представителя течения киников, не сложно заметить в нем те черты аскетизма жизни, которые впоследствии в полной мере проявились в монастырской жизни между Темными веками и ранним Средневековьем, которые стали теми переломными социальными структурами, когда вокруг этих монастырских стен кипела варварская жизнь, почти лишенная разумных признаков. Можно, конечно, сводить эти признаки варварской жизни к культу Диониса, как это сделал Ницше, но мы полагаем, что эти процессы не ограничива-

ются только событиями становления европейской цивилизации, а имели место быть задолго до них в судьбе восточных народов, например, у др. египтян в культе Осириса. В этом смысле, не случайно культ Осириса прибрел такое сильное влияние в поздней Римской империи, когда в ней отчетливо стали проявляться признаки реальности псевдоцивилизации. В этом подобии поведения образа жизни, хотя и вызванного различными социальными процессами, но характеризующимися родственным характером ценностей, мы находит, в частности, нелинейный характер действия великих идей в мировой истории, которые определяют ее фрактальное течение развития.

Главное в поведении Диогена выражает тот факт, что в такой отчетливой индивидуальной основе своего непосредственного образа жизни он бросил вызов всему социальному образу жизни др. греков, который в его философской позиции являлось ничтожной поверхностью перед истиной загадки разумной идеи жизни, которая должна быть основой любой полноценной цели человека в реальности. С другой стороны, эта субъективно-философская позиция объективно объясняется исторической необходимостью появления этой идеи в мировой цивилизации, как, например, объективное появление теории эволюционного происхождения человека у Дарвина. Понятно, что в таком сравнении принципиально различного характера идей: с одной стороны, философского самосознания, чисто субъективного поведения,

не подкрепленного ничем, кроме непосредственного образа жизни, – с научной позицией идеи, обоснованной эмпирическими фактами и системной научно-объективной мыслью, существует большое противоречие. Однако мы полагаем, что именно крайности противоречий в знакомых представлениях о мире и выражает разумную действительность в мировой цивилизации.

Аскетизм – этот один из ключевых психологических состояний причастности человека к высшим ценностям мировой истории. Почему он возникает? Мы полагаем, что он возникает как естественная бессознательная реакция на ничтожество сознания человеческой земной жизни перед чем-то неизмеримо большим в индивидуальном самосознании, что требует этой отчетливой суровости различия: между земными ценностями сознания и тем, что их отрицает в чем-то не земном. Чем может быть это не земное – это отдельный вопрос, но он касается только деталей, тогда как целое выражается именно в моменте той меры суровости образа жизни, которое отрицает это земное. Если мы касаемся языческой культуры др. греков, то это высшая природа космоса, которая определяет собой все, что особенно полно выражается в учении пифагорейцев. В жизни монаха Темных веков монотеистической веры – это высшая ценность ощущения божественного начала мира как воли Творца в своей индивидуальной душе. Но любая новая модель цивилизации требует ее без всяких ослаблений, поскольку такова вообще природа

полноценной жизни идеи, которая происходит из глубин индивидуального самосознания, нарушая привычный обыденный ритм знакомых ценностей сознания.

Поясним причины, в силу которых Платон выбрал для своего образца идеального государства именно образ жизни древней Спарты. Во-первых, он был первым, кто обратился к феномену государства с исторической позиции необходимости его описания как разумной политической структуры на основе самосознания. А во-вторых, в силу закона отрицания отрицания он должен был перевести язык субъективного самосознания, открытого Сократом – на объективный язык логики его действия в среде людей, которые были не знакомы в пределах европейской культуры с языком действия этого самосознания как всей полноты суровости его действия в индивидуальной судьбе человека на основе государственного закона. Так субъективность – через закон отрицания отрицания – переходит в объективность, что определяет диалектику исторического развития философии идеализма в мировой истории. Собственно, Платон в момент кризиса др. греческих полисов, обратился к образу жизни др. Спарты, как, аналогичным образом, дух протестантизма обратился к суровому духу Ветхого Завета в момент духовного кризиса католической церкви.

Спартанские союзы были одним из первых практических экспериментов по созданию самодостаточной, внутренне жёсткой и милитаризованной государственной системы

— своего рода «лабораторией», где дорийские завоеватели попытались переплавить свои племенные традиции в устойчивую форму государственной организации жизни, выступив как авангардная сила мировой истории, повлиявшая на траекторию развития всей последующей европейской цивилизации. В архаической Греции многие культуры и полисы в тот период во многом перенимали достижения соседей — в искусстве, ремёслах, некоторых политических институтах, тогда как Спарта сделала ставку на самоограничение и радикальную специализацию. Её модель сознательно отвергала многие направления развития, которые процветали в других полисах: активное развитие ремёсел, торговли, философии, искусства ради личных или гражданских амбиций. Вместо этого всё было подчинено одной цели — воспитанию и поддержанию боеспособного гражданского коллектива. Эта модель показала, что можно построить стабильное и мощное государство на принципиально иных основаниях, чем те, что доминировали в других полисах. Спарта продемонстрировала силу коллективизма и дисциплины как инструмента социально начальной фазы построения новой модели цивилизации, в данном случае, европейской цивилизации.

В аспекте понимания этой необходимости возвращения к полноценным основам исторической архаики наследия предков, встает один очень важный вопрос: почему необходимо возвращаться к этой архаике? Почему Платон возвращается к др. спартанскому образу жизни, Лютер – к Ветхо-

му Завету, а Ницше вообще определяет всю полноту суровости действия самосознания в идее «вечного возвращения» к максимально отдаленным историческим воспоминаниям прошлого? Мы полагаем, что в этом сама суть, основание действия самосознания как критерия высших ценностей в процессе переоценки ценностей, когда необходимость возвращения к памяти предков требует понимания как целого каждый раз все более отдаленных исторических событий мировой истории. Вопрос состоит лишь в том: по своей ли воле субъект возвращается к этой архаике, или это суровость действия объективных разумных законов развития мировой истории возвращает его к ней?

Как бы то ни было, но это исторически необходимое возвращение к памяти предков прослеживается на протяжении всего развития мировой цивилизации, в судьбе практически всех народов, правда, на различном уровне развития цивилизации, когда в эпицентре мировых исторических событий это возвращение предполагает различные традиции, различные мифологические представления о мире, которые резко отличаются в зависимости от особенностей исторического развития народа. Можно сказать, даже более определенно, – чем больше наличия новизны в пространстве высших ценностей мировой цивилизации в определенный исторический момент развития, тем более архаичные доказательства из исторического прошлого требуются для этого прогрессивного прорыва в самом сознании. Примером подобного фе-

номена может служить попытка возвратиться в фашистской и большевистской идеологии к возможности существования цивилизаций, которые существовали в дошумерский период начальной точки отсчета возникновения мировой истории. Это указывает на тот факт, что энергия расового бессознательного имеет и объективный характер движения своей энергии, и субъективный момент. Вопрос лишь состоит в том, что считать мифологическим: позиции сциентизма ценностей, которые отрицают все, что не может быть доказано научным методом на уровне исключительно эмпирических фактов, или попытки выйти за пределы представлений о началах исторической цивилизации, которое как раз и обосновывается этими ценностями сциентизма.

Именно в аспекте возвращения к этим глубинам неизвестных знаний подсознательной исторической памяти, хранящихся в нашем расовом бессознательном, мы сводим трагические события мировой истории XX века. Причем, можно их проигнорировать, как это имеет место в социальных ценностях современной псевдоцивилизации, где отступление назад, к спасительному теплу обыденных представлений о мире дает возможность как-то успокоится, все сведя к бытовому сознанию человека, но надолго ли? Как позывает резкое обострение современных геополитический событий – это вряд ли. Все равно придется двигаться вперед, к построению новой модели мировой цивилизации.

Как известно, когда умер Платон, его наследство состав-

ляло два участка земли, немного серебряной посуды, три сотни драхм и четыре раба. Впрочем, аналогичный скромный быт был у Ницше, чей образ жизни отличался скромностью, и у многих других выдающихся философов, например, Конфуция, чье самосознание было сосредоточено, в основном, на понимании высших этических ценностях. Другими словами, именно самосознание диктует образ жизни человека в той системе ценностей, которую он выстраивает в соответствие с собственным пониманием разумной идеи жизни. А, например, Аристотель был богат, что косвенно стало причиной его критики идеального государства Платона, в котором философы не должны были иметь собственности, впрочем, не столько из-за личного богатства, сколько из-за более активной позиции самосознания в реальности сознания. Впрочем, например, Фома Аквинский, будучи крупным теологом и крупным феодалом, стремился синтезировать разум и веру, но это не мешало ему заботиться о материальном благополучии своей семьи. Но для нас из оценки всех вышеприведенных образов жизни философов, все-таки в большей степени интересует образ жизни Диогена, поскольку он искал человека тогда, когда вокруг было множество людей, в том числе и выдающихся, таких как А. Македонский. Мы же ищем следы цивилизации там, где, казалось бы, все является цивилизацией, начиная от сотового телефона в руках человека из какого-то небольшого племени в джунглях Амазонки – до современных супермощных компьютеров. Это сравне-

ние дает нам возможность показать, что не всегда визуально наблюдаемый объект является чем-то существующим в самосознании, поскольку для его существования необходимы разумные основания даже тогда, когда он не вызывает никаких сомнений в сознании реальности.

Вообще вопрос о частной собственности в государстве является более чем принципиальным, поскольку он указывает на наличие правовых норм для ее регулирования тех методов, какими оно достигается. В родоплеменных государственных системах, которые определяют собой социальную реальность псевдоцивилизации, эти правовые нормы минимальны, поскольку в них все решает кумовство и причастность к какому-то определенному племенному клану. В них именно племенное сознание решает все, хотя, конечно, оно скрываться за разными абстрактными разговорами о «праве» и «законе». Здесь, возвращаясь к наследию русской интеллектуальной мысли, например, к позиции Чаадаева и Салтыкова-Щедрина, можно сформулировать проблему цитатой Грибоедова: «Дома новы, но предрассудки стары. Порадуйтесь, не истребят ни годы их, ни моды, ни пожары». Следует понимать, что этот момент критики отрицания возможности наличия частной собственности у философов, стоящих у власти в государстве, и у воинов, его охраняющих, справедлив со стороны Гегеля и Аристотеля по отношению к идеальному государству Платона, но только отчасти. Он справедлив, если речь идет о какой-то развитой цивилизаци-

онной модели, прошедшей хотя эпоху развития Темных веков, но только не самые острые моменты перехода: от одной модели цивилизации – к другой цивилизационной модели.

В аспекте правовой основы частной собственности следует понимать, что она эффективна только тогда, когда поддерживается реальностью разумной действительности, тогда как при исчезновении последней она перестает быть правовым пространством, поскольку становится лишь средством политической борьбы при решении каких-то узко социальных интересов. Например, до недавнего исторического времени эти правовые нормы можно было найти в существовании торгово-промышленной модели развития цивилизации, которые строились на общепризнанных либеральных законах, но только до последнего исторического момента, когда западноевропейская правовая система заявила о блокировки российских активов. По-видимому, именно этот политический момент следует полагать началом очевидного перехода старой модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации в социальной реальности.

Гл. 25

Спартанские нравы

Эта аскетическая строгость нравов – это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной

стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой – является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение.

Ф. Энгельс

В этой цитате Энгельса есть достаточная доля правды, которая касается спартанских нравов, возникающих в тот момент, когда новая политическая модель мировой цивилизации зарождается практически из ничего. А в Темные века мировой истории, когда европейская модель мировой цивилизации отделялась от племенной психологии европейских племен в спартанских союзах, лишь косвенно участвующих в процессах восточной модели цивилизации, имевший, по крайней мере, опыт развития в несколько тысячелетий, этот момент имеет принципиальное значение. Ведь в тот исторический момент, то есть в момент перехода: от процесса остывания агрессии дорийских орд – до формования протополисной системы, материальные блага восточной псевдоцивилизации подавляли волю в процессе строительства самостоятельной модели развития европейских племен, подкупая варварское сознание своими земными благами. Для сознания, лишенного полноценности самосознания, казалось – вот она цивилизация, которая может дать все, как, например, А. Македонский предложил все материальные блага Диогену. Однако мы трактуем эту мысль Энгельса не со стороны пролетарского сознания, которое лишено самосознания

именно в силу своего рабского подсознания, а со стороны зарождения принципиально новой модели цивилизации, которая вовсю теснит подражательную культуру.

Другим принципиальным моментом этой цитаты Энгельса является указание на рабскую психологию тех протополисов, которые, вероятно, предшествовали формированию спартанского образа жизни как чего-то целого. И действительно, откуда было взяться какому-то достоинству и чести в энергии дорийских орд, которые распространились в разгромленном микенском государстве. Понятно, что со стороны исторической необходимости возникновения самой эпохи Темных веков, дорийцы — это не безликая масса, а группа завоевателей с собственной военной организацией. Впрочем, некоторые историки полагают, что не было единой мощной волны нашествия, а процесс происходил постепенно. Сначала, дорийские племена силились рядом с микенским государством, потом уже на его территории, а затем, постепенно перенимая его быт и нравы, захватили в нем власть. Подобные события пронизывают всю мировую историю. Например, на этот исторически й факт указывает постепенный захват Др. Египта племенами гиксосов; давление на Римскую империю варварских германских племен со стороны Западной Европы, которое заканчивается, в конечном счете, падением Рима; наконец, события нашего исторического времени, когда в Европу стекаются эмигранты из Африки, Азии и Латинской Америки. Другими словами, исходя

из нашей концепции мировой истории, псевдоцивилизация постепенно теснит старые достижения культуры со стороны медленного становления новой модели мировой цивилизации.

Но вот как происходит этот исторический переход: от Темных веков – к раннему Средневековью:

Рыцарские ордена возникли в эпоху крестовых походов.

орден госпитальеров (иоаннитов) был основан в 1099 году после захвата крестоносцами Иерусалима;

орден тамплиеров (храмовников) — в 1119 году, его задачей была охрана европейских паломников в Святой земле;

Тевтонский орден — в 1190 году в Акре как филиал ордена госпитальеров.

Почему мы ссылаемся на цитату Энгельса, если массовое сознание, в нашей философской системе ценностей, лишено признаков полноценного самосознания, то есть какой-то причастности высшим ценностям мировой истории? Это объясняется тем, что законы развития мировой истории едины: и со стороны сознания, и со стороны самосознания. Они лишь могут поворачиваться в разную сторону меры своего разумного понимания мира, но при этом всегда сохраняя определенную целостность оценок, если она выражает акцент на исторической адекватности мысли. И, наоборот, если историческое мышление отсутствует, как это имеет место, например, в социологической позиции Поппера, то подобного рода абстрактные ценности неизбежно вступают в

конфликт с наследием высших ценностей мировой истории, будь то Гераклит, Платон или Гегель.

Но главная причина обращения к ценностям коммунистической идеологии, в частности, в приведенной цитате Энгельса, нам необходима для понимания исторической необходимости появления идеи о коллективной собственности на средства производства в марксизме, которые, в нашем понимании, демонстрируют неожиданное возвращение учения об идеальном государстве Платона, которое последний моделировал, исходя из спартанского образа жизни. Нет, здесь мы не рассматриваем эту марксистскую идею со стороны основы эксплуатации одного исторического класса – другим историческим классом, поскольку для нас массовое сознание – это антипод цивилизации в процессах воздействия псевдоцивилизационных процессов на самосознание. Нас в этом вопросе интересуют сами механизмы действия псевдоцивилизационных процессов, которые разрушают основы государства и права, тем не менее указывая в результате этого разрушения на новую модель развития цивилизации. Понятно, что идея Платона здесь освобождается от своей архаичной основы, которая является таковой по отношению к новейшим историческим событиям, но она и не может быть иной, как, например, возникновение монотеистических религий имеет мало чего общество с культом бога Атона, введенного в Др. Египте за полторы тысячи лет до возникновения христианства. В данном вопросе очень четко просле-

живается дискретный характер течения наиболее сложных и наиболее глубоких феноменов памяти, когда они, пропадая на несколько веков, неожиданно возвращаются, проварившись, можно сказать в глубинах расового бессознательного, которое владеет разумными законами мировой истории. И здесь еще раз следует подчеркнуть, что расовое бессознательное – это не коллективное бессознательное Юнга, поскольку его описание бессознательного касается всего массива ценностей мировой культуры, тогда как расовое бессознательное – только содержания высших ценностей мировой истории.

То, что мы оказались в исторической эпохе очередных Темных веков, которая обусловлена переходом мировой цивилизации с земных научных технологий – на космические, является необходимым следствием ее разумных исторических законов. Таким образом, цивилизация существует только там, где действуют разумные законы мировой истории, то есть выражается определенная система высших ценностей самосознания, определяющая ее топологический вектор развития. Топология разумного развития мировой цивилизации характеризуется тем, что перед очередным рывком в историческое будущее она сжигает знакомое поле культуры структурами псевдоцивилизации, имеющими массовый характер. Массовая культура стремится максимально подавить индивидуальное самосознание человека, чтобы сделать переход к новой модели цивилизации менее болезненным, что

приводит к резкому росту биологизма сознания, поскольку природа в любом случае спасает, какая бы мифологическая реальность не культивировала ее спасительную основу, начиная от духов леса – в племенах Амазонки, до ценностей сциентизма – в современных социальных представлениях псевдоцивилизации.

Нас в данной работе, в первую очередь, интересует феномен псевдоцивилизации, то есть такое положение исторической действительности, когда культуры в сознании существует в избытке, или даже в переизбытке, правда, крайне низкого качества, которую можно определить, как массовую культуру, а цивилизации практически нет, то есть нет разумных политических сил мировой истории, которые могут осуществить прорыв в сторону дальнейшего построения ее новой модели. Поэтому мы и «не видим» человека как Диоген в окружающей социальной реальности, что цели людей в социальном пространстве современной псевдоцивилизации не обладают какой-то разумной идеей жизни, это какие-то призраки Темных веков, которые активны только потому, что живут как во сне, то есть в поле энергии массового бессознательного, где действиями людей владеет не разум, а в основном их биологические влечения. Но следует заметить, что подобного человека не признавал и Платон, называя этого человека «куклой», которую дергают за веревочку ее животное существо. Впрочем, современный научно-технический прогресс даже научился технологически со-

здавать подобных кукол, которые умеют говорить, рассуждать, выполнять определенные технологические операции, и даже оказывать определенные сексуальные услуги. Более того, в Китае даже создан завод, где эти куклы начинают производить уже другие куклы, то есть процесс фрактального подобия реальности охватывает уже полностью мир, где не дан ответ на главный вопрос: для чего все это?

Значит, чтобы строить новую модель мировой цивилизации, необходимо, по крайней мере, осознавать, что тебя окружает социальная реальность псевдоцивилизации, в которой отсутствуют жесткие элементы для строительства полноценной модели цивилизации. Собственно, именно момент осознания реальности по отношению к высшим ценностям самосознания и определяет любой проект развития мировой цивилизации. Необходимо с начала оценить, что по существу есть по отношению к разумной действительности, когда в некоторые исторические эпохи приходится констатировать, что нет, собственно, ничего, что и выражает позиция нигилизма. Но нигилизм – нигилизму рознь. Он имеет столько разновидностей, что даже в поле его ценностей политические силы могут вести смертельную борьбу. Например, сектантские ценности фашизма и большевизма, столкновение которых и стало причиной Второй мировой войны.

Почему большевизм и фашизм столкнулись в непримиримой исторической схватке, когда в основе их отношения к духу традиционных ценностей с обоих сторон выступила

позиция нигилизма? Мы полагаем, что это обусловлено спецификой самой эпохи Темных веков, где историческое будущее будет за тем, что обладает более глубокой взаимосвязью с метафизическими процессами памяти, поскольку именно эти процессы и определяют направление воли в историческое будущее. Но мифология сознания – это не самосознание, поскольку самосознание предполагает такую историческую позицию, в которой разум сохраняет жесткое противоречие: сознания и самосознания. Вождизм, который демонстрировал в своей мифологии фашизм или большевизм, здесь не уместен. Масса, какой бы идеологической мифологией не она объединялась, исключает в себе ценность того, что определяет ход мировой истории – ценность разумной индивидуальности человека.

Со стороны большевизма на известных ритуальных шествиях, как известно, вышагивали колонны пролетариев, то есть представители массового сознания, которые были ориентированы на другую мифологическую систему чем в фашизме, где также действовали определяющие биологические ценности сознания, но со стороны «свободного труда». Здесь со стороны этого возвращения к социальной модели спартанского сообщества действует дух военного коллективизма, в котором именно аскетизм сознания ищет оснований для строительства новой модели мировой цивилизации. Впрочем, и здесь идеология вождизма исключает самосознание разумной индивидуальности человека, которая определяет

разумный ход мировой истории. Как и в фашизме, в большевизме отсутствует конфликт: самосознания и сознания, поскольку воля вождя определяет здесь полностью сознание социального пространства.

Мифологию ценностей о «высшей расе» или «всемирно-исторической роли пролетариата» мы оставляет в пределах представлений сознания, которым владеет эпоха Темных веков, поскольку правота марксизма заключается именно в возвращении во фрактальной системе координат к образу идеального государства Платона, в котором среда философов и воинов не должна иметь частной собственности в силу их ответственности перед тем целым, которое имеет военно-патриотическую составляющую. Подобного аскетизма в психологии фашистского общества мы не обнаруживаем.

По существу, большевизм и фашизм – это две идеологии Темных веков новой модели цивилизации, которые становятся активны тогда, когда в старой модели цивилизации исчезает разум. Именно возвращение к «черной» спартанской похлебке объясняет причину, по которой советские солдаты так легко шли на смерть. Мысль о наследии предков, которая определяет идеологию фашизма, следует принять как правильную, но она ограничивается лишь событиями европейской истории, тогда как исторические факты показывают, что европейские народы сами выделились в определенный исторический момент времени как отдельная европейская цивилизация, а не самобытная культура, лишь тогда,

когда восточные народы переживали состояние псевдоцивилизации. Эта социальная реальность: вождь – экзальтированные массы, является признаком Темных веков, в которых присутствие разумной индивидуальности исключается, если только она не выражает в какой-то степени ценности позиции доминирующей идеологии. В новейшее историческое время – это ценности научно-технического прогресса, когда при фашистском режиме допускается существование личности Гейзенберга, а в при большевистском режиме – личности Вернадского и Капицы. Вероятно, и в Уйгурском каганате, мыслители, которые не входили в противоречие с ее идеологической системой, тоже не подвергались гонениям, а, наоборот, являлись доказательством ее справедливости.

В данном вопросе мы лишь пытаемся понять причины возникновения этих двух тоталитарных идеологий, где культ вождя – это возвращение к первобытному состоянию культуры, где все разумное псевдоцивилизация выдавливает почти до нуля, то есть сводя ее к философии нигилизма. И разговоры в пределах псевдоцивилизации о «сверхчеловеке» теряют всякое разумное содержание, поскольку того человека, которому можно противостоять что-то «сверх», просто уже нет, его исторически зачистили процессы псевдоцивилизации. Правда, от него остался ИИ, однако эта ступень развития мировой цивилизации также является первобытной ступенью в достижениях современных научных технологий, но все-таки уже технологий, которые заглядывают в ее новей-

шую космически-технологическую модель развития.

Многие европейские интеллектуалы в Европе и в России пережили в разное время влияние марксизма, как в свое историческое время Августин пережил влияние манихейства. Это объясняется тем, что переходные исторические эпохи выдвигают очень влиятельные эклектические учения, стремящиеся максимально снизить болезненную перестройку высших процессов памяти, которые формируют рациональную психологию человека в момент перехода к новой модели развития мировой цивилизации. Например, коммунизм развивал свое учение в пределах ценностей экономического сознания, то есть не стремился ликвидировать торгово-промышленную модель цивилизации, а лишь ее реконструировать. А фашизм предлагал выход из состояния кризиса исключительно для европейских народов, полагая другие народы «второсортными» перед европейской расой, то есть не осознавал масштаба катастрофы внутри самих европейских ценностей. Говорят, что коммунизм изменил политическую ситуацию в мире, тогда как мы утверждаем, что эту геополитическую ситуацию изменили процессы псевдоцивилизации, которые нашли соответствующие каналы эклектических представлений о мире, чтобы излить всю ту меру разрушения известных знакомых представлений о мире, которые должны были как-то зафиксироваться в устойчивости социальных процессов псевдоцивилизации. Ведь следует понимать, что учение коммунизма возникло еще в пре-

делах устойчивого функционирования торгово-промышленной модели цивилизации, когда речь шла не о ее глубоком распаде, а лишь о ее реконструкции на основании более полноценного функционирования за счет более эффективной системы производства. В коммунизме, идея преимуществ технологического производства в пределах доминирующей системы экономических ценностей – это, фактически, попытка перезапустить экономическую систему на основании более продуктивной механической модели развития, поскольку в коммунизме нет никакой философии, за исключением самого примитивного научного эмпиризма представлений о мире, которые сводятся к непосредственной чувственной реальности сознания. Здесь коммуникации цивилизации не выходят за пределы массовых коммуникаций, то есть предлагается реконструировать те канализационные потоки, которые остаются от цивилизации в момент ее исторического распада, то есть сделать их «продуктивными» для дальнейшего существования процессов торгово-промышленной модели цивилизации.

Гл. 27
Разум цивилизации против рассудка культуры

В человеческом существе кроются известные стремления, которые могут долго дремать, но, раз проснувшись, уже неотразимо влекут человека туда, где прорезывается

луч жизни, тот отрадный луч, появление которого так давно подстерегали глаза среди безнадёжной мглы настоящего.
Салтыков-Щедрин

Мы стремимся обосновать, что процесс перехода от старой модели мировой цивилизации – к ее новой модели, неизбежно проходит стадию развития псевдоцивилизации, которая предполагает полное разрушение старых ценностей и формирования принципиально новых ценностей. Однако эти процессы не прерывают взаимосвязь с памятью предков, но наоборот, еще больше их усиливают. Другое дело, что каждый раз эта память становится неожиданной для самосознания, заставляя перестраивать высшую систему ценностей в ее проекции на разумную действительность мира. Именно в этом смысле, мы должны переосмыслить две глобальные сектантские идеологии в мировой истории: фашизм и большевизм, которые с разных сторон подводят наше самосознание к необходимости заново переосмыслить учение Платона об идеальном государстве. Основным результатом оценки здесь является то, что мы оказались в очередной исторической эпохе Темных веков, которая требует кардинально иных политических усилий разумной воли человека, чем те, которые предпринимаются в этом мифологическом социальном пространстве современной псевдоцивилизации.

Ясно, что исторический факт, что мы уже находимся в эпохе Темных веков, может принять только разумный человек нашего исторического времени, поскольку мало кто

может отстаивать систему высших ценностей своей исторической эпохи, ибо большинство людей стремятся лишь плыть по течение в социальных представлениях своего исторического времени. То, что современная система ценностей псевдолиберализма или неолиберализма пытается затушевать эти проблемы своего исторического времени акцентом на постоянной перестройке различных звеньев псевдоцивилизации, отнюдь не решает проблемы отсутствия разума в современной системе ценностей массового общества. Понятно, что постоянные песни о колоссальном развитии технологических возможностей современной науки своим шумом стремятся подавить резкое противостояние: самосознания и сознания человека. Но все это уже исторически было. Например, в европейской истории это было в Темные века перехода от язычества к христианству, когда религиозные песнопения в то историческое время не могли скрыть этот мрак Темных веков, когда отсутствие разумного образа жизни человека было слишком очевидным.

Наша предшествующая часть размышлений должна была показать, что разум в жизни человека, то есть объективность существования мировой цивилизации, предполагает неизбежно конфликт: между его индивидуальным самосознанием и сознанием социальных представлений, которые определяют конечность абстрактных представлений рассудка. Абстрактные рассудочные оценки – это лишь ограниченные поля культуры, какой бы областью они не ограничи-

вались: религиозной, научной, политической или какой-то другой, то есть не обладают разумной энергией целого, поскольку этим целым может обладать только разумная философская мысль. Если она отсутствует, то в какие бы абстрактные конструкции представлений не создавала социальная реальность псевдоцивилизации, демонстрируя определенный шум «диалога цивилизаций», все равно она существует за пределами разума, поскольку разум необходимым образом требует отчетливости системы высших ценностей самосознания.

Понятно, что в чисто философском смысле речь идет о противоречиях разумного понимания действительности – с абстрактной схемой рассудочных представлений, что всегда определяло ценности философии идеализма на всем протяжении его развития. И это особенно важно для интеллектуальной мысли российской культуры, в которой, собственно, отчетливо рациональная мысль никогда не существовала, хотя позиции честных русских интеллектуалов конечно же были. Мы в этом вопросе являемся первыми, поскольку разного рода мифологические представления о реальности цивилизационную основу жизни не создают. Они создают лишь интеллектуальный шум различных полей культуры, которые не обладают той жесткостью, которой обладает система ценностей мировой цивилизации. И самое опасное, что характеризует некоторые позиции мысли в современных интеллектуальных конструкциях, – это отождествлять ценности ци-

вилизации и ценности псевдоцивилизации, что, например, характеризует концепцию мировой истории Шпенглера.

Оценка двух идеологий, фашизма и коммунизма, которые мы оцениваем, как очень влиятельные секты нашего исторического времени, нам необходима, чтобы понять те политические структуры, которые должны возникать, преодолевая этот вождизм Темных веков, когда цивилизация теряет свои устойчивые рациональные коммуникации. Сектами мы их оцениваем, поскольку они строились на тоталитарном принципе социальной системы, на основе которой строятся все секты, где главное – это священное слово вождя. Понятно, что такая социальная система в принципе отрицает разумные структуры цивилизации, однако, как мы показали, в момент резкого слома старой модели цивилизационного развития, когда почти никакие социальные механизмы цивилизации не работают, эти полуварварские политические системы осуществляют перезарядку высших процессов памяти в эпицентре мировых исторических событий. Ведь и фашизм, и большевизм не только не препятствовали распространению великого мифа своей исторической эпохи, то есть культу научно-технического прогресса, но и во многом строили на нем базовые принципы своей идеологии. Так и манихейство в другой переломный момент мировой истории во многом строило свою идеологию на ценностях Нового Завета.

Как мы понимаем субъективный закон действия разума «вечного возвращения», открытый Ницше в философии ни-

гилизма? Понятно, что мы должны очистить его от той мифологической шелухи, которая замутняет разумную суть дела. А разумная суть дела состоит в том, что великие идеи, появившись в некоторый исторической момент времени в какой-то неясной организации своего явления по отношению к традиционным ценностям, через несколько столетий, а то тысячелетие, становятся базовым основанием рациональной психологии человека. Что мы имеем ввиду? Ранее мы уже указали на подобное явление. Наиболее значительные из них: появление культа единого бога Атона в Др. Египте при фараоне Эхнатоне, которое раскрывается через почти полторы тысячи лет новой моделью цивилизации в мировых религиях христианства и ислама; или, например, образ жизни и философия Диогена, которая также более чем через тысячелетие раскрывается в образе жизни монашества в религиозном пространстве ценностей. Понятно, что и с психологической, и с идеологической точки зрения речь идет о принципиально различных исторических эпохах и моделях цивилизаций, однако то что не должно уйти от нашего внимания – это смутное рождение великой идеи в первый момент своего исторического появления, и, наоборот, почти триумфальное ее шествие в мировой истории через определенное историческое время. Это и есть то, что мы называем «расовым бессознательным» в процессах развития мировой истории.

У нас есть только один операционный инструмент для понимания подобного действия расового бессознательного в

истории развития мировой цивилизации на уровне понимания объективного исторического разума – это процесс действия фрактальной последовательности материи времени, которая почти не сходится к непосредственным чувственным ассоциациях, на которых строится бытовое сознание человека, которое можно отождествить с учением коллективного бессознательного у Юнга. Бесконечно малое проявление энергии расового бессознательного в массовом бессознательном образует лишь локальные поля культуры, тогда как энергия мировой цивилизации значительно сложнее этих локальных полей, поскольку не только способно их порождать как целое, но и топологически моделировать в единую энергетическую структуру. Главный момент взаимодействия этих минимальных импульсов энергии и максимальных импульсов энергии, действующих в различных диапазонах бессознательного состоит в том, что массовое бессознательное строится на монотонных фрактальных последовательностях непосредственных чувственных ассоциаций минимальных ресурсов памяти, полностью подтверждаясь в энергии подсознательных влечений, тогда как во власти великих идей над самосознанием ценностей человека этот поток монотонных фрактальных последовательностей сознания рвется. Речь идет об индивидуальном подсознании рациональной психологии человека, которое становится частью мировой цивилизации, или позицией разумного понимания действительности в качестве действия великой идеи в реаль-

ности, ее власти как высшей ценности самосознания.

В концепции мировой истории Шпенглера эта энергия расового бессознательного оценивается как космический ритм подсознательных процессов психики, которые формируют различные модели культуры. О разумной действительности мировой цивилизации в его концепции речи не идет, поскольку эти культуры действуют изолированно друг от друга, хотя и обладают определенным фрактальным подобием. Собственно, по этой причине культуры и наделяются у него антропоморфным содержанием, что его логика – это логика локальных фрактальных последовательностей монотонности течения человеческой жизни в процессах подсознательной памяти. Но фундаментальные фрактальные последовательности легко проникают в любые локальные поля культуры, топологически связывая их изнутри. И если культуры рождаются и умирают, то мировая цивилизация не подвластна времени, поскольку она сама есть материя времени. Это то, что, наоборот, выворачивает наизнанку топологию любой локальной культуры, выстраивая тензоры ее пространства в сторону направления раскрытия новейших идей своего времени. Следовательно, культуры в поле существования мировой цивилизации не рождаются и умирают, а лишь заряжаются определённой энергией авангардных идей развития цивилизации, или, наоборот, теряют этот высший потенциал расовой энергии. С позиции бессознательного, речь идет о том, что, либо культура причастна разумным законам разви-

тия цивилизации, и тогда в ней доминируют разумные законы развития мировой истории; либо она теряет эту взаимосвязь, и тогда поле ее меркнет, исчезает тот свет, который проистекает из энергии разумной идеи жизни.

Если оценить сектантские идеологии фашизма и большевизма, то мы видим, что и в первом, и во втором случае эти социальные структуры попытались возвратиться к архаичным социальным связям, которые действовали до момента активности последней модели мировой цивилизации: фашисты – к племенной психологии германского язычества, большевики при сталинском режиме – во многом к общинной психологии русского старообрядчества, которое так и не приняло реформ Петра I. При этом обе сектантские идеологии в достаточной мере воспроизвели эту архаику памяти предков: фашисты – в военном агрессивном духе племенных инстинктов германских племен, большевики – в аскезе русского старообрядчества, которая идеологически опиралась на таких выдающихся русских старообрядцев, как протопоп Аввакум. Так архаичные, на первый взгляд, идеи прошлого, пройдя переоценку ценностей в расовом бессознательном под воздействием различных слоев исторических событий, возвращаются уже в резко модернизированной основе, чтобы соответствовать духу времени. Здесь самое главное понимать, что явление подобных сект, таких как манихейство, фашизм и большевизм – не случайно, но закономерно, с точки зрения разумных законов развития мировой циви-

лизации.

Исторические причины появления идеологических течений двух сектантских течения: фашизма и большевизма выражаются в том, что для реализации нового проекта развития мировой цивилизации, космически-технологической, необходимы принципиально новые социальные структуры лигаристического союза, которые не может предложить психологическая атмосфера сектантского пространства: ни в первом, ни во втором случае, хотя они и выполняют необходимую историческую функцию внутренних разрушительных процессов псевдоцивилизации. Разум должен развиваться не только в доминировании какого-то одного локального поля культуры, который не мешает энергии научно-технического прогресса, но и в созидании пространства цивилизации, где существует диалог на уровне разумного понимания мира. А этот диалог требует уже не только социальной реальности вождей и масс, но и действия разумной индивидуальности человека, которая в полной мере несет ответственность за судьбу мира в своей свободной разумной воле.

Что же произошло тогда, когда эти «протополисы» двух сектантских идеологий: фашизма и коммунизма значительно ослабили свое влияние идей на историческую реальность, когда их влияние в наше время является скорее инерционным, чем оправданным на основании разумных законов мировой истории? Мы видим, что современное социальное пространство затянуло то псевдолиберальное, или неолибе-

ральное, пространство ценностей как болото, которое стало культивировать иллюзию существования мировой цивилизации, стараясь полностью исключить влияние разумных законов мировой истории на самосознание человека. Ведь исторические законы мировой цивилизации показывают, что в ней должен действовать разум, а не мифология сознания, пусть даже эта мифология сознания и опирается на великий миф, который будет владеть сознанием человечества в ближайшие века.

Неприятно, конечно, осознавать себя в Темных веках, когда свет разума почти меркнет, но это лучше, чем существовать в том слабоумии социальных ценностей своей исторической эпохи, которое навязывается сознанию, лишенному пониманию разумных законов развития мировой цивилизации. Ведь основным следствием этого тотального слабоумия массовых ценностей является резкая деградация умственных способностей человека, когда потеря разума – это самое малое, что следует из воздействия этого слабоумного пространства ценностей на сознание. Хуже, когда оно приводит к тяжелым психическим заболеваниям, или к каким-то проблема психики, которые, в частности, и стали начальным материалом для возникновения психоанализа в учении Фрейда.

Одной из основных задач нашей аналитической работы является – очистить современное понятие «цивилизация» от того мусорного пространства социальной болтовни, которое

ведется вокруг этого понятия, по существу, за пределами разума. Ведь разум – суров, – эта истина, которую всегда необходимо помнить, когда речь заходит об исторической необходимости, действующей в его исторических законах. При этом разумное – это не жестко установленная схема абстракции мысли, которая, например, в наше историческое время должна обязательно обосновываться опорой на научную абстракцию. Разум сам выбирает тот материал аргументов, который требуется для его существования в законах мировой истории. Он выделяет доминирование в определенную историческую эпоху тот рассудочный материал мысли, который является наиболее близким для задачи реализации конкретного проекта строительства мировой цивилизации. И если в одно историческое время таким доминирующим полем сознания являются религиозные ценности, то в другое историческое время – это научные законы природы.

Часть X
Фрактальная система исторических координат

Гл. 28

Дежавю исторического самосознания и линейные закономерности научного сознания

Если бы кто-нибудь был склонен преувеличивать то, что

нам известно теперь о душевной жизни, то достаточно было бы указать на функцию памяти, чтобы заставить его быть скромнее.

Фрейд

В основе нашего анализа понимания разумной действительности лежит фрактальный метод законов реальности, который проистекает из фундаментальной взаимосвязи с законами разумной действительности. Так, мы переводим полумифологическую идею Ницше о «вечном возвращении» на язык объективного разумного понимания, стараясь приблизить исключительно сложную систему фрактальных исторических координат к их научному знанию. Фрактальная последовательность сознания, в которой ассоциативный поток действия памяти течет непрерывно, наиболее устойчива в памяти, что дает возможность оперировать движением этой последовательности в абстрактно-научном представлении о реальности. Именно здесь проявляется то особое преимущество ассоциативных образов сознания пространства, которое отличает его от дискретных последовательностей в самосознании, где полной властью обладает материя времени. Материя времени мало ассоциативна, то есть она – не то есть, не то ее нет, поскольку это особое свойство времени, действующее в глубинах подсознания человека в его высших ценностях самосознания, что получило в различных культурах народов понятие духовной ценности жизни.

В определенном смысле, можно полагать, что пространственные ассоциации эмпирического сознания являются упрощенными конструктивными элементами материи времени, которые поступают в сознание из самосознания. Таким образом, сознание – это вторичная информационная система знаний, получившая свою обработку в самосознании в результате максимального упрощения анализа информации. Сознание – это ИИ, встроенный в самосознание как взаимосвязь с соматическими функциями психики, тогда как самосознание является материей энергии времени, которая полностью не сходится к соматическим процессам психики. Оно сходится к энергетическим потенциалам космоса, которые образуют топологическую модель таких сложных процессов памяти, которые, захватывая полностью локальную память человеческой индивидуальности, проходят ее насквозь, как рентгеновские лучи проникают сквозь материю.

Значит, энергетические потенциалы материи времени, которые суть отображение сложнейшей динамической структуры материи как целого, то есть как феномена, выходящего за пределы современных возможностей научного знания, а значит, являющегося метафизическим феноменом в процессе перехода: от самосознания – к сознанию, и является базовой основой внутренних процессов развития мировой цивилизации. Культура в этом внутреннем процессе развития мировой цивилизации является лишь вспомогательным материалом перехода: от разумной действительности – к за-

конам эмпирической реальности. Этих переходов столько, сколько существует различных полей культуры, которые являются упрощающими энергетическими структурами, связывающими топологию высших ценностей самосознания – и реальность сознания. Но основой получения полноценного знания о мире является именно разумная действительность, присутствующая в той или иной степени интенсивности в энергии расового бессознательного в подсознании человека. По существу, расовое бессознательное разрушает систему социальных мифов своей исторической эпохи, возвращая подсознание человека к великим идеям исторического прошлого, требуя переоценки их ценностей. Можно, упрощая, сказать, что это космический ритм Вселенной разрушает сложившиеся социальные представления о мире социальной мифологии своего исторического времени, но подобная оценка мало что дает для понимания этого очень сложного процесса действия высших процессов памяти. Ведь он проистекает не извне, то есть из сознания, а изнутри, то есть из самосознания.

Использование нами понятия «бессознательного» требуется только для того, чтобы показать топологическую структуру связей в действии переходов: от самосознания – к сознанию, которая является максимальным разрывом в качестве противоположности: между миром высших исторических идей, действующих в подсознании, и сознанием, которое выражает линейные закономерности действия в эмпи-

рических законах природы. Эти переходы предельны в том смысле, что мы не знаем, что происходит на уровне бесконечности этого процесса, однако осознаем, что этот процесс имеет предельный переход, который характеризуется , с одной стороны, сходимостью, в качестве течения локальных фрактальных последовательностей, к ассоциативных образах пространства, а с другой, фундаментальной природой – в том, что не сходится к целеполаганию в земном сознании человека.

Почему спартанские нравы резко выделялись в своем явлении от других нравов др. греческих протополисов, когда последние, в основном, были ориентированы на более земные цели жизни и значительно менее милитаризованный образ жизни? И почему Платон выбрал для прообраза существования идеального государства именно образ жизни Спарты, когда исследовал самые простые элементы государства на уровне самосознания? Мы это объясняем тем, что для описания какого-то принципиально нового явления в самосознании необходимы обращать внимание на его самые простые элементы, которые выделяются практически из ничего. Мы полагаем, что нравы спартанского общества были обусловлены теми же психологическими причинами, которые объективно возникают в тот исторический момент, когда какая-то агрессивная племенная сила, по существу, можно сказать, человеческая орда, начинает смешиваться с народами, которые в прошлом имели какие-то зачатки циви-

лизации. Это характеризует и момент движения германских орд на территории Римской империи, и попытки подобной социализации в момент агрессивной активности фашистов и большевиков, которую тоже можно охарактеризовать как явление этих протополисов. Понятно, что, с точки зрения отдельной судьбы народов, кардинального различия исторических эпох, и во многом самих политических целей, которые решали эти объединения, сложно найти подобие этих социальных структур. Однако, с точки зрения исторической необходимости перехода: от одной модели цивилизации – к принципиально другой модели, их связывало нечто общее – чувство долга перед памятью предков, то есть энергия перезарядки расового бессознательного, которая уходит вглубь веков и тысячелетий. Оно выражается в том, что, с одной стороны, завоеватели должны были сохранять свою самобытность единого целого, а, с другой, должны были ассимилироваться в совершенно чуждой на уровне культуры социальной среде. Но все-таки, в отличии от сформированной структуры др. греческого полиса, который характеризует спартанский образ жизни, и фашистская идеология, и большевистская идеология не дает ответ на самое главное: для чего все это нужно в стратегическом понимании исторического будущего? То есть мы не находим ответ на самый главный, фундаментальный вопрос: где протекает граница между самосознанием и сознанием? Ведь высшая святыня др. греков давала этот ответ на одном из изречений в храме

Аполлона: «Познай самого себя!». Впрочем, и новейший великий миф нашего исторического времени тоже требует этого процесса самопознания через ценности научного знания.

Мы полагаем, что подобного рода резкое исчезновение цивилизованного пространства в среде народов, которые были причастны законам ее развития, не является случайным. Новая модель цивилизации должна где-то прорывать общий ритм бытового сознания человека в его социальной монотонности течения жизни чем-то радикальным. И если рассматривать явление сектантских идеологий фашизма и большевизма как историческое подобие греческих протополисов, то по-видимому попытки проявления самосознания в них все-таки были, если учесть поиск обоих политических режимов наследия артефактов древних цивилизаций. Это один из аргументов, который показывает, как действует расовое бессознательное в глубинах подсознательной памяти, возбуждая е наиболее сложные процессы, которые ранее были не задействованы в известном информационном поле культуры. Но нас в большей степени интересуют не эти тоталитарные идеологии новейшего времени, которые способны создавать не более, чем политические структуры подобные Уйгурскому каганату на границе очередных Темных веков и раннего Средневековья, а полноценные государственные структуры, которые способны существовать в это смутное историческое время. Ведь по существу, это историческое время социального пространства псевдоцивилизации, которое исключает в

своем пространстве существование разумного человека.

Вообще грань между протополисами и полисами с уже относительно устойчивой государственной структурой является очень неустойчивой, определяемой процессом становления в течении двух-трех столетий. В вопросе возникновения новейшей структуры государственного устройства, которое возникает из острых политических противоречий своей исторической эпохи, никогда не бывает повторов, но всегда есть подобия. В нашем понимании, эти подобия характеризуются сознанием долга перед памятью предков, которая реорганизует социальную систему радикально. И если мы рассматриваем эти современные протополисы в сектантской идеологии фашизма и большевизма, то они существует, в нашем понимании, в кардинально иной истории мировой цивилизации, чем та, которая навязывается различными социальными представления в современной псевдоцивилизации. Здесь мы должны сослаться на поиск исторических артефактом древних цивилизаций, которые имели место быть и в поисках своего идеологического обоснования политического режима у фашистов, и аналогичной попытки его обоснования у большевиков, связанный с известными археологическими экспедициями. Более того, не исключено, что и сам Платон, сообщивший нам легенду о существовании доисторической Атлантиды, тоже искал эти обоснования для своего государственного устройства в глубинах собственной расовой памяти.

Таким образом, расовое бессознательное, как антипод массового бессознательного, целиком и полностью обусловливает энергию разумной действительности в ее пересечении с социальной действительностью, преобразуя и совершенствуя ее в проекцию на великие исторические идеи развития мировой цивилизации. И то, что феномен расового бессознательного еще неизвестен современной науке в эмпирической закономерности ее связей, еще не есть повод отрицать его существование, и, как следствие, отрицать существование самосознания как базовой основы разумной индивидуальности человека. Понятно, что на слово «раса» наложено жесткое табу в современной социальной мысли по определенным политическим причинам. Однако это не причина идти на поводу у человеческого слабоумия, на какое бы поле ценностей оно не опиралось: на религиозное, научное или политическое. Истина не терпит компромиссов тогда, когда речь идет о высших ценностях мировой истории, определяющих разумные законы мировой цивилизации.

В аспекте разумного существования государственного устройства, как мы полагаем, главное для нас понять: в какую историческую эпоху мы существуем? Здесь мы должны разрушить ту мифологическую идиллию современного социального сознания о «демократическом обществе», в каком бы разрезе речь о нем не шла. Демократия невозможно в эпоху Темных веков, поскольку демократическая система должна опираться на суровое чувство долга, указывая на

устойчивые институты цивилизации, а не на мифологическое социальное пространство реальности псевдоцивилизации. Понятие «цивилизации» необходимым образом предполагает быть гражданином мира, в котором мир отображает высшие ценности разумной индивидуальности человека, – это именно то, что практически исчезло в социальном пространстве современной псевдоцивилизации.

Возвращаясь к критике идеального государства Гегелем и Аристотелем, которые указывали на ложную предпосылку Платоном полагать, что философы и воины, стоящие у истоков государства не должны иметь собственности, правильна, но только при условии, что речь идет о государственном устройстве, которое уже твердо стоит на ногах в реальности. Однако в момент резкого перелома: от реальности псевдоцивилизации – к началам становления принципиально новой модели развития все обстоит значительно сложнее. Сложнее по той причине, что в реальности псевдоцивилизации доминирует мистерия демонического начала жизни, когда почти все моральные нормы жизни отброшены, а оставшиеся моральные нормы оказываются в социальной изоляции и подвергаются глумлению. Везде расцветает реальность воровской малины жизни, в которой обмануть другого человека с целью наживы становится каким-то проявлением «героического» начала жизни. По-видимому, чувствуя этот кризис ценностей капитализма, идея о коллективной собственности на средства производства и возвратилась в расовой памяти

Маркса, который использовал ее в кардинально иной идеологической системе ценностей – не самосознания, а сознания, то есть материалистической системе ценностей, обновив ресурс ее действия для современной исторической реальности. Понятно, что если учесть критические мысли Салтыкова-Щедрина о нравах российской политической власти, то воровская психология там тоже присутствовала, но необходимо все-таки учитывать, что в этой политической системе был генерал-губернатор Салтыков-Щедрин как часть этой политической системы, жестко ее критиковавший. В наше время мы такой острой сатирической критики не находим внутри этой среды, хотя отдельные голоса все-таки раздаются о понимании ситуации, а находим опять эти призывы к какой-то «революции», когда о природе реальности революции в российской действительности, в полной мере, с позиции русского самосознания, высказался Бунин.

Мы вообще убеждены, что никакая цивилизационная модель невозможна без опоры на сознание высшего долга. И долг в ней – это не что-то абстрактное, а действие настолько глубинных импульсов подсознательной памяти, что волевые импульсы движимы энергией этой памяти как отображение разумных законов развития мировой истории. Собственно, сознание высшего нравственного долга – это и есть метафизические процессы расовой бессознательной памяти, которые определяют топологическую основу внутренних законов мировой истории. Ну а что еще может заставить человека

жить, исходя из системы высших ценностей самосознания, если убрать воздействие на него всех мифов реальности сознания? Ведь любая культура, если в ней убрать ее разумное основание, – это лишь мифологическое пространство, опирающееся на великий миф или на миф какой-то локальной повседневности целей жизни, а потому мировая цивилизация периодически зачищает власть над сознанием этой мифологии, чтобы придать новый огонь энергии самосознания в высших ценностях разумной идеи жизни.

Понятно, что не существует жесткого различия между процессами цивилизации и социальными процессами псевдоцивилизации, когда они глубоко переплетены в остроте противоречий своей исторической эпохи. Основная сложность в понимании феномена псевдоцивилизации состоит в том, что он не является мгновенным переходом: от разумной действительности – к эпохе варварства. Да и варварство, как оказывается, не только не является негативным проявлением внутренних процессов развития мировой цивилизации, но и наоборот, необходимым историческим фактором, который вносит свои прерогативы в исторические события со стороны обновления разумной идеи жизни. Другое дело, что функциональные способности сознания ограничены линейными представлениями о мире, когда понимание разумной действительности требует определенных навыков рационального мышления, а они не могут быть задействованы со стороны ИИ, поскольку последний развивается исключи-

тельно по логике известных связей реальности, обладающих монотонной последовательностью логических цепочек, тогда как разум требует дискретных переходов мысли, сквозь которые проникает энергия материи времени.

В определенном смысле, можно сказать, что эти варварские потоки родоплеменных образований в мировой истории дают дополнительный энергетический потенциал для развития мировой цивилизации, когда в ней исчерпывается ее старый энергетический потенциал развития, перезаряжая высшие процессы памяти человека. Можно сказать, что цивилизационная система изнашивается, и требуется эта глобальная перезарядка бессознательных процессов памяти, чтобы найти новые векторы развития мировой истории, переоценив известные идеи высших ценностей исторического прошлого.

В чем же основное геополитическое противоречие нашей исторической эпохи в качестве противоречий между социальными структурами современной псевдоцивилизации и исторической необходимостью возникновения ее новой модели, космически-технологической? Мы полагаем, что оно обусловлено тем, что старая модель цивилизации, торгово-промышленная, утратила свои внутренние рациональные ресурсы развития, а новая модель цивилизации еще пока не имеет какого-то элементарного пространства в качестве разумной политической силы. Первое, объясняется тем, что в ней исчезли разумные индивидуальности, которые способны

указать на кризис стремительно набирающих обороты распада цивилизации; а во втором случае, тем, что в ней разумные индивидуальности пока еще не образовали в современном мире какую-то отчетливую политическую структуру. Мы видим, что энтузиасты, которые, например, объединились вокруг И. Макса в США строят разного рода космические планы, но все это пока висит на волоске по отношению к историческому будущему, поскольку этот проект формируется в среде цивилизационного пространства, в котором в большей степени доминируют ценности псевдоцивилизации, ибо он опирается на старую модель, торгово-промышленную.

Гл. 29

История дежавю высших ценностей мировой истории

В памяти может внезапно всплывать и то, что мы считали давно забытым.

Фрейд

В аспекте сектантских идеологий фашизма и большевизма, главное, на что мы должны обратить внимание в этих идеологиях – это на их попытку связать свое право на политическую власть с гипотезой существования древнейших цивилизаций, которые существовали до условной точки ее возникновения в культуре шумеров. При всей чуждости разум-

ному самосознанию этой массовой идеологии, которая хотя и радикально отличается в своей основе, имеет явно какое-то демоническое проявление по отношению к отчетливости действия самосознания в разумной природе человека, все-таки эта обоюдная попытка пересмотреть понимание начал возникновения цивилизации не может быть случайной. Все эти экспедиции, которые проводились в поисках древних цивилизаций: и со стороны фашистского политического режима, и со стороны большевистского режима связаны с воздействием высших процессов памяти. Здесь мы оставляем в стороне эзотерическую мифологию фашизма об «инстинкте крови» и «арийской культуре», равно как и социальные фантазии – о «всемирно-исторической роли мирового пролетариата – в идеологии большевизма, которые могли воздействовать только на массовое сознание.

Размышляя над высшими ценностями мировой истории, мы должны понимать, что возвращение к памяти предков неизбежно для любой модели мировой цивилизации в любую историческую эпоху, к какому бы полю культуры оно не относилось: к религиозному, научному или политическому. И в этом смысле, самым простым моментом возвращения к этой памяти является история науки, где достаточно просто найти закономерности исторического развития мысли, например, математического знания: от примитивного подсчета на пальцах – до современной теории математического анализа, поскольку оно строится на чистой абстракции мысли,

а абстракция мысли обладает максимальной прямолинейностью в логике движения информационного потока знания. В этом смысле, великий миф нашего времени, который движет сознанием реальности в достижениях научно-технического прогресса, безусловно, обладает неизмеримо большими преимуществами перед другими мифологемами культуры, что в нем мировая история разворачивается в доступную линию представлений исторических событий, где история, например, науки легко прослеживается в своем развитии: от первобытного зубила – до современных квантовых компьютеров. Но проблема в том, что по отношению к новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, суперсовременное достижение современного научно-технического прогресса – ИИ, тоже является этим первобытным зубилом, если оценить тот путь, который придется пройти мировой цивилизации в историческом будущем на протяжении ближайших веков в ее новейшей модели. Ведь в наше историческое время она существует еще полностью под властью старых социальной связей и институтов, которые обслуживают псевдоцивилизационные процессы современной реальности.

Для формирования принципиально новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, неизбежно должны происходить исторические события, в которых старые социальные структуры зачищаются, чтобы на их месте сформировать новые социальные структуры, способные

взять на себя моральную и психологическую нагрузку нового цивилизационного проекта. Это объективный закон мировой истории, указывающий на то, что мировая история развивается не стихийно, а по необходимым разумным законам. Другое дело, что перед процессом становления новейших социальных структур новой модели цивилизации происходят события, которые могут казаться хаосом, если их оценивать с позиции устаревших представлений о мире. Например, таким чем-то полностью неразумным казалась вера ранних христиан в первый момент появления их общин в Римской империи по отношению к самосознанию языческих интеллектуалов. Ведь в это историческое время происходит распад старых представлений о реальности, которые действовали многие столетия. Эти представления распадаются на хаотический поток бесконечного множества фрактальных точек пространства сознания, которое полностью теряет свое целое. А целое – разумная действительность, исчезает, и вместе с ней исчезает и разумная идея жизни человека, поскольку она существует только при условии наличия разумного целого в сознании реальности. Но не сложно заметить, что и первые секты большевиков с их верой во всемирно-историческую роль пролетариата тоже были совершенно непонятны для многих русских интеллектуалов, которые все-таки ориентировались на высшие исторические ценности. Впрочем, многие русские, и не только русские интеллектуалы в разное время искренне разделяли ценности

марксизма.

Самое неприятное, что приводило в недоумение и языческих интеллектулов, как, впрочем, и европейских интеллектуалов новейшего исторического времени – это идеи всеобщего равенства: в первом случае, перед всесилием единого Бога, а во втором случае – перед мировой пролетарской революцией. Это особенно было непонятно для разумно мыслящих людей, когда неравенство людей от природы всегда было налицо во все исторические времена. И это неравенство во все исторические времена регулировала система государственного устройства, которая предполагала, что целое в природе всегда должно быть иерархично. И не столь важно, как устанавливалась эта иерархия: через мировой ум и мировую душу – как у неоплатоников, или через мировой разум и абсолютную идею – как у гегельянцев, главное, что эта иерархия определяла законы государственного устройства, которое и первые христиане, и большевики отрицали.

Псевдоцивилизация всегда есть резкое понижение уровня культуры, которое является естественным следствием почти полной утраты разума человеком на каком-то историческом промежутке времени. Понятно, что разум не может исчезнуть полностью, поскольку именно за счет него и существует мировая цивилизация, однако крайняя деградация рациональных способностей мышления человека периодически прослеживается в мировой истории. При этом, она незаметна в сознании, которое заполнено многообразием ассоциа-

тивных представлений о реальности, создаваемых очередным великим мифом в качестве стабильности существования социальной системы. Поэтому в очередные Темные века мировой истории, когда почти полностью отключается самосознание, а сознание становится внедрённым чипом определенного набора социальных алгоритмов поведения своей исторической эпохи, и возникает этот вакуум пространства рациональных коммуникаций между людьми, хотя иррациональный шум примитивных дискуссий, наоборот, достигает своего максимума. Неразумные люди продолжают социально шуметь, как ни в чем не бывало, поскольку их самосознание не развито, а их сознание существует полностью под властью коллективного бессознательного. Оно не способно выделиться в качестве разумной мысли в силу внушаемости их высших процессов психики, поскольку внушаемость есть прямое следствие отсутствие индивидуальной рациональной психологии.

Таким образом, Фрейд, безусловно был прав, рассматривая законы коллективного бессознательного в качестве определенного набора табу, которые контролируют этот диапазон социальных ограничений, запрещая сознанию обращаться к самосознанию, чтобы обладать разумом. Запретительные функции обращения к самосознанию проистекают со стороны представлений культуры своей исторической эпохи, которые диктуют сознанию требования подчинения той мифологии ценностей, которая является синтезом наиболее актив-

ных бессознательных импульсов биологической активности подсознания. В результате, биологическое целое сохраняется, как в животном мире, а энергия цивилизации ослабевает, поскольку она развивается за счет активности индивидуальностей, обладающих активностью самосознания в разумном понимании мира.

Понятно, что низшие ценности не нуждаются в глубоких процессах памяти, уходящих в метафизическое начало мира, которое является историческим энергетическим потенциалов развития мировой цивилизации. Они текут доступным потоком ассоциативных реакций на внешний мир, в котором пространственные связи бытового сознания в поле активности научно-технического прогресса кажутся устойчивыми и надежными. И чем меньше исторического опыта цивилизационного пространства в истории какого-то народа, тем более примитивна его социальная система по отношению к мировому опыту высших ценностей мировой цивилизации. В наше историческое время, как мы видим, российское социальное пространство до сих пор живет во многом ценностями Уйгурского каганата, который был фрактальным подобием Советского Союза в истории очередных Темных веков, поскольку этнос – это не народ, имеющий какую-то отчетливую национальную идею в мировой истории, а некая родоплеменная система социальных отношений, которая ориентирована, в основном, на самые примитивные потребности человеческой жизни, в которой великое насле-

дие мировой истории отторгается из-за отсутствия достаточного исторического опыта существования самосознания в системе высших ценностей разумной идеи жизни. Именно по этой причине в российской идеологии очень кстати пришлась евразийство, что оно не проводит суровой границы: между разумными ценностями мировой цивилизации и хаосом представлений низших ценностей культуры, во многом связывая себя с наследием кочевой Золотой орды.

Но было бы несправедливо полностью отрицать опыт существования советского политического режима, поскольку это есть бесценный опыт существования подсознания человека в очередных Темных веках тогда, когда другие народы мировой истории только постепенно втягиваются в него в наше историческое время. Именно здесь возникает необходимость исследовать такую структуру как лигаристический союз, который возникает на границе между очередными Темными веками мировой истории и ранним Средневековьем в момент становления новой исторической модели мировой цивилизации. Ранее, мы уже указали всю сложность понимания этой социальной структуры, которая характеризуется тем, что в это историческое время разумным людям необходимости все-таки где-то собираться, чтобы создать энергетическое пространство, в которое не проникает это тотальное разложение отходов распада очередной модели цивилизации, действующей как разрушительные социальные процессы действия псевдоцивилизации.

В вопросе существования политической конструкции советского политического режима власти, помимо очевидной его тоталитарной идеологии, которую в достаточной мере можно сравнить с какой-то сектантской религиозной идеологией, нас интересует та военно-патриотическая составляющая, которая характеризует мобилизационный характер этой политической системы. В чем его положительное содержание, но главное – его историческая необходимость? В этом смысле, современная реальность псевдоцивилизации в российской реальности имеет свою особенность, которая резко отличает ее и от западноевропейской истории псевдоцивилизации и от ее проявления в судьбе восточных народов.

И первое, что является положительным в политической модели советской политической власти – это отношение к государству как к чему-то сакральному, что подтверждается отношением к коллективной государственной собственности. Здесь мы во многом обнаруживаем идею Платона о том, что философы и воины, стоящие у власти в государстве, не должны иметь частной собственности, поскольку она расслабляет и разлагает. Они должны хлебать ту «черную похлебку», которую хлебали спартанцы, чтобы не расслабляться перед исторической необходимостью сохранять свой боевой дух и самодисциплину. Однако в оценке советского политического строя мы должны учитывать, что это в большей степени является не фрактальным подобием уже устоявшейся системы спартанских нравов, а скорее протополи-

сом, в котором пока еще отсутствует отчетливое различие: между родоплеменной средой, которая кипела в энергии дорийских орд и в энергии большевистской орды. Собственно, большевики в момент установления советской власти и хлебали эту «черную похлебку», что характеризует, вообще говоря, эту социальную среду с положительной стороны. Аскетизм жизни всегда требуется тогда, когда она приносится в жертву во имя чего-то высшего, связанного с будущим. Почему этот аскетизм постепенно выродился как составляющая политической психологии, следует видеть в самой примитивной идеологии коммунизма, которая строит свою логику в пределах экономической целесообразности жизни. Но последняя – это то, что в наименьшей степени относится к разумной идее жизни, хотя, конечно, относится. Но Платон вполне справедливо ставил психологию торгового сословия ниже в своей системе рангов в государстве, что экономическое мышление начинает доминировать тогда, когда утрачены система высших ценностей самосознания.

Платон, как известно, утверждал, что классу торговцев соответствует вожделеющее начало души, что очевидно соответствует психологической оценке современной мифологии экономического сознания, которое везде и во всем ищет мотивацию человека со стороны какого-то стремления к экономической выгоде. И теория психоанализа Фрейда в полной мере подтверждает эту логику Платона, поскольку она исследует социальную среду венской буржуазии именно на

уровне анализа подсознательных влечений. Так, подсознательные влечения – это действительно основа функционирования ценностей псевдоцивилизации тогда, когда разумное начало жизни исчезает. Цивилизация начинает деградировать, ее социальные институты перестают выполнять ту разумную функцию, которые еще некоторое время назад они выполняли. Но этот процесс характеризует не только социальные институты современной торгово-промышленной модели цивилизации, но и все социальные институты исторического прошлого, когда происходит переход: от одной модели развития – к другой модели. Понятно, что в иерархии ценностей самосознания древних моделей цивилизаций работала другая система высших ценностей самосознания, но она тоже работала, на что обращал свое внимание Гегель в своем исследовании событий мировой истории.

Аналогичную психологическую атмосферу фрактального подобия протополиса мы обнаруживаем и в ранних фашистских социальных образованиях.

Первые фашистские союзы в Италии выросли из военизированных групп бывших фронтовиков и были пронизаны культом суровой мужественности. Их образ жизни был нарочито аскетичным:

Униформа и символика. Чёрные рубашки, марши, палаточные лагеря, спартанские условия — всё это подчёркивало отказ от «буржуазной изнеженности».

Дисциплина и иерархия. Жизнь строилась по полувоен-

ному образцу: подчинение приказу, коллективные действия, подавление индивидуальных слабостей.

Пропаганда «сурового героя». Идеал участника движения — человек, который не боится боли, лишений и смерти, ставит долг выше комфорта.

Главное в этом вопросе состоит в том, что племенная сила, которая возбуждается в момент перестройки мировой цивилизации, строится в одном психологическом русле, который характеризует отказ от земных радостей во имя выполнения своего высшего нравственного долга перед будущим. И, как аналогичным образом, в религиозной эклектике манихейства, эклектика большевистской и фашистской идеологии формируется мифологией ценностей своей исторической эпохи: высшая ценность научно-технического прогресса для обоих идеологий, но различие в направляющем векторе понимания законов мировой истории. Со стороны фашизма – это идея высшей расы и единство нации, со стороны большевизма – это идея всемирно-исторической роли пролетариата и интернационализм.

Почему же фашизм проиграл во время Второй мировой войны? Мы полагаем, что это было обусловлено той мерой жертвенности, которую определенный народ может заплатить за свою веру в историческое будущее. А советский народ, как известно, заплатил значительно большую цену. Вопрос о жертве во имя будущего является в этом вопросе принципиальным, поскольку дух мировой истории не терпит

торговли в вопросе права на существование в историческом будущем. Но дело здесь не в одном народе, а в том, чтобы ответить на вопрос: куда исторически движется мировая цивилизации? Что определяет процесс развития ее исторического будущего? В вопросе победы в Великой Отечественной войне, как мы полагаем, следует рассматривать с позиции реальной энергии мирового духа, который оказался на стороне советской России, поскольку дух – это и есть мера глубины памяти предков, когда будущее вклинивается в реальность настоящего именно требованием выполнения своего долга перед этой памятью.

Во многом, Платон в своем идеальном государстве описывал его систему как мобилизационную, что, в частности, определялось кризисом полисной политической системы его исторического времени. Греческий полис начал трещать по швам, поскольку он был слишком замкнут на себе, слишком ограничен от сложного движения духа времени, который воздействовал извне требованием расширить идею государственности до такой идеологии, в которой бы участвовало как можно больше народов мира, а не только один др. греки. Платон жил в V–IV веках до н. э., когда в это время греческий полис переживал серьёзный кризис. Одной из ключевых причин стала Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.): она расколола Элладу, подорвала традиционные ценности и ослабила социальные связи внутри полисов. Полис как замкнутая гражданская община перестал справляться с на-

копившимися проблемами — экономическими, политическими, социальными. Люди стали больше ориентироваться на личные, частные интересы, а не на общее благо, распространялся релятивизм, в том числе благодаря софистам. Поэтому идея государственности требовала глобального пересмотра со стороны возможностей расширения ее существования на как можно большее число народов, то есть требование переоценки высших ценностей самосознания.

Что же положительного следует видеть в политической системе советской власти, то есть этом начальном опыте существования психологии человека на границе: между очередными Темными веками и ранним Средневековьем? В этом вопросе понимания самых мрачных страниц мировой истории мы полностью встаем на позицию Платона, который полагал, что именно глубины памяти являются тем основанием самосознания субъекта, который определяют собой объективность разумной действительности. При этом он отрицал чисто абстрактную ценность мысли, которую, например, использовали в его время софисты, чтобы продемонстрировать ценность противоречивости мышления не в качестве разумной диалектики мысли, а лишь как инструмент для разрушения традиционных представлений о мире. Собственно, и идею о высшей ценности духовного самосознания, которое впоследствии перешло в религиозную патристику, тоже следует искать в философском наследии Платона.

Нам известно, что в наше историческое время сектантские идеи фашизма и большевизма оживились, когда одни пытаются шуметь о «высшей расе», а другие – о «революции». Но это скорее отголоски той ушедшей в прошлое идеологии, которая, в первую очередь, не имеет под собой какой-то научной основы со стороны фундаментальной науки, поскольку это поле сражений осталось далеко позади. Оно существует на основе той психологической основы системы ценностей, которая полностью повернута в сторону противоречий между старой моделью мировой цивилизации, торгово-промышленной, и новой, космически-технологической. Особенностью же нашей объективно разумной мысли состоит в том, что она проистекает из реальности противоречий новой модели цивилизации, космически-технологической.

Гл. 30

Исторические горизонты космически-технологической модели мировой цивилизации

Ни одна психологическая теория не была ещё в состоянии дать отчёт об основном феномене воспоминания и забывания в его совокупности; более того, последовательное расчленение того фактического материала, который можно наблюдать, едва лишь начато.

Фрейд

То, что определяет современную геополитическую реальность – это вопрос: возникнет ли в будущем новая модель мировой цивилизации, космически-технологическая, или какой ни будь катаклизм сотрет современную цивилизацию в пыль? Данный вопрос слишком кардинален, чтобы какие-то мелочи сознания всех отдельных полей культуры могли бы что-то здесь решать. Будет ли прорыв к новой модели мировой цивилизации или нет – это вопрос будущего, который не ограничивается только одним столетием, а определяет, как минимум, будущую историю мировой цивилизации на века. Но то, что всей современной модели мировой цивилизации придется кардинально измениться в своей социальной основе, не вызывает никакого сомнения. Даже более локальные изменения переходных процессов культуры в различных областях: в религии, науке или искусстве ломали привычные представления человека о мире, что ж тогда говорить об историческом переходе к ценностям сознания, которые почти целиком и полностью ломают человеческий быт.

В вопросе определенного геополитического центра новой модели мировой цивилизации мы должны понимать, что он не может быть на Земле. В этом и состоит то кардинальное отличие новой модели цивилизации от всех предшествующих моделей, которые в любом случае предполагали этот центр земным. Отсюда и возникал характер культов, кото-

рый характеризовал привязанность человеческого сознания к этому центру, например, храм Аполлона в др. греческих Дельфах, идея о «вечном Риме» – в римской традиции или современные религиозные представления монотеизма, связанные со священным характером земли их происхождение – землей Иерусалима – для иудеев и христиан, или священного камня Каабы – в Мекке у современных мусульман.

Таким образом, наше внимание к анализу идеального государства Платона проистекает из исторической необходимости дальнейшего исторического развития истории мировой философской мысли, которая прерывается в своей полноценности развития понимания мира на философском субъективизме нигилизма Ницше. Понятно, что дальнейшая ее история развития тоже обладает в определенной степени философским содержанием, но лишь настолько, насколько вообще может обладать философским содержанием реальность псевдоцивилизации, в отличии от разумного основания процессов цивилизации.

В вопросе становления принципиально новой модели цивилизации мы должны понимать, что эта модель давит на социальные институты старой модели цивилизации разрушительными процессами псевдоцивилизации. Эти социальные институты начинают сначала деформироваться, а потом постепенно сыпаться. Но при этом энергия великого мифа только набирает интенсивность своего агрессивного воздействия на сознание. Так было в момент перехода от язы-

ческого мира – к власти над сознанием человека монотеистических религий, и аналогичным образом это происходит в наше историческое время, когда великий миф веры в научно-технический прогресс воздействует на современное массовое сознание. Подобие этих процессов характеризуется исчезновением критического рационального мышления, выражаясь в том, что разум, лишенный способностей выделения высших ценностей мировой истории, просто исчезает как критерий существования пространства цивилизации. Обратной стороной этого явления становится расширение сознания социальных ценностей настолько, что оно практически полностью заполняет непосредственный образ жизни человека, лишая его проявлений разумной воли, поскольку разумная воля есть прерогатива самосознания высших ценностей мировой истории.

Одной из важнейших характеристик новой модели мировой цивилизации является изменение направления энергии подсознательных импульсов, которые направляют волю на преобразование объективной действительности мира. Если в старой модели мировой цивилизации таковыми были торговля и развитие промышленности, то в новейшее историческое время – это стремление к построению космических поселений и развитие новейших технологий, которые должны быть инструментом научно-технического прогресса для решения этой стратегической задачи. Значит, перестройка внутренних процессов мировой цивилизации происходит не

из внешних ассоциативных восприятий сознания реальности, а из глубин бессознательной памяти, в которой протекает постоянная перезарядка ее процессов под воздействием переоценки высших исторических ценностей. Можно сказать, что цена великих идей исторического прошлого становится все выше и выше в сравнении с их дефицитом в социальном сознании, лишенном причастности разуму. Но главное состоит в том, что эти идеи всплывают из глубин расового бессознательного в совершенно неожиданном качестве, когда они кажутся, на первый взгляд новыми, а по существу являются лишь какими-то сложнейшими социальными изменениями того, что уже было когда-то сказано, но в слишком поверхностном понимании своего первоначального проявления. И то, что эти великие идеи постепенно осмысляются на таких огромных исторических интервалах времени, будучи скрыты в глубинах подсознания, является их критерием отличия от той текучей повседневности целей человека, которые ограничены его бытовым сознанием, привязанным к задачам, обусловленных с необходимостью биологического существования, то есть процессами памяти очень коротких течений длительностей времени.

В чем принципиальное отличие нашего понимания расового бессознательного – от коллективного бессознательного, понятия, принадлежащего, как известно, Юнгу? Коллективное бессознательное, как мы его понимаем с позиции разумной действительности, – это вся полнота энергии сознания,

которая оперирует коллективным опытом мировой культуры при отсутствии самой иерархии этой культуры. Это, можно сказать, культура, которая движет энергией псевдоцивилизации в тот момент, когда разумные законы цивилизации исчезают. Значит, в коллективном бессознательном исчезает разумная индивидуальность самосознания человека, которая обладает критическим рациональным мышлением. Коллективное бессознательное характеризуется утратой самосознания настолько, что делегирует самосознание индивидуальности какому-то внешнему источнику: вождю, массовому социальному институту и так далее. «Личное», таким образом, присутствует в коллективном бессознательном за счет нерасчленённого потока образов бессознательной памяти, который течет монотонными фрактальными последовательностями и которые охватывают определенный коллективный опыт культуры, но за пределами высших ценностей, где проявляются авангардные противоречия: между сознанием и самосознанием. Здесь отсутствует резкое противоречие, поскольку самосознание всегда образует дискретные воспоминания памяти, где великие исторические идеи прошлого возникают в своем неожиданном для сознания реальности проявлении. Коллективное же бессознательное характеризуется тем, что принимает любой опыт культуры, начиная от первобытной веры в духов леса и заканчивая сложнейшей логикой развития современной науки. Расовое же бессознательное всегда устанавливает иерархию: между конеч-

ными представлениями социальных ценностей своей исторической эпохи – и неожиданностью действия великих идей своего времени, ломающих эту социальную систему представлений.

Одним из важнейших моментов в характеристике различия между коллективным и расовым бессознательным является момент забытия, то есть то, что забывается в коллективной памяти, и то, что продолжает жить в глубинах расового подсознания своей внутренней жизнью, неожиданно выплёскиваясь в тот момент, когда новизна идеи буквально ставит полностью в тупик социальное сознание своей эпохи. Назовем примеры, которые первыми приходят на ум. Например, в религиозной жизни – это противопоставление в позиции Христа двух видов власти: человеческой и божественной, когда последняя сообщает о едином Боге, существование которого является полностью неожиданным для правовой системы Рима, построенной на ценностях политеизма; или, например, гипотеза Дарвина о происхождение человека от примата, вызвавший резкий протест со стороны религиозной традиции мысли. Эти великие идеи буквально выбивают монотонный ритм потока памяти, который течет своими знакомыми представлениями о мире сознания в определенном социальном пространстве поля культуры. Понятно, что какая-нибудь мифология духов леса, существующая в традиции памяти полупервобытного племени, живущего в джунглях Амазонки, поставить в тупик современное соци-

альное сознание человека постиндустриальной эпохи не может. Это сознание лишь примет к сведению этот факт, как один из фактов исторической культуры, определенным образом классифицируя его в своей системе ценностей как более примитивный вид первобытной цивилизации. Но на внутренний процесс мировой цивилизации это никак не повлияет, а станет лишь еще одним информационным фактом разнообразия этнических культур народов.

Значит, вопрос о том, что может быть забыто и то, что забыто быть не может для единой судьбы мировой цивилизации, а уходит лишь в глубины подсознания, чтобы подвергнуться переоценке ценностей в веках, а то и тысячелетий, чтобы неожиданно возвратиться, как в известном мифе о птице феникс, не может относиться ко всей полноте того мифологического опыта культуры, который хранится в памяти. Воспоминания этого мифологического наследия легко можно получить, ознакомившись с ним в информационной системе ИИ. Ведь, например, теорема Пифагора не забыта, как, впрочем, не забыта и его просветительская деятельность в Южной Италии, когда древних римлян как представителей, пожалуй, самой влиятельной цивилизации в мировой истории еще не существовало в то время, когда память о древних предках римлян, которые убили Пифагора в результате восстания местных аборигенов, мировая история нам ничего не сообщает со стороны наличия в них какой-то индивидуальности, причастной разуму. Однако дело пифагорейско-

го союза, как известно, не пропало в расовой памяти мировой истории, заложив отголоски тех новейших идей новой модели мировой цивилизации, которая впоследствии привела к созданию великой Римской империи. Так, можно сказать, одна историческая модель мировой цивилизации передает свой исторический опыт развития другой исторической модели, когда передача этого опыта протекает через глубины расового бессознательного, которое выделяет те исторические идеи, которые способны переживать века и тысячелетия.

Если мы возвратимся к опыту российской культуры, то следует понимать, что отсутствие в ней какой-то отчетливой модели мировой цивилизации, при условии наличия всех полей культуры: религиозного, научного и политического, обусловлено особенностью ее существования в системе ценностей, где длительное время отсутствовала критическая разумная мысль. Как мы показали, вообще в русской культуре она существовало в Российской империи, правда, в самой зачаточной форме. Но ее современной исторической культуре требуется уже не такая робкая мысль, когда субъективной критики достаточно для существования провинциальной культуры по отношению к истории мировой цивилизации, а объективная разумная мысль, которая указывает на новый проект развития цивилизации. Именно с этой точки зрения мы должны переоценить советский политический режим власти, который просуществовал более полувека в Рос-

сии.

В вопросе событий 17-го года, когда пала Российская империя, следует понимать, что процессы энергии псевдоцивилизации обрушились на ее культуру первыми, что было связано с резким разрушением традиционной жизни и зачисткой той интеллектуальной среды, которая характеризовала нравственную жизнь Российской империи. В оценке этих исторических событий мы должны придерживаться понимания разумных законов развития мировой истории, осознавая, что исторический феномен возникновения социального пространства псевдоцивилизации не бывает локальным, а всегда проявляется в судьбе всех народов, оказавшихся в эпицентре мировых исторических событий. И если в Германии, России и Китае можно оценить явления фашизма, большевизма и маоизма как агрессивные племенные силы, которые часто в исторических событиях оцениваются как человеческие орды, например, орда гиксосов, захвативших Др. Египет, др. германцев, разрушивших Римскую империю или дорийскую орду, превратившую в развалины микенское государство, то в английскую культуру эта племенная сила пришла почти незаметно. Ведь кто мог ожидать, что музыка Битлз будет только началом этого восстания против разумных законов жизни, – ведь это была всего лишь музыка, правда, с теми особенными подсознательными ритмами, которые были, в целом, чужды традиционной английской культуре, связанной с ее разумным историческим развитием.

Для нас очевидно, что движение этих агрессивных человеческих орд, или масс людей, которые чужды разумным идеям развития мировой цивилизации, но несут в себе явные признаки возникновения социального пространства мировой псевдоцивилизации, нельзя полагать только варварством, поскольку нельзя смотреть на этот процесс только с одной стороны, например, со стороны оценки русской православной церкви, которая оценивает большевизм как «секту». Нельзя по той причине, что этот процесс не является случайным, но закономерным со стороны исторической необходимости перестройки мировой цивилизации в сторону новой модели. Так, первоначально, перед становлением новой модели мировой цивилизации зачищается пространство для ее возникновения, которое сопряжено с очень драматическими событиями. Приуменьшать трагизм этих исторических событий не имеет смысла, тем более, что последний полноценный опыт философской мысли в философии Ницше начинается именно с исследования духа др. греческой трагедии, то есть если перевести это на язык объективного исторического разума – с возвращения к исторической эпохе Др. Греции, когда дорийские орды начали переплавляться в зачаточные политические элементы спартанского духа. Это нам, со стороны нашего исторического времени сложно пережить всю ту боль и отчаянье, которое испытывали просвещенные микенцы столкнувшись с этими грубыми нравами новых варваров, хотя энергия феномена памяти дежавю

Ницше в некоторой степени передает трагический дух той исторической эпохи. Но нас в данном вопросе интересуют не процессы псевдоцивилизации, который Ницше предсказал в своей философии нигилизма, а то, что происходит после переоценки ценностей великих исторических идей прошлого, то есть нас интересует объективная позиция современного исторического разума.

В аспекте обращения к идее идеального государства у Платона, которая апеллирует к структуре спартанского образа жизни, мы бы обратили внимание на серьезную исследовательскую работу русского историка Ю. Андреева, «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» (2004), в которых автор утверждает, что спартанские союзы – это исключительно мужские союзы как основа спартанского мира, из которого возникает непосредственная структура государства. В этих сисситиях, о которых ранее мы уже говорили, совместная трапеза становилась одновременно и методом социального контроля за поведением и речами граждан. Мужские союзы совпадали с воинскими подразделениями, когда дисциплина за столом продолжала дисциплину в фаланге. По Андрееву, в Спарте мужской союз не сосуществовал с государством, а стал его стержнем: частная жизнь и индивидуальные интересы сознательно подавлялись ради коллективного братства.

Понятно, что в нравах фашистской, большевистской и маоистской идеологии есть некоторые черты близости к этой

древнейшей традиции сисситии, когда над сознанием индивида осуществляется тотальный контроль со стороны военно-патриотической организации социальной жизни. Это происходит по-видимому, по той причине, что в процессе зачистки традиционного образа жизни человека его биологические инстинкты максимально обостряются, в результате чего возникает эта необходимость социального контроля над сознанием, лишенного опоры в полноценности действия самосознания. Понятно, что подобное сравнение допустимо лишь при условии оценки этих событий со стороны фрактальной системы исторических координат, когда это подобие не должно подменять собой принципиальное различие в нравах народов, в особенностях исторической эпохи и, главное, в кардинальном различии идеологий. Но нас в данном вопросе интересует сам механизм начальных элементов возникновения государственных институтов практически из ничего, то есть из социального хаоса и, по существу, потери разума человеком, который происходит на стыке двух принципиально различных моделей цивилизаций.

В чем же главное различие: между тоталитарными объединениями, подобными идеологической системе фашизма и большевизма, и зачатками средневековой психологии, которая уже не относится прямо к социальной реальности Темных веков, а проливает некоторый свет на взаимосвязь с историческим будущим? Мы полагаем, что оно характеризуется началом полноценной дискуссии в интеллектуальной сре-

де, которая начинает возникать тогда, когда диктатура этих тоталитарных сект ослабевает, поскольку на смену разрушительным процессам псевдоцивилизации неизбежно приходят начальные элементы становления новой модели мировой цивилизации. Эта дискуссия возникает как оживление философской мысли, которая прерывается вследствие мощнейшей атаки биологических инстинктов на сознание. Эта атака настолько мощная, что самосознание индивида перестает существовать. Да и как может существовать самосознание в таких сектантских идеологических системах как манихейство, фашизм и большевизм, если в них явно прослеживаются черты откровенного фанатизма? Впрочем, как мы видим, существование сознания в локальном поле культуры, в новейших событиях мировой истории, в поле научной культуры, все же допускается, поскольку оно указывает на какую-то взаимосвязь с историческим будущим.

Таким образом, главная причина расширения деструктивных процессов современной псевдоцивилизации состоит в отсутствии полноценного разумного диалога в пространстве псевдоцивилизации, который исключается в силу того, что на современное социальное сознание наложено ограничительное воздействие табу со стороны пересмотра некоторых основных базовых понятий. Например, если человек рассуждает о расе, то он обязательно предполагает какую-то ее биологическую сущность, хотя мы полагаем, что в аспекте современных представлений о материи, это расовое су-

щество указывает на совершенно иную природу материи, чем та, которая ранее представлялась в качестве эмпирической достоверности научной мысли, поскольку она как-то взаимосвязана с метафизическими процессами памяти, когда одни воспоминания быстро исчезают, а другие, наоборот, остаются на века и тысячелетия. Мы рассматриваем расу не как биологический феномен, определяемый какими-то анатомическими и психологическими признаками различий, поскольку нас в этом вопросе интересует та психологическая пропасть, которая существует между разумом и человеческим рассудком.

При этом, мы не собираемся каким-то образом реанимировать в качестве какой-то альтернативы историческому будущего то, что уже отвергла мировая история. Все эти тоталитарные идеологии уже позади. Они позади по той причине, что их психология выполнила свою задачу активизации деструктивных процессов развития псевдоцивилизации, и теперь псевдоцивилизация развивается уже по самостоятельным внутренним законам, не нуждаясь в каком-то усилии агрессивной биологической энергии. Она стала тем разрушительным потоком энергии действия забытия знакомых представлений о мире, который стирает на своем пути все, что хоть как-то пытается ей противостоять, поскольку ее законы стали уже частью того метафизического пространства, которое характеризует историческую неизбежность появления новой модели цивилизации.

Однако и возвращение к традиционным ценностям, которое мы наблюдаем в наше время, не являются случайным. Например, рассматривая аналогичные события в Др. Греции, можно заметить, что старые микенские боги все же возвращались в пантеон дорийского сознания. В своих поэмах («Илиада», «Одиссея») Гомер реконструировал культурное наследие предшественников — ахейцев, создавших микенскую цивилизацию. Гомер не просто сохранил имена микенских божеств (что подтверждается расшифровкой микенских надписей), но и наполнил их новым, героическим содержанием, связав с мифами и традициями дорийцев. Таким образом, архаичные элементы микенского пантеона не просто сохранились, но и стали основой для дальнейшего культурного расцвета классической Греции. И Зевс, и Посейдон – это боги древних ахейцев, чью цивилизацию разрушили дорийцы. Поэтому возвращение российской культуры к традиционным ценностям – это процесс закономерный, поскольку мировая история имеет в своей основе определенные разумные законы развития. Можно заметить, что в др. греческом пантеоне богов сохраняется даже древнейший культ боги-матери минойского архаичного периода, то есть по существу чисто родоплеменной культ, в котором следы самостоятельной модели цивилизации практически не просматриваются.

Если использовать понятие коллективного бессознательного Юнга, то, например, три слоя др. греческой культуры:

минойского, микенского периода и, собственно, культуры классической Греции наслаиваются постепенно, но не имеют какой-то внутренней иерархии. Они просто имеют место быть в подсознании, всплывая в том или ином случае в зависимости от бытового сознания субъекта. Но в расовом бессознательном все не так. В расовом бессознательном, как это выделил Ницше, основными культами в сознании грека классической культуры являлись именно два противоположных культа: культ Диониса и культ Аполлона, которые характеризуют именно период расцвета др. греческой цивилизации. Причем, последний культ был основным в этом пантеоне богов, когда именно ему приносились жертвы в момент наиболее важных и судьбоносных для народа решений в высших ценностях сознания спартанца.

Часть XI
Процесс формирование цивилизации в мировой истории

Гл. 31
Многослойный уровень культуры

***...**me, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию Бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, - более им одаренными.*

«Апология Сократа» Платон

Понятно, что мы не собираемся культивировать ни ценности фашисткой идеологии, ни ценности идеологии большевизма по той причине, что они глубоко чужды своей тоталитарной идеологией взаимоотношений культа вождя и массы для позиции мыслящего разума. Мы лишь указываем на исторические причины, в силу которых они возникли, когда разрушительные процессы псевдоцивилизации наступают именно этими агрессивными племенными силами, сметающими основы цивилизации. Нашей задачей является необходимость создания полноценной интеллектуальной дискуссии, которая выходит за пределы того иррационального шума современного социального пространства псевдоцивилизации, который имитирует какую-то интеллектуальную «полемику». И здесь понятием «симулякр», который ввел Бодрийяр, не обойдешься. Хотя если опять возвратиться к Платону, то можно понять эту «копию копии» отображения в сознании фрактального мира от воспоминаний высших ценностей мировой истории, когда от цивилизации остаются лишь одни обломки. Интересно, что Бодрийяр обнаруживает начало псевдоцивилизационных процессов современной реальности европейской цивилизации уже в эпохе Возрождения в имитации дорогого материала более дешевым в процессах производства, и, далее, по интенсивности возрастания перехода: от цивилизации – к псевдоцивилиза-

ции: массовая копия – промышленная революция; самореферентный знак – кибернетика, информационные технологии, виртуальные миры и так далее. То, что в конце он добавляет мир фрактальной реальности как апофеоз этого распада цивилизационных связей, указывает уже на переход к новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, которая сминает старую модель цивилизации, торгово-промышленную, именно логикой действия энергии фрактального мира. Ведь Платон, разрабатывая свою диалектику, ясно показал, что копия фрактального мира не может быть подлинной, как и массовое бессознательное не может быть расовым бессознательным, а лишь его самым примитивным отображением в коллективном бессознательном.

Таким образом, Платон, как великий философ, а не как всего лишь социолог Бодрийяр, требует того, что должно быть в его идеальном государстве в качестве сознания высшего долга, который суть знание высших ценностей самосознания через метафизические процессы памяти. Иерархия – вот главный мотив диалектики философии Платона, который впоследствии характеризует практически всю историю идеализма, когда момент «вечного возращения» к исторической памяти высших ценностей исторического прошлого требует видеть за мусором материальных благ сознания неуничтожимую сущность духовного единения людей. Интересно другое. Интересно то, что Бодрийяр в поисках критики процесса распада торгово-промышленной модели ми-

ровой цивилизации, готов даже отрицать ценности великой эпохи Возрождения с ее искусством и теми великими аристократическими характерами, за счет которых, собственно, и состоялась западноевропейская модель мировой цивилизации. Однако поиск начала исторического кризиса последней модели цивилизации у Бодрийяра вполне справедлив. Социальная система начинает деградировать тогда, когда в сознании начинают преобладать исключительно монотонные энергетические потоки памяти, которые превращают реальность сознания в хаос многообразия фрактального мира. Самореферентная реальность формирует замкнутость сознания на самом себе, не давая возможность самосознанию полагать разумную действительность основой бытия. Мы видим, что эти социальные позиции ценностей постмодернизма справедливы, если исключить разумную действительность всего исторического опыта развития мировой цивилизации, а не заниматься лишь ее саморефлексией последней модели развития, торгово-промышленной.

Платон, собственно, и требует, чтобы воины и философы, которые стоят у власти в государстве, не обладали собственностью, что в этом случае высшие процессы памяти начинают зацикливаться на самых коротких воспоминаниях в подсознании, которые привязаны к хаосу локальных фрактальных последовательностей сознания, то есть тогда взаимосвязь с самосознанием исчезает. Исчезновение навыков действия самосознания неминуемо влечет за собой распад

любой цивилизационной модели, поскольку в этом случае исчезает понимание всей полноты бытия, которая неизмеримо превышает конечную жизнь человека.

В современной российской реальности псевдоцивилизации пытаются ввести понятие «олигархический политический строй», хотя такие оценки могут применяться тогда, когда политическая система обладает хотя бы минимальной взаимосвязью с высшими историческими ценностями. Но таковые здесь отсутствуют, если все-таки оценивать их с позиции разумной действительности, поскольку традиционные религиозные ценности оказываются полностью беспомощными перед разрушительными процессами псевдоцивилизации, которые глумятся над традицией, ибо последняя почти лишена возможности существования в бытовой современной реальности, где все решает другой великий миф, связанный с энергией действия научно-технического прогресса. Мы же предлагаем вернуться к великой традиции философии идеализма, преимущество которой состоит в том, что она на первом месте в образе жизни человека ставит его самосознание, а не конечность ценностей сознания, когда последние всегда являются беззащитными перед воздействием исторического времени.

Понятно, что кого-то винить в реальности существовании современной псевдоцивилизации – это безнадежное дело, поскольку ее появление есть процесс закономерный, охватывающий все народы мира, оказавшихся в поле активности

продуктов распада старой модели развития. Скорее, следует полагать, что это процесс метафизический в том смысле, что не все может объяснить сознанию какой-то миф, даже великий. Все равно история мировой цивилизации каждый раз ставит такие загадки любому типу мышления, что никакое одно поле культуры не может на него ответить, поскольку рано или поздно оказывается исчерпанным в ограниченности своего рассудочного подхода к проблеме. Здесь необходимы ресурсы разума, а они каждый раз требуют перестройки своих методов, поскольку то, что кажется разумным в старой модели мировой цивилизации, чаще всего требует тотального переосмысления в ее новой исторической модели развития.

Мы полагаем, что прорыв к новой модели мировой цивилизации должен произойти в России. Основой этого предположения является тот факт, что именно в ее культуре возникло религиозно-научное направление мысли, так называемый «космизм», который указывает на принципиально новый вектор направления исторического развития цивилизации. И то, что современная российская социальная реальность оказалась почти полностью погребена под мусором ценностей современной псевдоцивилизации, является временным явлением, связанным с временной передышкой, которая истощила духовные ресурсы нации в процессе исторического движения к новому историческому проекту. Преимущество российской культуры от других народов мира со-

стоит в том, что она первой вступила в очередные Темные века, а потому имеет более глубокий опыт существования в их реальности.

То, что мировая история прошла в начальной стадии появления очередных Темных веков известные сектантские движения: фашизма, большевизма и маоизма свой нулевой уровень, следует рассматривать как необходимость разумных законов развития мировой цивилизации, который соответствует философии нигилизма. А как же тогда многочисленные «доктора наук», которые имеют место быть в современной исторической реальности псевдоцивилизации, которые должны по идеи прояснять ситуацию в мире по отношению к разуму? Здесь мы должны понимать, что и в Темные века перехода от языческой культуры – к религиозным ценностям монотеизма тоже было много докторов наук, но от этого Темные века мировой истории не были светлее. Один доктор наук учил как искать ведьм, а другой учил о том, как отличать ангелов от бесов, но разума исторической эпохе это не прибавляло, поскольку реальные институты цивилизации стремительно разрушались, законы разумного права исчезали, а полудикие племенные инстинкты, наоборот, усиливались в человеческих коммуникациях. Аналогичная ситуация происходит и в наше историческое время, когда разговоры на уровне психологического шаманизма о коммунитаризме и разного рода дискурсы витают где-то в абстрактных представлениях о мире, тогда как уровень варваризации массо-

вых ценностей стремительно нарастает. Но за всем этим все-таки необходимо видеть не столько что-то «человеческое» в привязанности сознания к ценностям своей исторической эпохи, сколько разрыв самосознания с высшими ценностями мировой истории, то есть процесс расовой катастрофы.

Отсутствие того «человеческого», которое характеризовало старую модель цивилизации, торгово-промышленную, можно понять, учитывая, что напор новой модели цивилизации нарастает со стороны психологического воздействия энергии становления космически-технологической модели цивилизации. В аспекте этой кардинально новой психологической составляющей модели мы можем указать на психологический феномен, когда космонавты видели в космосе в иллюминаторе сотни своих визуальных образов в перспективе фрактального сознания, что указывает на вторичность ассоциативных восприятий пространства перед первичностью действия материи времени в подсознании под влиянием энергии космоса. Возможно, что в основе действия этого психологического состояния под воздействием энергии времени в космосе лежат экстремальные состояния психики, которые не типичны для естественного сознания человека в его земной системе координат, но кто сейчас может знать, что такое бессознательное не только в контролируемой области массового бессознательного, но и в сфере более глубокого бессознательного, то есть в области индивидуального самосознания?

Значит, опыт существования советского политического режима является ценным по той причине, что он является первым историческим опытом новой модели мировой цивилизации между Темными веками и ранним Средневековьем. Именно этот ценнейший опыт и не дает возможности современной российской культуре полностью раствориться в социальном пространстве современной псевдоцивилизации, по существу, заставив ее вступить с ней в противоречие. Это противоречие выражается в том, что мировой истории необходимо развиваться дальше, а не оставаться в пределах того мифологического социального пространства сознания, которое характеризует практически всю современную псевдоцивилизационную систему ценностей массового общества.

Если указать на энергию новой модели цивилизации, ликвидирующей момент разрыва с непрерывным процессом развития мировой истории, когда она выходит из процесса разрушения старой модели цивилизации, переходя в кардинально новую историческую систему координат, то речь должна идти именно о фрактальной реальности сознания, которая предстает в качестве разрушительного хаоса. В этом смысле, Бодрийяр не случайно останавливается на описании процесса распада торгово-промышленной модели цивилизации в хаосе фрактальных локальных последовательностей сознания, как последнем, максимальном этапе ее распада, когда сознание непрерывно атакуется самоподобными структурами различных информационных полей культу-

ры. В этом смысле, самосознание, состоявшееся в пространстве в пределах старых рациональных институтов, не может быть самим собой тогда, когда на него наступает момент отрицания отрицания в противоречии разума и абстрактного рассудка. Оно начинает крутиться в пределах этого хаоса, проявляя беспомощность перед историческим будущим, поскольку историческое будущее наступает со стороны разумной действительности, тогда как абстрактный рассудок не способен понимать мир как разумное целое.

Вообще, размышляя над современным геополитическим конфликтом в мировой истории, мы все-таки должны понимать, что он только косвенно относится к системе высших ценностей самосознания, поскольку эти ценности определяют ход развития мировой цивилизации с древнейших времен, показывая, что мировая история имеет свое разумное основание в истории великих идей своего развития. Это основание необходимо понять, чтобы следовать той разумной идеи жизни, которые диктуют самосознанию разумные законы мировой истории. В том узком наборе великих идей мировой истории, которые являются золотым фондом ее высших исторических ценностей, каких-то противоречий не существует по той причине, что разум не вступает в конфликт с самим собой, а только с абстрактными представлениями рассудка, которые отжили свой исторический век. Ведь тот же Бодрийяр, как и другие интеллектуалы западной Европы, существовали в противоречии с массовыми ценностя-

ми той интеллектуальной среды, которая их окружала, давая возможность хотя бы потенциальной возможности выхода к ценностям исторического самосознания.

В отличии от поисков последней мысли западноевропейских интеллектуалов, которые оканчиваются на хаосе низших ценностей фрактального мира, все-таки философия нигилизма указывает на возможность дальнейшего продвижения в новую модель мировой цивилизации со стороны идеи «вечного возвращения». В определенном смысле, это возвращение к традиции, но что понимать под традицией? Мы указываем на возвращение к историческому разуму философии идеализма, поскольку именно в нем горел огонь тех высших ценностей мировой цивилизации, которые радикально меняли ее историческое социальные структуры в процессе развития. В этом смысле, мы резко расходимся с теми чисто материалистическими позициями интеллектуальной мысли, которая способна обладать знанием только на уровне хаоса информационных потоков фрактальных последовательностей сознания.

Понятно, что в государственном строительстве Советского Союза был явный перебор со стороны отрицания возможности существования частной собственности. Но здесь нельзя не понимать причин подобного экономического перекоса, когда новейшая социальная система начиналась практически с энергии фанатизма, который не мог быть основой государства, ибо фанатизм всегда ограничен какими-то дог-

матическими представлениями о мире. Ведь базой этой государственной системы была не цивилизация, а лишь культура, когда новая цивилизационная модель лишь с огромным трудом просматривалась в этих обширных полях культуры. Однако нельзя забывать, что опыт религиозно-научного течения космизма все-таки стремился к реальному изменению основ мировой цивилизации, с какой бы стороны мы его не рассматривали: со стороны религиозного сознания или со стороны новейших научных технологий. Это направление интеллектуальной мысли имело чисто русское происхождение, будучи взаимосвязано с особенностями учения платонизма, которое перешло сюда вместе с бессознательным наследием православной религии, то есть от византийской традиции культуры. Ведь для классического самосознания др. грека, космос – это основа всего его образа жизни, мера всех вещей, по отношению к которому «человеческое» есть лишь ничтожно малое присутствие этой космической энергии жизни.

Вообще, мировая цивилизация состоит из множества слоев культуры, которые существуют в противоречии своих ценностей, когда вопрос касается реализации этих целей, например, в религиозном поле представлений о мире или в поле научных представлений. В каждом поле присутствует своя особенность энергии материи времени, которая не дает возможности абстрактной мысли смешиваться с другой системой абстрактных символов, активизирующих энергию этого

поля в подсознании. В пространственных ассоциациях воспоминаний истории этих различных культур неизбежно возникают противоречия в силу того, что бессознательные импульсы воли человека и действуют, собственно, за счет этих противоречий, поскольку биологические влечения, владеющие сознанием человека, к разумным импульсам воли не приводят, а могут лишь приводить к биологической агрессии, которая не столько разрешает противоречия, сколько переводит их на другой энергетический уровень. Последнее можно, например, рассматривать как геополитические противоречия, которые возникли перед Первой мировой войной, привели к началу Второй мировой войны, и в наше историческое время опять обострились с новой силой.

Так где же существует новейшая модель мировой цивилизации, если мы полагаем, что ее по существу нет, а есть лишь отдельные локальные проявления, указывающие на ее новейший вектор развития? Она пока существует только в нашем самосознании и в скромных попытках наиболее активных политических сил хотя бы по минимуму продвигать этот проект как, например, группа предпринимателей во главе с И. Максом. А что же российская реальность? Ведь она была первой страной, которая открыла дорогу в космос? Мы полагаем, что российской культуре необходимо разобраться со своей исторической памятью, которая пока застряла на религиозных ценностях, хотя разумные законы мировой цивилизации существуют на значительно более глубоком уровне,

в котором религиозная система ценностей – это всего лишь один из значительных эпизодов мировых исторических событий, в которых, в частности, раскрылись одни из существенных ценностей самосознания философии идеализма. Российская культура пока «спряталась» по отношению к разумным ценностям мировой цивилизации, не показывая какие-то признаки причастности к историческому разуму, поскольку разум требует отчетливой стратегии развития по отношению к будущему, тогда как мы пока наблюдаем лишь одни тактические шаги, то есть ее реальность культуры пока почти полностью отождествилась лишь с абстрактными ценностями рассудка.

Гл. 32
Направление исторического развития новой модели цивилизации

Если я не доверяю своей памяти… то я могу дополнить и обеспечить её функцию, прибегая к записи. Поверхность, хранящая эту запись, грифельная доска или лист бумаги, является как бы материализованной частью аппарата воспоминания, который я незримо ношу в себе.

Фрейд

Так были ли начала российской модели мировой цивилизации в историческом прошлом? Мы показали, что были,

указав на те личности русских интеллектуалов, которые отстаивали в ней позиции исторического разума. А есть ли мировая цивилизации сейчас в России? Мы полагаем, что есть, но только в самом зачаточном состоянии, которое ушло куда-то в глубины подсознания, хотя его понимание необходимо вытащить наружу, в реальность, и понять его основы. Здесь разговоры о «диалоге цивилизаций» мы оставляем для тех, кто разумом не обладает, стараясь спрятаться в «платья» культуры, чтобы не нести ответственность перед разумным началом мира, тем более, что края у этого матриархального платья массовой культуры очень широки, и за его прикрытием можно нести любой бред, никто за него ответственность перед памятью предков не несет.

Проблема становления новой модели мировой цивилизации состоит в том, что ее начало всегда проявляется в разрушительном действии процессов псевдоцивилизации. И проявляется оно как энергия волны расового бессознательного, которое идет из глубин психики, когда происходит глобальная перезарядка ее энергетических ресурсов в материи времени, то есть историческая переоценка великих идей мировой истории. Здесь принципиальным моментом является то, что эта энергия расового бессознательного приходит в подсознание дискретными потоками, которые каждый раз новы в своих воспоминаниях, когда разум новизны их фрактальной структуры предполагает кардинально иную архитектонику бытия. Значит, именно архитектоника бытия в ее слож-

нейшей фрактальной структуре своей объективности является той материей времени, которая определяет разумные законы развития мировой цивилизации.

Основная проблема существования мировой цивилизации в России состоит в том, что, ориентируясь на социальные процессы современной псевдоцивилизации, то есть скудные регулятивные процессы торгово-промышленной модели, она пытается создать какую-то альтернативную социальную систему. Но так не бывает. Нельзя рассуждать о какой-то политической альтернативе, взяв за основу те же социальные институты, которые действуют у твоего политического оппонента. Необходимо все-таки показывать выход из кризиса не на уровне культуры, которая всем понятна и есть у всех, но разная, а выход на уровне процессов мировой цивилизации, то есть вопросов, которые связывают мыслящую элиту народов, а не шаманов ее псевдоцивилизации.

Важнейшим моментом в понимании разумных законов развития мировой цивилизации является тот факт, что мировая цивилизации – это настолько мощный каток мировой истории, что он сминает на своем пути все, что пытается както противостоять его развитию. Она стирает: народы, государства, империи, любые промежуточные исторические цивилизационные модели, которые на протяжении нескольких веков казались в представлениях людей незыблемыми в своей социальной организации. Можно сказать, что идет непрерывная перезагрузка высших процессов памяти, которая па-

раллельно требует переоценки тех великих идей мировой истории, которые создали мировую цивилизацию. И всегда кажется, что ничто не может сломить очередную модель исторического развития мировой цивилизации, поскольку за ее судьбой стоят жизни многих выдающихся людей своего исторического времени, которые часто жертвуют жизнью для ее реализации.

Почему все-таки исследование Фрейдом процессов массового бессознательного в конце жизни заканчивается на введении нового типа влечений подсознания, энергии влечения к смерти? Мы это объясняем тем, что старый проект мировой цивилизации заканчивается в силу того, что он находит свой предел возможностей дальнейшего расширения во вне, в случае торгово-промышленной модели цивилизации – это исчерпание возможности дальнейшего расширения экономического рынка сбыта, вследствие чего начинается перепроизводство и кризис промышленности. Космические же технологии требуют такой организации мировой цивилизации, в которой не производство материальных благ, а ответ на вопрос о происхождении разума в природе человека должен переносить разумную идею жизни в область самого процесса реализации этого нового проекта ее развития. Другими словами, как и в процессе раскрытия старой модели мировой цивилизации, торгово-промышленной, где постепенно раскрылось ее разумное историческое основание в процессе новейших научных открытий в области фундаменталь-

ной науки, – в развитии космически-технологической модели мировой цивилизации должны постепенно раскрыться новейшие основы разума в природе человека. Последнее, безусловно, будет связано с кардинальной перестройкой его высших процессов психики, которые уже и в наше время стремительно подтачивает постепенно растущее взаимодействие с энергией космоса в процессах современного научно-технического прогресса. Так, именно непрерывное взаимодействие с этой энергией через действие разумной воли и перестраивает рациональную психологию человека.

Вообще, в четком различии между тем, чем является цивилизация и чем является псевдоцивилизация, очень важную роль играет перспектива ценностей. Другими словами, с какой фрактальной точки зрения рассматривать сознание реальности? И если каждое из полей культуры рассматривает его со своей стороны традиционных ценностей: религиозных, научных или политических, то мы рассматриваем его со стороны самосознания, то есть со стороны ценностей исторической логики философии идеализма. И то, что наша логика имеет мало общего с классической логикой западноевропейской философией идеализма вполне понятно. Это объясняется тем, что логика западноевропейской классической философской школы мысли была полностью ориентирована на старый проект развития цивилизации с его опорой на ценности фундаментальной науки, тогда как в наше историческое время эта ценностная система стала мифологической,

передав свои оценочные прерогативы ИИ.

Наше возвращение к философии Платона, учитывающее новейшие философские идеи Гегеля и Ницше, обусловлено тем, что оно сводится к высшей ценности космоса. Понятно, что др. греческой космос – это не современные представления космологии в новейших достижениях науки, однако основной побудительной причиной этого возвращения является переоценка позиций современной идеалистической философии, следы которой практически исчезли уже в XX веке. И особенно это важно со стороны того резкого отрицания философии идеализма, которое произвел Ницше, поскольку его мысль обладает именно философским содержанием, в отличии, например, от социологической логики мысли Маркса. Последнее различие важно тем, что любая чисто социологическая мысль привязана исключительно к проблемам и противоречиям своей исторической эпохи, тогда как философская мысль всегда работает со спецификой «вечного возвращения» к наследию предков, то есть к тем великим историческим идеям прошлого, которые определяли судьбу мировой цивилизации.

С другой стороны, возвращение к философскому наследию Платона неизбежно влечет за собой и переосмысление разумной природы государственного устройства, поскольку именно его философская мысль требовала ее строения в соответствии с природой космоса как разумного целого. В этом смысле, функция топологии фрактального целого – это есть

полнота взаимоотношений самосознания и сознания, в которых расовое бессознательное находится в противоречии с массовым бессознательным. Можно, конечно, общую энергию бессознательного называть «коллективной», как это сделал Юнг, но подобный подход к его природе ничего не объясняет кроме того, что бессознательное существует, и что оно, в основном, проявляется в мифологическом сознании. Для нас в этом вопросе важен тот факт, что великие идеи исторического прошлого существуют именно в энергии расового бессознательного, то есть в дискретных и наиболее глубоких процессах памяти, куда не проникает массовое бессознательное. А если и проникает, то исключительно для того, чтобы обесценить эти идеи. Так, в наше время можно почти на каждом шагу найти: либо подмигивающую Мона Лизу Леонардо да Винчи на каком-нибудь торговом аппарате, либо имя какого-нибудь выдающего философа на майке, или что-нибудь подобное. Все это для того чтобы великое было рядом, чтобы оно было доступно, а еще лучше, чтоб им можно было торговать. Все эти имена великих деятелей истории мировой цивилизации специально преподносятся как один из продуктов массового потребления в качестве доказательства того, что кроме низших ценностей в социальной реальности больше ничего не осталось. И действительно, в социальной реальности современной псевдоцивилизации никаких высших ценностей не осталось, когда все в этой реальности обесценилось, поскольку лишь одно сознание неспо-

собно быть причастным высшим ценностям мировой истории, ибо для этого должно действовать самосознание.

Философия Платона выделена нами для того, чтобы понять, как возникает государственная модель практически из ничего, то есть из той мистерии разрушительной энергии псевдоцивилизации, которая отображает переломные моменты мировой истории. Именно этот момент возвращения к идеальному государству Платона должен пролить свет на существования советского политического режима в XX. Понятно, что провести какие-то параллели с учением Платона об идеальном государстве и советским политическим режимом совершенно немыслимо, если следовать исключительно логике линейного процесса развития мировой истории, как, впрочем, и увидеть образ жизни религиозного монашества в философии Диогена, однако мы мыслим процессы мировой истории во фрактальной системе исторических координат, а потому обладаем такой разумной возможностью понимания.

Для философии лигаризма необходимо осмыслить, как возникает государственная модель из жесткой мистерии очередных Темных веков, когда в социальной реальности нет практически ничего, кроме родоплеменных социальных процессов и агрессии обнаженных биологических инстинктов, когда старые государственные институты не вызывают ничего кроме ненависти. Последнее, объясняется тем, что по отношению к старым государственным институтам эти племенные образования оцениваются как рабские существа, ко-

торым отведено место исключительно на социальном дне системы. Очень глубокие художественные зарисовки этой исторической реальности со стороны их психологической составляющей дает нам наследие писателя Платонова, например, в повести «Котлован», в котором художник изображает эту освобожденную энергию рабов как нечто мистическое, в чем вера, слепая агрессия созидательной деятельности смешивается с чем-то диким и бессмысленным. Но так, вероятно, всегда происходит, когда рушатся старые устои цивилизации, а на их месте возникает активность чего-то принципиально нового. Так, вероятно, было на обломках социальных образований ахейского государства или осколках Римской империи. И дело здесь не в том, что на развалинах этих старых государственных образований возникают принципиально различные по своему строению социальные структуры, а в том, что характер политических событий этого исторического периода мировой истории имеет отчетливые следы своего подобия. Другими словами, хотя культура принципиально разная, законы истории развития мировой цивилизации едины. Так, хотя социальные политические образования, возникающие на обломках империй и государств кардинально различны, поскольку учитывают особенности психологии культуры определенных народов, подобие характеризуется тем, что мы называем лигаристическими союзами.

В оценке социальной реальности существования лигаристического союза, который производит переход: от Темных

веков – к эпохе раннего Средневековья, необходимо исходить из того, что лигаристический союз отрицает внутри своей политической модели ту реальность, которая определяется исключительно ценностями сознания, поскольку сознание полностью подавлено низшими ценностями. И действительно, отрицание социальной реальности псевдоцивилизации в сознании на основании высших исторических ценностей самосознания – вот основной критерий существования лигаристического союза, который внутри своей замкнутой политической модели постепенно ликвидирует продукты распада цивилизации. Можно сказать, что лигаристический союз – это топологический узел исторического разума мировой истории, который производит необходимое напряжение воли к власти в пространстве, в котором признаки разумной действительности отсутствуют. В понимании структуры лигаристического союза следует понимать, что он не может выражать какие-то замкнутые религиозно-сектантские отношения между вождем и массами, которые возникают в первый момент разлива этих орд на территории разрушенных государственных образований. Такие социальные структуры возникают только в первый момент разлива этих орд, когда везде и во всем доминирует эта демоническая сила дионисийской мистерии. В ней вождь и масса едины в своем агрессивном потоке своей веры, которая крушит все на своем пути, поскольку в процессе перезарядки высших процессов памяти происходит момент забвения самосознания человека, то

есть возможность обладания своей разумной индивидуальностью за исключением того поля культуры, в котором в данный исторический момент времени доминирует официальная идеология великого мифа.

Вообще, в необходимости осмысления структуры лигаристического союза, мы должны согласиться с социологом Поппером, который утверждал, что социальная структура должна быть «открыта» для взаимодействия со всей сложностью происходящих процессов в реальности. Однако эта «открытость» не должна включать в себя процессы распада цивилизации, то есть энергию псевдоцивилизации, которая дегенерирует высшие процессы психики, и, как следствие, блокирует метафизические процессы подсознательной памяти. И блокирует эти метафизические процессы эмпиризм ассоциативного восприятия пространства, в котором время предстает как исключительно что-то «человеческое», то есть то, что является исключительно моим, хотя на самом деле оно принадлежит метафизическому началу мира.

Сложность отделения социальных процессов псевдоцивилизации от разумных процессов цивилизации выражается в их внутренней глубочайшей взаимосвязи. Это антиподы, наиболее противоречивые состояния психики, которые всегда текут рядом. Что говорить, если признаки присутствия псевдоцивилизации можно найти даже рядом с одним из наиболее выдающихся полководцем мировой истории, А. Македонским, в его окружении? Другое дело, что великая

историческая идея в процессе своей реализации не дает возможности этим процессам псевдоцивилизации выйти из-под контроля. Значит, именно великие идеи и великие события в истории развития мировой цивилизации блокируют внутренние процессы ее распада, то есть отображают характер развития мировой истории в их проекции на высшие ценности самосознания.

Мы исходим из того, что позднейшая психоаналитическая идея влечения к смерти, появившаяся в теории Фрейда, является в действительности оценкой конца мировой истории торгово-промышленной модели развития мировой цивилизации. И действительно, куда двигаться дальше в объективно разумном познании внешней природы, если даже необитаемые острова в океане на Земле стали комфортабельными местами отдыха? Бытовая реальность объективности сознания, когда больше внешняя природа не угрожает человеку какой-то зловещей силой своей непредсказуемости – вот что стало тупиком развития рациональных коммуникаций старой модели развития. Нет настоящего риска для жизни, который бы ставил человека на грань какой-то метафизической неизвестности исторического будущего, где невозможно предсказать все моменты исключительно сложной системы вероятного исхода событий, – это то, что стало приговором метафизической энергии уходящей модели развития, которая стала в наше время демонстрировать признаки псевдоцивилизации. И здесь мифологией псевдодемократи-

ческих ценностей не обойдешься, поскольку эта логика философии гедонизма ведет только в исторический тупик.

Принципиально то, что в самом понятии «лигаристический союз» присутствует противоречие на уровне формальной логики, поскольку диалектика фрактальных событий мировой истории и строится, собственности, на крайностях противоречий того, что существует в ценностях самосознания и того, что существует в ценностях сознания реальности. Самосознание всегда отрицает реальность сознания, но не ради какой-то софистической выгоды самоценности действия противоречия в логике мышления, а чтобы удержать все противоречивые позиции различных полей культуры в из разумной целостности. Поэтому в основе лигаристических союзов, которые Платон полагал основой государственного устройства, должны лежать ценности самосознания, а не сознания, которые в наибольшей степени подвергаются воздействию социальных процессов псевдоцивилизации. «Человеческое» в данном случае остается где-то в стороне, поскольку влияние космического ритма на подсознание неизбежно разрушает все промежуточные модели развития мировой цивилизации, начиная с момента ее исторического возникновения, заставляя постоянно перестраивать высшую систему ценностей, которая бы удовлетворяла данному историческому моменту времени.

Гл. 33

Действие великой исторической идеи после переоценки ценностей

Мировой цикл уже бесконечное число раз повторил самого себя, и эта игра будет происходить бесконечно.
Ницше

Как раскрывается великая идея в процессе развития мировой истории не дано знать никому, поскольку мировая история – это не технический аппарат, который послушно выполняет операции рассудка человека, ограниченного каким-то конечным набором представлений о реальности, то есть массивом данных известной изначальной информации Так, практически ничего не указывает на возможность проведения какой-то исторической параллели между идеальным государством Платона и советским политическим режимом власти, за исключением идеи об отрицании собственности у элиты политической власти. Но в истории мировой цивилизации, как мы пытаемся показать, все происходит не так, как это мыслится в ограниченности того или иного поля культуры на уровне абстрактной схемы рассудка. Пройдя определенный путь своего исторического развития, великие идеи мировой истории способны всплывать из подсознательных глубин памяти совершенно неожиданно, становясь опорой принципиально новых политических сил мировой исто-

рии.

Когда Гегель утверждал, что основные идеи идеального государства Платона уже реализовались в истории мировой цивилизации, то был прав только отчасти, поскольку он исходил из линейной концепции мировой истории, опиравшийся на научно-технический прогресс. Но в истории мировой цивилизации все в действительности значительно сложнее. Если рассматривать разумные законы мировой истории не со стороны ее последнего великого мифа, который все события требует обосновывать достижениями прогрессивного научного знания, то перед нами возникает динамическая картина, которая воспринимается как некое фрактальное целое, которое бесконечно меняясь внутри себя, не меняет свои основные элементы этой целостности. Актуальность исторической переоценки строения идеального государства Платона, в которой философы и воины не должны иметь частной собственности, определяет начальные основы государственного устройства, когда оно с огромным трудом избавляется из-под власти родоплеменной психологии, поскольку спартанская психология, исторически, действительно выделилась из агрессивной энергии дорийских орд. Но мы полагаем, что эта концепция становления государственного устройства Платона может быть распространено далеко за пределы чисто европейского опыта, уходя в отдаленные события мировой истории, где философии как таковой не существовало, но уже существовал опыт энергии расового

бессознательного, в котором передавались высшие ценности исторического прошлого.

Таким образом, известную мысль Гегеля, что «все события повторяются до досадного регулярно», мы должны понимать, как тот факт, что каждая конкретная великая идея способна в очередной раз прояснить сущность исторического разума в данную историческую эпоху. И переоценивает эту великую историческую идею не сознание реальности, которое инертно по отношению к критическим способностям разума, а расовое бессознательное, которое определят разумный ход мировой истории. Именно оно отсеивает те незначительные события и ценности жизни человека, чье содержание невозможно сохранить в расовой памяти. Конечно, в коллективном бессознательном подсознание способно удерживать любой исторический мусор прошлого, действуя как современные аналитические возможности ИИ, но коллективное бессознательное индифферентно по отношению к возможностям иерархии ценностей. Как ИИ собирает весь информационный массив исторической памяти культуры, структурируя его в качестве определенной аналитической задачи в пределах представлений логики исключительно абстрактной реальности, так и расовое бессознательное, наоборот, выстраивает исторические ценности в соответствии с потребностями и нравами современной исторической эпохи в разумной действительности.

Вообще, мы идею о развитии абсолютной свободы в фи-

лософии Гегеля расширяем до более значительного исторического масштаба, полагая, что человек свободен уже не просто как земное существо, но и как существо, освобожденное от какой-то привязанности к земному. Именно этот принципиальный момент характеризует резкий поворот: от ценностей торгово-промышленной модели цивилизации – к ее космически-технологической модели развития, поскольку сознание земной реальности, в том числе и сознание исторических событий мировой истории, начинает бесконечно удаляться от самосознания человека в качестве чего-то «человеческого». И это удаление, о котором Ницше рассуждал как о любви к дальнему, предполагает, что земное, как, например, в психологии монашеских орденов, должно бесконечно удалиться на дистанцию, которая необходима для суровости проявления духа при строительстве новой модели мировой цивилизации, если мы рассматриваем момент перехода: от языческой цивилизации – к ценностям религиозного монотеизма, совершенно неожиданно возвращая самосознание к ее смутной постановке в философии киников. Это «дальнее» предполагает восстановление утраченной иерархии ценностей в самосознании, которое всегда происходит после каких-то глобальных потрясений, сопровождающихся разрушением знакомых представлений о реальности. Другое дело, что в отличии от образа монашеской жизни, жизнь в космических поселениях действительно становится не земной.

Гегель, рассматривая историю мирового духа, строит линейную концепцию мировой истории, ограничивая судьбу самосознания человека исключительно развитием мировой цивилизации на Земле. Мы же расширяем понимание истории мировой цивилизации на самые отдаленные ее исторические события, которые, что вполне вероятно, необходимо продолжить и за пределы начальной их точки возникновения в цивилизации шумеров. Право на это расширение нам дает взаимосвязь с духовным наследием памяти предков, которое отображает историю великих идей развития мировой цивилизации как присутствующую здесь и теперь. Но если оценить характер действия этой памяти с научной точки зрения, то речь должна идти о различных фрактальных последовательностях течения ее в подсознании, локальных, если мы оцениваем его с позиции какого-то поля культуры, или глобальных, если мы рассматриваем понимание мира как разумного целого.

Следовательно, мировая цивилизация является многослойным уровнем мировой культуры, в котором перемешаны различные уровни подсознательной памяти наследия исторического прошлого, которые способны вступать в аналитический диалог с настоящим через эти различные поля культуры. Но различие этих полей культуры исключает их целостность, если отсутствует достаточная энергия единства связей мировой цивилизации. Поэтому и стали в наше время рассуждать в социальном пространстве мировой

псевдоцивилизации о «диалоге цивилизаций» (С. Хантингтон), что отсутствие разума в социальной системе этой псевдоцивилизации предлагает не двигаться вперед в решительности исторического развития, что в любом случае характеризует единство разумных индивидуальностей в каком-то общем историческом проекте, а лишь человеческие разговоры на уровне ценностей абстрактных представлений о мире. Проблема состоит в том, что нарастание иррациональных процессов современной псевдоцивилизации предполагает возможность катастрофического развития дальнейших исторических событий, поскольку, если разум утрачен, то социальная система неминуемо себя самоуничтожает. Это самоуничтожение, которое характеризует самоликвидацию практически всех известных исторических моделей цивилизаций, обусловлено необходимостью возвращения к природной непосредственности естественного сознания человека как биологического существа. Можно также заметить, что любая модель мировой цивилизации требует необходимости мобилизационного ресурса непосредственного образа жизни человека.

Таким образом, критика Аристотелем и Гегелем того факта, что Платон требует исключить право на собственность у философов и воинов, стоящих у власти в государстве, справедлива только отчасти, поскольку в момент выделения государственных структур в эпоху Темных веков, то есть, можно сказать, из небытия исторической реальности, когда в ней

еще в полной мере доминируют родоплеменные инстинкты, историческая необходимость требует именно логики государственных ценностей Платона. Ведь государственная система, лишенная разумных оснований, начинает сыпаться не случайно. Методы восстановления государственной системы у Платона требуют мобилизационного характера, потому что псевдоцивилизационные процессы размывают разумное целое.

Наше историческое время, которое характеризуется, в основном, доминированием в социальной реальности ценностей псевдоцивилизации, демонстрирует исторический факт утраты старой моделью исторического развития мировой цивилизации разумной идеи целого. Все мировые культуры изолировались, стараясь отстаивать те ценности сознания, которые удовлетворяют их изолированной структуры целого, при этом пытаясь реагировать на процессы псевдоцивилизации по минимуму. Однако подобная изоляционистская политика, определяющая отсутствие разума в системе, в конечном счете ведет ее к распаду, поскольку человек не может существовать без разумной идеи жизни, а она исключается, если доминирует лишь какая-то одна мифологическая система представлений о ценностях.

Значит, возврат исключительно к природной непосредственного сознания реальности, в которой утрачивается иерархическая позиция самосознания, неизбежно приводит к коллапсу любую цивилизационную модель, поскольку, ре-

ализовав свою историческую цель в мировой истории, она теряет свой заряд воли к власти, то есть способность быть авангардной силой процессов развития мировой истории. Именно по этой причине современный проект торгово-промышленной модели мировой цивилизации перешел уже в отчетливую реальность процессов псевдоцивилизации, что внутри ее социальной модели исчезли противоречия: между разумной индивидуальностью человека и массовым сознанием. Мы все-таки должны понимать, что результат переоценки исторического позиций в реальности разума дает всегда неожиданный результат в качестве действия великих идей исторического прошлого, которые каждый раз выявляют свою неожиданную энергию взаимосвязи с духом мировой истории.

В вопросе возникновения, утверждения и, наконец, коллапса очередной модели развития мировой цивилизации, необходимо понимать, что периодический возврат к природной непосредственности сознания, к так называемому «естественному» состоянию человека в мировой истории неизбежен, будучи обусловленный тем, что у человека есть не только разум, но и то природное существо, которое способно воспринимать разумный мир только ограниченно по отношению к его максимально сложной структуре. Главное, что мы должны понимать, – это исторический факт, что новая модель мировой цивилизации наступает со стороны очевидных процессов псевдоцивилизации во всех областях че-

ловеческой жизни, когда резко падает, в первую очередь, критический уровень рационального мышления, поскольку рациональное мышление является производной от доминирования очередной модели цивилизации в качестве исключительной целостности понимания разумной действительности.

В определенной степени «диалог цивилизаций» можно рассматривать как диалог какой-то замкнутой системы ценностей культуры исключительно с ограниченностью собственных представлений о мире, поскольку для разумного диалога необходим не монолог, а именно диалог, тогда как ограниченность любой культуры его отвергает, допуская признание лишь тех ценностей, которые она культивирует в своем пространстве. Поэтому и возникла в наше историческое время необходимость формирования новой модели цивилизации, космически-технологической, что этот диалог возможен в наше время только в качестве совместного участия различных культур народов в проекте строительства космических поселений, в которых уже на технологическом уровне психологически отрицаются земные ценности жизни. Именно этот момент смещения центра мировой цивилизации в сторону совместного строительства ее космической модели и предполагает какую-то возможность разумного диалога, а не разрозненных монологов в пределах ограниченных возможностей той или иной культуры ценностей.

В вопросе исторической необходимости возникновения

новейшей исторической модели цивилизационного строительства необходимо понимать, что этот поворот осуществляется не столько в чем-то «человеческом», сколько в самой неизвестности нового проекта развития мировой цивилизации, когда вся известная система современных представлений о мире человека должна измениться радикально. И это радикальное изменение будет неизмеримо более жестким, чем, например, переход от средневековой психологии человека, внутри которой зародились ценности эпохи Возрождения, – к зачаткам торгово-промышленной модели мировой цивилизации, поскольку здесь речь идет лишь о переходе одной цивилизационной модели к процессу внешней экспансии. Так, переход от одной модели цивилизации – к другой модели должен иметь более глобальный характер, как, например, переход от языческого мира – к ценностям религиозного сознания монотеизма. Он должен характеризоваться тотальным сломом всех предшествующих социальных структур, на основе которых формировались старые социальные институты, и в этом смысле движение большевизма продвинулось далеко вперед, то есть, с точки зрения метафизических процессов действия в подсознательной памяти, объективно развернуло в реальности наиболее активные разрушительные процессы псевдоцивилизации. Значит, именно массовое бессознательное в энергии коллективного бессознательного крушит старые социальные институты, когда начинается процесс становления новой модели цивилизации,

причем крушит именно в энергии псевдоцивилизации, поскольку одним из его основных признаков является ликвидация иерархии самосознания высших ценностей разумной индивидуальности человека.

Что же восстанавливает основополагающие структуры мировой цивилизации после этого погрома псевдоцивилизационными процессами? Мы полагаем, что их восстанавливает возвращение самосознания к высшим историческими ценностям, которые, вследствие своей переоценки, получают другую жизнь в исторической реальности. Да, результат этой переоценки может в первый момент поражать неожиданностью своего проявления в реальности, но он неизбежен тогда, когда мировая история вступает в следующий исторический цикл своего развития. Подобная переоценка происходит в качестве неизбежности возвращения к наследию предков, когда взаимодействие с этим наследием требует не просто естественного хода течения воспоминаний, как в коллективном бессознательном, а напряжения функций рациональной психологии человека, которая действует по другим законам. Эти законы предполагают наличие в самосознании иного мира, чем тот, который существует в сознании, когда разумная действительность сминает энергией воли зависимость сознания от биологического мира, показывая, что он есть лишь слабая тень от движения самосознания в энергии высших ценностей.

В отличии от энергии коллективного бессознательного, в

котором вопрос о наличии разумной индивидуальности есть лишь один из симулякров в системе ценностей массового сознания, энергия расового бессознательного, которая течет в метафизических процессах памяти, блокирует массив низших ценностей в силу того, что она ориентирована на новейший проект развития мировой цивилизации. Другими словами, эпицентр мировых исторических событий необходимым образом требует восстановления с наследием высших ценностей, когда разум выделяется из потока абстрактных представлений за счет их опосредствования в переоценках исторического прошлого со стороны новейшего проекта развития мировой цивилизации. Можно сказать, что исторический вектор разумного течения мировых событий всегда существует, но он существует как лигаристический тензор, то есть как некий динамический массив фрактальных последовательностей движения образов памяти, которые соединены не столько в сознании реальности, сколько в фундаментальных фрактальных последовательностях ритма космоса, который заметает все земное, то есть те незначительные воспоминания, которые определены исключительно бытовым образом жизни человека.

Таким образом, чистая абстракция – это отработанный шлак разумной мысли, которую ИИ способен переработать в качестве полезной информации в том смысле, что способен найти вероятностную логику этой абстракции и связать ее с каким-то определенным полем мировой культуры. Однако

подобные примитивные связки могут помочь только в качестве анализа чего-то известного в сознании, что уже утвердилось в качестве балласта мысли, которая дает возможность лишь ознакомиться с проблемой, но не решить ее, если проблема существует в области загадки метафизического мира. Попытка переложить рациональные способности мышления на действие ИИ предполагает, что функция топологии фрактального целого действует за пределами известного информационного знания культуры. Разумная действительность есть отображение космического ритма в подсознании, постоянно вырывая импульсы воли из энергии влечений, с которыми взаимосвязаны конечные представления о реальности в сознании, а потому расовое бессознательное, в отличии от коллективного бессознательного, действует избирательно, не давая возможности смешивать низшие и высшие ценности, то есть сохраняя иерархию разумного понимания мира.

Значит, чтобы существовала мировая цивилизация не в качестве отработанного шлака ценностей псевдоцивилизации, а в качестве разумной действительности мира, необходимо такое пространство социальных коммуникаций, в котором существует неизвестность следующего момента исторического времени во всей максимальной сложности этой неизвестности исторического события. Но тогда эта неизвестность может существовать только в энергии материи времени, поскольку любые ассоциативные связи простран-

ственных представлений о мире уже заранее могут быть просчитаны в вероятностной системе аналитиченских возможностей ИИ. В результате, псевдоцивилизация воспроизводит весь известный массив ценностей сознания культуры, вновь и вновь перезагружая его как перезагружается начальная информация в действии ИИ.

Возвращение к философскому наследию Платона предполагает, что его Демиург, который сотворил вечную природу космоса, является творческим началом жизни, где архитектоника бытия становится предметом не столько аналитических способностей абстрактного рассудка, сколько способностью через первообраз творческого акта бытия отобразить максимальную сложность действия энергии материи времени. В этом смысле, учитывая субъективность действия разума в хаосе информационных потоков локальных фрактальных последовательностей, действующих в сознании, которые дают возможность представлять мир, целое все равно остается за пределами этой локализованной картины реальности. Значит, хаос, который становится реальностью сознания социально-политических процессов псевдоцивилизации, всегда неизбежен в момент перехода от действия глобализма одной модели мировой цивилизации – к глобализму принципиально новой модели развития.

Одним из основных моментов нашего внимания к философии Платона прямо следует из философии нигилизма Ницше, который указывает на историческую необходимость

исторического переосмысления всего пути развития истории европейской цивилизации, начиная с первых моментов ее появления, когда она стала отделяться от своих подражательных полей культуры. Именно в этом вопросе возникает принципиальная переоценка истории философии идеализма, которая необходима для того, чтобы понять дальнейшей ход развития мировой цивилизации с позиции ее разумных законов. Ведь досократический период Др. Греции, который анализировал Ницше, еще не дает каких-то признаков возможности расширения ценностей до мировых, поскольку в это время еще не существовала позиция Сократа в качестве разумной позиции самосознания. С другой стороны, философию нигилизма Ницше мы вполне можем соотнести во фрактальной системе исторических координат с деятельностью софистов, которые сделали основой своей социальной активности энергию логических противоречий, с которой сталкивается абстрактный рассудок, пытающийся противопоставить наследию традиции – вступление самосознания в принципиально новую модель развития мировой цивилизации. Понятно, что этот момент соотнесения есть не прямая линия закономерности движения логики абстрактного рассудка, а уже переработанная в истории расового бессознательного новейший результат философии идеализма, который отрицает сам себя в том, что не соответствует современному духу времени.

Часть XII
Цивилизация – это то, что существует за поверхностью мифологии культуры

Гл. 34

Основная проблема XXI – мифология вместо разумной действительности

Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе — это варвар, т. е. существо инстинктивное.

Лебон

Основная проблема современной социальной реальности в мире состоит в том, что вместо событий разумной действительности, которые можно было еще в некоторой степени наблюдать в конце XX века, в сознании людей остались одни только мифы по отношению активности в самосознании высших ценностей мировой истории. Понятно, что их качество различается, как, впрочем, и разная мера влияния на массовое сознание, но суть дела от этого меняется. Когда не происходит каких-то разумных исторических событий, цивилизация неизбежно резко переходит в состояние псевдоциви-

лизации. Этот переход характеризуется напряженной работой высших процессов психики, в которых расовое бессознательное ищет переосмысленную идею разумной жизни человека. Мы выделяем два великих мифа в современном массовом сознании, которые существуют в остром противоречии, во многом ставшим в наше историческое время причиной резкого геополитического обострения ситуации в мире: миф о божественном творении мира, который отстаивает религиозное сознание, и миф о научной познаваемости мира, который характеризует современные ценности научно-технического прогресса. Впрочем, этот геополитический конфликт существует не в поле ценностей мировой цивилизации, а в поле активности псевдоцивилизации, когда низшие, а не высшие ценности становятся причиной конфликта.

Мы не собираемся вступать в какое-то противоречие с этими двумя великими мифами мировой истории, поскольку разум философии идеализма в полной мере впитал их существование в историю своего развития, а лишь показываем, что для перехода к новой модели развития мировой цивилизации, космически-технологической, эти мифы существуют несколько в стороне от новейшего исторического пути будущего. Почему мы не вступаем в конфликт с этими двумя фундаментальными великими мифами мировой истории? Причина состоит в том, религиозная идея о вторичности земного сознания человека со стороны исторической необходимости построения новой модели мировой цивилизации,

космически-технологической, по существу, равносильна реальной энергии активности человечества в развитии научно-технического прогресса, которое требуется для выполнения этой исторической задачи. В данном вопросе наша позиция полностью совпадает с позицией русского космизма. Другое дело, что сам русский космизм не выходит за пределы этой мифологии, тогда как разум требует присутствия в том, что существует за пределами мифов.

Значит, нашей задачей было показать отличие между цивилизацией, в которой существует разумная действительность мировой историей, и теми полями культуры, в которых ее реальность всегда ограничивается процессами псевдоцивилизации. Последняя, можно сказать, всегда идет по пятам разумной действительности, стараясь упростить ее сложнейшую природу, выдав какие-то упрощающие рецепты жизни, в которых разумная идеи жизни отсутствует. В этом смысле, культура – это то, что всегда позади, что нашло какой-то компромисс с процессами псевдоцивилизации, чтобы не усложнять жизнь в познании ее наиболее сложных явлений и процессов. Поэтому какие бы катастрофические события не происходили в мировой истории, псевдоцивилизация и культура всегда находят компромисс, чтобы жизнь продолжалась несмотря ни на какие-то острейшие противоречия в познании разумной идеи жизни. В конце концов разумность идеи жизни всегда можно просто отбросить и назвать «разумом» любую мелочь целей человеческой жизни, или поднять

ее до более значительных целей: денег, политической власти, стремления к научным открытиям, служение Богу и т.д.

Понятно, что очень тонкие различия между тем, что разумно и что неразумно, легко классифицировать с позиции устойчивых представлений о мире, но это только при условии, что в мире доминируют рациональные коммуникации между людьми. Когда же они исчезают, острота противоречий между различными полями культуры начинает предельно обостряться, поскольку исчезает то сознание целого, которое может существовать только при условии действия разума в непосредственной жизни человека. Опасность ошибки в понимании разумных процессов развития цивилизации прямо проистекает из желаний определенной культуры сделать разумной только ее поле ценностей, а другие поля признать неразумными, обосновывая это истинностью своих ценностей. В этом смысле, ограниченность любого поля культуры, с другой стороны, дает возможность для социальной коммуникации подавляющему числу людей, которые в силу различных причин не стремятся к полноценному пониманию мира, используя максимально упрощенные схемы ее понимания. Собственно, полноценная философская мысль, с момента своего исторического возникновения, всегда характеризовалась необходимостью исключать в своей логики какую-то одну систему ценностей культуры, поскольку последнее всегда приводило к какому-то догматизму мысли.

То, что упорно навязывается мифологией социальных

ценностей массовому сознанию в качестве «цивилизации», – это почти тоталитарное представление о том, что стабильность этих социальных массовых представлений во времени и есть закон для всех, кто причисляет себя к ней. Но так было всегда, когда какая-то система социальных представлений заявляла о свой «вечности» во времени, тогда как проходило определенное историческое время, и от этих социальных представлений мало что оставалось. Последнее, объясняется тем, что происходит постоянная перестройка рациональной психологии человека, которая сопровождается переоценкой ценностей, то есть эти временные социальные представления и социальные институты, выражающие их в реальности, ограничены в историческом времени мерой соответствия активности разума в данный момент действию воли человека. Чем больше разумного содержания в активности действия воли – чем меньшее энергии биологических влечений воздействует на его сознание, поскольку ассоциативная система воздействия внешнего пространства ослабевает, и воля становится максимально свободной. Именно в этом вопросе проявляется роль выдающейся личности в мировой истории, в которой две равноценные составляющие меняют ее ход развития: либо – энергия действия великой идеи на реальность, что, учитывая характер нашей работы, выражает позиция Диогена, либо энергия великой воли, что соответствует политической энергии А. Македонского. Но эти два «сосуда» расового бессознательного являются сообщающи-

мися, что, собственно, понятно для А. Македонского, но не для его спутников. Это сравнение иллюстрирует тот факт, что цивилизация и псевдоцивилизация всегда существуют рядом, но в разных пропорциях долей в реальности.

Если мы поставим в соответствие псевдоцивилизации систему мифов своего исторического времени, то не ошибемся. Мифология – это угасающий шлейф действия великой идеи в реальности, который показывает, что в определенный исторический момент времени здесь существовал разум мировой истории. Впоследствии разум перемещается в новую энергетическую действительности материи времени, в результате чего комплекс великих исторических идей прошлого начинается переоцениваться с принципиально другой исторической позиции самосознания, и так далее. В конечном счете, великая идея, отгорев в первый исторический момент своего появления, начинает превращаться в жесткий мифологический чип сознания, который заглушает любую попытку самосознания быть частью разумной действительности мировой истории. В этот момент мрак человеческой жизни максимально сгущается, поскольку этот чип конечных мифологических представлений о реальности блокирует любую альтернативную картину реальности. Например, в момент перехода от язычества – к становлению религиозных ценностей монотеистических религий – это исключительность ценностей Ветхого Завета, а в наше историческое время – ценностей научно-технического прогресса.

Этот мрак является максимальным расширением исключительно одного поля культуры, в наше время – научного, которое требует все остальные поля подчиняться своей логики ценностей. Понятно, что и наличие чего-то священного в жизни человека должно существовать на уровне его подсознания, так и ценности фундаментальной науки необходимо должны развиваться как одна из важнейших составляющих понимания разумной действительности мира; однако, как мы полагаем, дальнейшее развитие космически-технологического проекта развития мировой цивилизации должно дать для существования рациональной психологии что-то принципиально новое в результате фундаментальной переоценки ценностей.

Особенностью философии идеализма всегда было то, что она искал в истории основания, которые не могут быть разрушены во времени, то есть то, что выходит за пределы социальных представлений своей исторической эпохи. Причем, в отличии от различных ценностей любого поля культуры, чьи предпосылки всегда прослеживаются в событиях мировой истории как ее мировые линии событий: религиозные, научные, экономические или политические, философия идеализма ставила акцент на самой логике противоречий: между сознанием и самосознанием как движущей силе мировой истории. Диалектика противоречий: реальности в противоречии с разумной действительностью – это краеугольный угол развития логики философии идеализма. Причем, очень ча-

сто, то, что вызывало раздражение у современников, в силу ограниченности мифологических представлений культуры определенной исторической эпохи, которая владела их сознанием, а именно новейшие идеи философского понимания мира, впоследствии становились основанием внутренних процессов развития мировой цивилизации. Отрицание социальных ценностей – у Диогена, идеальное государство – Платона, оценочная система вместо исключительной опоры философии на научное знание – у Ницше. В этом смысле, наше понимание расового бессознательного, как некой энергии материи времени, в которой происходит переоценка ценностей в самосознании, скорее относится к новейшим научным открытиям будущего, которые должны произойти в результате развития космически-технологической модели мировой цивилизации.

В аспекте учения Фрейда о бессознательных процессах психики для нас важно понимание, что, оставаясь на позициях научной мысли, он указывает на некие процессы человеческой психики, которые уходят далеко в историческое прошлое, которое значительно древнее истории развития европейской цивилизации. И действительно, как и Ницше, Фрейд искал поиски перехода от наступающей псевдоцивилизации социальной реальности – к предпосылкам ее новой модели в том, что указывает на самые отдаленные события мировой истории, когда европейской цивилизации еще не существовало. В этом смысле, необходимо понимать,

что любая новая модель цивилизация должна иметь взаимосвязь с наиболее отдаленными событиями мировой истории, когда эстафета рациональных коммуникаций, хотя и сопряжена с периодом катастрофических событий расовых катастроф, неизбежно восстанавливает свои позиции во внутренних процессах мировой цивилизации спустя некоторое время, но уже на принципиально новых рациональных основаниях. Таким очень глубоким проникновением в процессы очень отдаленных событий мировой истории со стороны анализа бессознательного, можно полагать у Фрейда внимание к реформам фараона Эхнатона, который ввел еретический культ монотеизма бога Атона.

Таким образом, мировая культура – это слоеный пирог всего многообразия коллективного бессознательного, о котором рассуждал Юнг, где мифологические ценности культуры всегда наиболее активны на поверхности человеческих представлений о мире. Архетипы коллективного бессознательного, в данном случае, являются той поверхностью инстинктивных реакций подсознания на пространство массовой культуры, которое характеризуется максимальным понижением критического разумного мышления человека. Это, можно сказать, сон разума, в котором сознание бредит наяву, при этом обладая способностью рассуждать и оценивать происходящее со стороны той абстрактно социальной схемы рассудка, которая доминирует в определённую историческую эпоху. Главное, что отсутствует в учении коллектив-

ного бессознательного у Юнга – это конфликт самосознания с ценностями сознания, то есть конфликт авангардных идей развития мировой цивилизации с социальными представлениями своей исторической эпохи, или конфликт цивилизации – с ценностями культуры.

А что же остается, если исключить мифологические представления современной псевдоцивилизации о «демократических ценностях» как реальности «цивилизации»? Остаются лишь Темные века, которые обнажились со всей своей зловещей силой в XXI веке, поскольку теперь мировой цивилизации угрожает не просто очередная война, а возможность реального исчезновения вследствие ядерного конфликта. И в этом вопросе, можно заметить, российская идеология в геополитической реальности пока выглядит очень слабо на мировом уровне, если все-таки предположить, что она имеет место быть. Так, можно наблюдать, что в современной идеологической борьбе вспыли старые клише сектантских учений: фашизма и большевизма, которые в наше время многие пытаются реанимировать, чтобы показать превосходство своей идеологической массовой системы. Мы же утверждаем, что эти сектантские идеологические системы не выходят за рамки массовой культуры, а массовая культура, в свою очередь, не выходит за пределы энергии псевдоцивилизации. Поэтому можно констатировать, что современная реальность псевдоцивилизации едина для всего мира, испытывая резкий дефицит великих идей, которые дают новый

внутренний исторической импульс развития мировой истории, что характеризует дальнейший процесс исчезновения цивилизации на фоне все более активных признаков псевдоцивилизации.

То, что характеризует современные нравы массового сознания, является непрерывным процессом усиления воздействия подсознательных биологических влечений на сознание, когда возможности развития рациональной психологии оказываются резко блокированными шумом масс-медиа, чья шумовая завеса диалогов за пределами разума все больше скатывается к какому-то придурковатому сознанию реальности. Парадокс состоит в том, что постоянно усиливающееся состояние слабоумия, которое характеризует эту шумовую завесу, никак не мешает стремительному развитию научно-технического прогресса. Последнее, объясняется тем, что острота действия великой идеи в первый момент его появления постепенно начинает спадать, она начинает социализироваться на уровне бытового сознания, то есть великая идея начинает трансформироваться в великий миф, а миф не способен вырабатывать основы рациональной психологии человека. В результате, происходит очередная переоценка ценностей сознания реальности, то есть поиск новых великих идей развития мировой цивилизации, а по существу глобальная перезагрузка расового бессознательного, то есть подготовительная работа по становлению развития принципиально новой модели ее развития.

Значит, мифологические представления о реальности, которые также можно рассматривать и как коллективное бессознательное, всегда присутствуют в цивилизации своей негативной стороной реальности. Они сглаживают конфликт: между сознанием и самосознанием, поскольку процесс перестройки понимания высших ценностей мировой истории является очень болезненным на соматическом уровне, отнимая много психологических ресурсов, необходимых для участия в рациональных процессах развития мировой цивилизации. Поэтому переоценка ценностей – это, можно сказать, острие наиболее глубоких идей, воздействующих на процессы цивилизации со стороны рациональных способностей познания, когда разум каждый раз выступает с неожиданной стороны своей природы. Именно неожиданность, противоречивость разумной мысли, проявляющей себя в диалектики взаимоотношений реальности и разумной действительности, и является внутренней пружиной развития процессов мировой истории.

Можно сказать, что цивилизация – это высшая культура, которая действует по разумным законам, нарушая движение сознания по абстрактным схемам знакомых представлений рассудка о реальности. Понятно, что в современной массовой культуре иное понимание сущности цивилизации, которое мы оставляем для реальности существования псевдоцивилизации, поскольку пока реальность сознания человека принадлежит именно ценностям псевдоцивилизации, а не

цивилизации. Массовое, то есть неразумное, выражая процессы распада цивилизации, стремится активизировать в сознании человека такие ценности, которые максимально понижают высшие исторические ценности: до дешевых уличных плакатов, до торговых марок, до использования в чем-то бытовом, то есть не требует каких-то усилий понимания происхождения разумной природы мира, а требует лишь принять к сведению факт существования реальности.

Гл. 35

Разумные перспективы будущего

Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей.
Лебон

После агрессивного резкого возврата к чему-то первобытному, что характеризует первый момент обоюдоострого процесса: обвала старой модели цивилизации и признаков становления ее новой модели, который можно было наблюдать в исторических событиях XX, неолиберальная реальность ценностей попыталась дезавуировать эти события, возвратив процессы развития к единственности ценностей торго-

во-промышленной активности цивилизации. И во многом это ей удалось вплоть до последнего времени, когда эти провалы цивилизационного процесса неожиданно вскрылись в новейшее время. Но в наше время скрывать этот процесс резкого обвала рациональных коммуникаций стало практически невозможно. Мы видим, что деньги и финансовые институты постепенно становятся частью того мифологического сознания реальности, которое с огромным трудом пытается остановить процесс обвала старых институтов цивилизации, связанных с ее торгово-промышленной моделью развития. Так, финансовая система всегда начинает рушиться тогда, когда разум определенной исторической модели развития исчерпан, а новые институты, которые способны утвердить новую модель мировой цивилизации, пока еще отсутствуют.

Ранее, мы уже указали, что в начале становления новой модели мировой цивилизации должны возникать социальные институты, которые дают возможность хотя бы элементарной дискуссии для разумных людей, когда в наше время подобная возможность практически исчезла. Допускается рассуждать в поле активности мифов, но только не в поле разумного диалога, который указывает на реальные противоречия исторических событий, а не на их поверхностное понимание. Другими словами, допускается рассуждать только в поле абстрактных представлений рассудка, а не действующего разума, поскольку последний требует включения в ре-

альность полноценных политических сил, чье присутствие определяет будущее развитие мировой цивилизации. Но так было всегда, и в этом смысле наше историческое время не является исключением. Исключением оно является лишь в том смысле, что современная модель мировой цивилизации должна перейти в реальность космической цивилизации, тогда как в обозримом прошлом эти задачи были лишь чем-то фантастическим.

То, что характеризует поле дискуссий о судьбе мировой цивилизации, где сталкиваются традиционные ценности и ценности неолиберальные, в разумной действительности относится к мифологической сфере представлений о реальности, поскольку не подкрепляется в достаточной степени пониманием разумной действительности. Обе системы ценностей, где одна отстаивает право свободной индивидуальности человека выше всего, если рассматривать классические ценности либерализма, а другая – необходимость сохранять связь с наследием предков, обладают правом на то, чтобы иметь единомышленников. Однако проблема состоит в том, что обе эти системы ограничены известной системой мифов, тогда как разумная действительность является тем, что существует за пределами мифологической реальности. Проблема в том, что классический либерализм как взаимосвязь с авангардными событиями мировой истории в процессе раскрытия энергии разума торгово-промышленной модели мировой цивилизации давно себя исчерпал, а традиционные

ценности не могут ответить в полной мере на те современные противоречия исторической реальности, которые характеризуют наше историческое время. В аспекте становления новой модели мировой цивилизации обе эти фундаментальные ценности: свобода разумной индивидуальности человека как движущей силы мировой истории и очень глубокая взаимосвязь с наследием предков должны присутствовать в новом проекте развития мировой цивилизации. В нашем понимании, единственной системой исторических ценностей, которая может решить эту проблему, – это возвращение к разуму исторических ценностей философии идеализма, которая учитывает оба этих фактора: и взаимосвязь с наследием высших исторических ценностей, и свободу разумной индивидуальности человека.

Мы отсчитываем исторически новую модель мировой цивилизации от разрушительных процессов XX, когда новейшие родоплеменные образования, такие как фашизм, большевизм и маоизм проистекли в событиях мировой истории, и игнорировать эти трагические события невозможно с позиции исторического разума. Эти события указывают на циклический характер событий мировой истории, но не в узком абстрактно научном смысле, а в системе фрактальных исторических координат, то есть в действии феномена исторического дежавю самосознания. Процесс дальнейшей варваризации массовой культуры слишком очевиден, чтобы его игнорировать в наше время, и необходимы какие-то со-

циальные институты, которые способны его остановить. Ранее, мы показали на подобные исторические события в отдаленном историческом прошлом, которое проистекало еще до возникновения начал европейской цивилизации в мире восточных культур, поэтому полагать этот процесс в качестве чего-то исключительно европоцентристского не имеет смысла. Он имеет разумный характер мирового процесса, а потому речь в понимании разумных событий мировой истории должна идти о цивилизации мировой. И то, что современная неразумная среда культуры пытается отождествлять различие человеческих культур с различными «цивилизациями», лишь указывает на потерю разумного понимания действительности этой неразумной социальной средой.

Таким образом, вопрос о возникновении лигаристических союзов есть вопрос об образование таких социальных структур, в которых процесс распада цивилизации останавливается и начинается процесс становления ее новейшей политической модели. И здесь проблему только финансированием не решить, как это пытаются полагать многие, действуя в русле архаики ценностей старой модели цивилизации, поскольку этот вопрос должен стоять на втором месте. На первом же месте здесь должно стоять понятие высшего нравственного долга, который характеризует одновременно: и ценность свободы разумной индивидуальности человека, и взаимосвязь с наследием высших ценностей мировой истории. Такого рода союзы являются второй фазой образования

новой модели мировой цивилизации после процесса ослабления агрессивной энергии разрушительных племенных сил, которые действуют на острие исторических процессов псевдоцивилизации.

Русский исследователь Ю. Андреев, исследуя нравы спартанского общества, высказал идею о том, что первоначально характер спартанских союзов был всего лишь очень жестким мужским союзом, обратив внимание на то, что вероятно, любая социальная модель государства в качестве зачатков функционирования целого возникает на базе этого мужского союза, который поглощает в себе впоследствии и образ жизни женщин, и образ жизни детей. Так, в начале возникает военизированная община равных, где пресекаются процессы псевдоцивилизации. Значит, лигаристический союз – это такое военно-патриотическое объединение, в котором начинает действовать зачаточная психология социального целого новой модели мировой цивилизации, если мы рассматриваем спартанскую общину, или, например, возникновение рыцарских орденов в Западной Европе. В этом смысле, безусловно, процесс развития мировой истории является циклическим процессом развития событий, но не в смысле какого-то математического цикла, а в качестве постоянного возвращения самосознания к высшим ценностям мировой истории.

Платон, будучи первооткрывателем разумной идеи государственности в мировой культуре, ориентировался на об-

раз жизни спартанской общины, поскольку в ней в полной мере отобразились исторические процессы, которые характеризуют момент отделения родоплеменной среды от почти полностью иррациональной активности в социальной реальности – к зачаткам государства и права, которое выражает переход: от этой племенной психологии к простейшим основам государственности. При этом Платон не строил каких-то абстрактных схем для понимания этого процесса, поскольку опирался на метафизические процессы исторической памяти. И действительно, государственная модель не может быть только абстрактной, поскольку в этом случае она превращается в реальность псевдоцивилизации, а является работой энергии бессознательных процессов расовой памяти, уходящей вглубь веков и тысячелетий.

Таким образом, исключая мифологию современных псевдолиберальных ценностей сознания, которая доминирует в реальности псевдоцивилизации, мы оказываемся перед необходимостью осмыслить основы государственности со стороны той расовой катастрофы, которая произошла в XX веке и которая вновь обострилась, учитывая современную геополитическую ситуацию в мире. Вся социальная реальность современного мира псевдоцивилизации стремительно варваризируется в силу того, что уже длительное время отсутствуют какие-то новые великие идеи развития мировой цивилизации, которые способны охватить всю сложность современных исторических процессов как нечто целое. Глав-

ная причина – резкий уровень понижения способностей критического мышления, которые характеризует основы понимания разумной действительности мира.

Почему мы рассуждаем о конфликте новой модели цивилизации, космически-технологической, со старой моделью, торгово-промышленной? Это объясняется тем, что моделирование цивилизации производит материя времени, или энергия метафизических глубин памяти, которая воздействует на бессознательные импульсы воли, пресекая в них взаимосвязь с реальностью поверхностных представлений сознания, тем самым осуществляя дискретный переход в сторону высших ценностей самосознания. Причем, самый примитивный характер действия этой памяти на уровне действия первобытного скребка выражает ИИ в современных исторических процессах сознания, как попытка хотя бы заглянуть в новую модель издалека, уже доступен современную сознанию человека, и он в полной мере им пользуется.

Вопрос о конфликте неолиберальной идеологии с традиционными ценностями сводится к тому, что, с одной стороны, и свобода слишком поверхностная, а, с другой, и традиция не слишком глубокая, хотя обе эти системы ценностей необходимым образом должны присутствовать в полноценном идеологическом пространстве новой модели мировой цивилизации. Но в социальной реальности псевдоцивилизации не может раскрыться ни то и ни другое, поскольку для раскрытия этих систем ценностей необходим разум, а

он отсутствует в этих представлениях. Если говорить о свободе, то она должна продолжать традицию идеалистической философии в понимании Гегеля как абсолютной свободы. А абсолютная свобода, в современном понимании этого слова, есть свобода от земного сознания, которое полностью вязнет в энергии распада цивилизации, которая перешла в отчетливую стадию псевдоцивилизации. Этому земному сознанию свободы в самосознании противостоит свобода энергии космического пространства, которая требует глобальной перестройки социальной модели того, что осталось от старой модели цивилизационного проекта, когда современных разумных политических сил для этого в наше время нет. Но перестройка в сторону новой модели мировой цивилизации происходит в глубинах памяти, где переоценка ценностей закладывает принципиально новый социальный проект исторического будущего.

Единственное, что может снять противоречия между исторической необходимостью сознания свободы и памятью предков, – это исторический разум философии идеализма, который, собственно, всегда снимал характер любых противоречий в понимании законов разумной действительности. Именно в этом контексте понимания ценностей философии идеализма мы рассматриваем феномен расового бессознательного, который взаимосвязан с непрерывным процессом перестройки рациональной психологии человека, которая, в отличии от его массового бессознательного, в различной сте-

пени взаимосвязана с возможностями индивидуального самосознания. Энергия расового бессознательного производит перераспределение: от ритмов космоса – к земным ритмам сознания. Поэтому целостное представление о природе человека, которое доминировало вплоть до середины XX века, подверглось суровой деструкции в глубинах подсознательной памяти, где эта взаимосвязь: между ритмами космоса и земными потребностями жизни стала действовать кардинально по-другому.

Таким образом, расовое бессознательное – это энергия воздействия космоса на бессознательные импульсы воли, в которых разумное отталкивается от биологических влечений настолько интенсивно, насколько само существо человека резко отличается от остального биологического мира. В определенном смысле, коллективное бессознательное – это сон разума, тени в мифе Платона о пещере, в которых сознание, которое не знакомо с ценностями самосознания, не способно видеть подлинного света идей. В этом вопросе космизм Платона в полной мере выражает позиции разума как истины максимальных глубин подсознательной памяти человека, которые оттесняют монотонные последовательности феноменов памяти, где коллективное бессознательное не вступает в конфликт с сознанием, а лишь показывает все многообразие мифологии мировой культуры. В результате же активности расового бессознательного, биологическое существо человека является не ценностью самосо-

знания, а лишь расходным материалом его метафизических процессов памяти в процессе его непосредственной жизни. И, наоборот, в кризисные исторические эпохи, когда происходит слом одной модели цивилизации и становление ее принципиально новой модели, именно этот максимально активный биологизм прорывается в качестве начальных процессов энергии псевдоцивилизации, чтобы заглушить активность самосознания человека.

Гл. 36

Материя времени разумной действительности

Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства.

Лебон

Наше понимание расового бессознательного, существующее в природе человека, указывает на особое положение человека в остальном биологическом мире. Оно характеризует существо человека с позиции его двойственности: и как земное существо, обладающее через индивидуальное сознание в потоке ассоциативных реакций психики взаимосвязью с остальной природой, и, одновременно, находящегося

на огромной дистанции от биологического мира в индивидуальном самосознании, в котором действуют космические ритмы подсознания. Таким образом, этот разрыв, который, например, Ницше называл метафорическим понятием «бездна», и есть та психологическая реакция расового бессознательного на попытку биологии человека присвоить его себе как продукт исключительно сознания, которое подвержено мифологическим представления о реальности. По существу, энергия расового бессознательного, которую с научной точки зрения можно рассматривать как энергию материи времени, связывает процессы цивилизации и культуры. Однако эта взаимосвязь проистекает не в качестве знакомых ассоциативных бессознательных реакций, монотонно поступающих со стороны чувственной непосредственности взаимодействия с внешней реальностью мира, а, наоборот, исключительно из его индивидуальных основ психики, обусловленных метафизическими процессами памяти. С другой стороны, отработанный материал энергии расового бессознательного в мировой истории, становится мусором, шлаком коллективного бессознательного, который составляет массовую культуру.

Главный момент перехода расового бессознательного в коллективный мусор бессознательного состоит в утрате взаимосвязи самосознания с духом мировой истории, что происходит в тот момент, когда разум исчезает, а абстрактный рассудок продолжает крутиться вокруг мифологиче-

ских конструкций, где отсутствует какая-то разумная идея жизни. Именно здесь объясняется концепция влечения к смерти, которую Фрейд вводит в свой поздний период разработки психоаналитической теории, то есть в тот момент, когда взаимосвязь с историческим самосознанием утрачивается, а Ницше указывает на это бесконечное повторение локальных фрактальных последовательностей сознания, лишенных взаимосвязи с разумной действительностью. Сам Фрейд связывал влечение к смерти, как и Ницше, с подсознательным процессом травматического повторения стремления живого к неживой материи. Мы подобную близость характера этих повторов у Ницше и Фрейда объясняем движением локальных фрактальных последовательностей феноменов памяти, которые ограничены чисто биологическим сознанием человека, тогда как действующий разум требует, наоборот, максимального разрыва с биологическими влечениями.

Почему разум действует в дискретных потоках длительностей памяти, а абстрактный рассудок, наоборот, в непрерывности логики суждений? Мы это объясняем тем, что разум действует в космическом ритме исторического самосознания, а рассудок – в земных конструкциях сознания. Поэтому рассудок переводит функциональную способность разума в максимально упрощенное сознание реальности. Разум, можно сказать, действует как функция топологии фрактального целого, охватывая локальные фрактальные после-

довательности сознания, тогда как сознание этим пониманием целого не обладает. Поэтому абстрактный рассудок в понимании природы как целого неизбежно выражает противоречивость сознания реальности, что он не обладает возможностью совмещать: дискретные образы действия памяти и монотонные последовательности, в лучшем случае, сводя эту противоречивость к чему-то трансцендентному.

В определенном смысле, можно сказать, что материя времени отображает энергию расового бессознательного в природе человека, а чувственные ассоциации пространства – его коллективное бессознательное. Условием действия каких-то элементарных моральных норм в реальности следует полагать необходимое напряжение: между расовым и коллективным бессознательным, поскольку последнее всегда стремится присвоить себе индивидуальное начало самосознания человека, какую бы историческую эпоху мы не рассматривали. Это напряжение и есть разумная действительность мировой цивилизации, которая существует за границей мифологического пространства культуры.

Феномен лигаристического союза должен включать в свою социальную модель: и сознание свободы разумной индивидуальности человека, и наследие высших ценностей исторического прошлого, при этом постепенно оттесняя продукты распада псевдоцивилизации. Такова современная логика развития мировой цивилизации за пределами тех мифологических представлений о реальности, которые доми-

нируют в социальных представлениях современной псевдоцивилизации. Причем, характер социальной структуры лигаристического союза должен удовлетворять всем полям культуры. Подобные союзы возникают после активизации различных агрессивных образований родоплеменного характера, которые движутся в авангарде иррациональных процессов псевдоцивилизации. Это движение энергии расового бессознательного происходит из активности высших процессов памяти, радикально перестраивая пассивную энергию мифологического сознания коллективного бессознательного.

Когда агрессия начальных слоев расового бессознательного проистекает в своей разрушительной энергии активности псевдоцивилизации, то активность высших слоев психики ослабевает и начинается откат назад, к знакомым мифологических конструкциям сознания, которые, как болото, затягивают коллективным бессознательным эти раны культуры, которые остаются после активности разрушительных процессов. Но в действительности, эти агрессивные потоки человеческих орд, таких как дорийская орда в Др. Греции, орда гиксосов – в Египте, орды германских варваров на развалинах Римской империи, или в новейшее историческое время племенные образования фашизма, большевизма и маоизма, образуются в результате мощнейших сдвигов подсознательных процессов расового бессознательного в мировой истории. По существу, расовое бессознательное выступает как

взрывные продукты перенапряжения конфликта: самосознания и сознания, то есть разумных начал человеческой жизни и тех социальных компромиссов, которые возникают в тот момент, когда определённая модель мировой цивилизации исчерпывает свои исторические ресурсы развития. Это взрывное действие накопившегося социального конфликта показывает, что временное возвращение к рецидивам варварства является неотъемлемой частью внутренних процессов развития мировой цивилизации, хотя непрерывность поля развития культуры, в целом, сохраняется, но только в мифологических представлениях абстрактных ценностей реальности. Так, например, разум старой модели развития исчез, но мифологическая реальность культуры ее связей осталась, заставляя образ жизни человека крутиться, как белка в колесе, по бессмысленному кругу неразумных социальных целей по отношению к рациональной психологии человека.

Основная причина нашего отрицания существования цивилизации в наше историческое время по отношению к разумной действительности обусловлена именно утратой разумной идеи жизни человека в том наборе ценностей, который предлагает сознанию массовая культура, хотя современная социальная реальность псевдоцивилизации, можно сказать, кричит о своем наличии в неразумной системе своих низших ценностей. И дело здесь не в таких мягких оценках внутренних процессов цивилизации как «симулякры», который использовал Бодрийяр для понимания реальности

ценностей своей исторической эпохи, а именно о каком-то метафизическом процессе заметания разрушительным процессом псевдоцивилизации всех разумных признаков существования цивилизации. О «симулякрах» можно рассуждать тогда, когда какие-то разумные законы цивилизации еще действуют, по крайней мере, по инерции, и в историческую эпоху Бодрийяра они еще действовали существовали.

А какие объективные силы в реальности меняют ход развития мировой цивилизации? Например, переломной силой, на которую опиралось раннее христианство, был Ветхий Завет, который утверждал истины существования единого Бога против ценностей язычества. В наше историческое время таким поворотным пунктом развития мировой цивилизации в сторону принципиально новой исторической модели развития стала сила ядерного оружия, то есть той разрушительной мощи, которая была открыта разумом человека в процессе развития фундаментальной научной мысли. Понятно, что эта разрушительная сила оружия массового уничтожения – уже не самая эффективная в наше историческое время, когда новейшие разработки, например, лазерной и другой военной техники могут оказаться более эффективными, однако важнейшим моментом подобного типа оружия является тот факт, что сама история мировой цивилизации как результат активности разума человека может прерваться, если все это оружие будет приведено в действие. И здесь мы опять сталкиваемся с метафизическим вопросом о разум-

ном смысле существования мировой цивилизации с позиции мировой истории, то есть о возможности существования какого-то ее будущего проекта развития, который может дать начало появления в ней принципиально новых очагов появления разумной действительности.

В чем моральный смысл периодической смены моделей цивилизации в мировой истории? Мы полагаем, что он обусловлен снятием противоречий, которые возникают между различными полями культуры в результате чрезмерной активизации то одного поля культуры, то другого. Подобная чрезмерная активность какого-то одного или двух полей культуры в истории мировой цивилизации не бывает случайной, а связана с конкретными задачами, которые возникают как историческая необходимость на определенном историческом этапе развития. В результате этой чрезмерной активности поля культуры, оно перестает выражать достаточную полноту разумного понимания мира, начиная постепенно деградировать, то есть действовать как мифологическое пространство ценностей, где самосознание разумной действительности мира постепенно исчезает. В результате, из метафизических глубин памяти начинается возвращение к воспоминаниям прошлого, которые прошли переоценку ценностей в энергии расового бессознательного, то есть, по существу, возвращается память предков. Например, таким поворотом к новой модели цивилизации, торгово-промышленной, можно полагать возвращение к наследию др. грече-

ской науки в философии Лейбница и Декарта, причем, с учетом опыта расовой памяти арабской модели цивилизации, если учесть, что в основе понимания др. греческой математики Декарт применил аналитические методы, заимствованные из арабской математики. В некотором смысле, можно полагать эту смену моделей цивилизаций сознанием классовой борьбы в мировой истории за более эффективные средства производства, как это имеет место в теории марксизма. Однако подобный взгляд на мировую историю рассматривает лишь следствия, а не причины, перестройки этих моделей. К тому же сама структура моделей цивилизаций в качестве перехода от одного к другому состоянию обладает различной степенью радикальных изменений. Если, например, переход от средневековой схоластики мысли у Декарта этот поворот есть поворот внутри относительно единой системы ценностей: от одной модели, а именно доминирующей мифологии сознания ценностей христианской мира – к ценностям науки Нового времени, то есть является локальным поворотом; то, например, переход от языческой цивилизации – к ценностям христианского мира является значительно более радикальным. Перестройка же процессов от современной торгово-промышленной псевдоцивилизации – к зачаткам космически-технологической модели развития мировой цивилизации является еще более радикальный; настолько радикальней, что известные события мировой истории нам не дают примеров столь мощного исторического изменения внут-

ренних процессов мировой цивилизации.

То, что вызывает глубокое отвращение в современной российской реальности – это попытка пристроиться к западноевропейской модели псевдоцивилизации, при этом спекулируя на возвращении к традиционным ценностям. Но традиционные ценности должны действовать в подсознании, а не в качестве пустых разговоров, когда все равно основной конфликт между старой и новой моделью цивилизации протекает в поле новейшего мифа, связанного с материализмом ценностей сознании в научно-техническом прогрессе. Ведь чтобы противостоять процессу распада, который характеризует активность массовых ценностей в реальности, необходимы социальные структуры, которые действуют за пределами власти нового великого мифа над сознанием, оперируя к ценностям самосознания. Например, если Сократ вынес сакральное изречение на храме в Дельфах на обсуждение в непосредственное общение между др. греками, он совершил такой же акт вандализма по отношению к высшей святыне др. греков, который совершил Христос – по отношению к традиционным религиозным ценностям иудаизма, объявив себя сыном божьим по отношению к наследию ценностей Ветхого Завета, когда на ожидании мессии в мировой истории строилась вся его идеология в прошлом. Однако, и великая философская идея, и великая религиозная истина всегда открываются в глубоком противоречии с наследием традиции, хотя и глубочайшим образом ею пропитан-

ной. Здесь, в частности, можно вспомнить и возвращение к иному пониманию Бога у Декарта, что едва не стоило ему жизни после оценки его деятельности инквизицией.

Социальная конструкция лигаристического союза предполагает, что самосознание необходимым образом отрицает продукты распада псевдоцивилизации, поскольку космический ритм расового бессознательного проводит суровую границу с биологическими инстинктами человека. Нулевой цикл новой модели мировой цивилизации пройден в XX веке, что было оценено философией идеализма как нигилизм, то есть как тотальное отрицание традиционных представлений о мире, тогда как наше историческое время требует обратного – возвращения к разуму истории идеализма на основании переоценки ценностей. И, в первую очередь, эта переоценка относится к пониманию того, чем является исторический разум мировой истории. Но наивно полагать, что силы созидания новой модели мировой цивилизации способны игнорировать эти процессы распада псевдоцивилизации, наоборот, они возникают из глубин этого разрушения как внутренняя энергия, преобразованная для дальнейших неожиданных действий разумной воли в мировой истории.

Вообще, в процессе становления новой модели развития мировой цивилизации псевдоцивилизация гонит перед собой этот исторической мусор продуктов распада старой модели, чтобы зачистить ассоциативное восприятие пространства для принципиально новых представлений о реально-

сти. И старые структуры цивилизации, являясь инерционной силой распада, стремятся продлить свое существование за счет усиления разного рода мифологических конструкций сознания, утверждающих, что цивилизации на самом деле существует. И она действительно существует в качестве этой необходимой подушки безопасности, которая выражается во власти нового великого мифа над сознанием. Но, собственно, так было всегда в истории развития мировой цивилизации, когда великая идея, возникнув как луч света в самосознании, в процессе утверждения ее в сознании, постепенно растворялась в силу ее массового употребления в непосредственном образе жизни человека. Можно также сказать, что это космический ритм жизни постепенно заглушался бытовым сознанием человека в возвращение известных слоев культуры, смешиваясь с ними и становясь еще одним пластом мифологических представлений о мире. Значит, если XX век можно оценить, как начало глобального слома старой модели цивилизации со всеми многочисленными попытками разрушить связь сознания с традицией, то XXI век необходимо понимать, как восстановление этой взаимосвязи в том смысле, что наследие памяти предков неизбежно возвращается, но уже в кардинально обновленном качестве своих ценностей.

Главный вопрос состоит в том: к чему возвращается самосознание после воздействия разрушительных процессов псевдоцивилизации на знакомый образ жизни человека, то

есть на те ценности, которые определяли его известные представления о мире? Мы полагаем, что оно возвращается к исторической необходимости строить принципиально новую модель мировой цивилизации, хотя назойливые мифы псевдоцивилизации пытаются внушить его сознанию, что «все хорошо», что ничего страшного не произошло, и можно спокойно спать дальше, исключив в своей жизни основы рациональной психологии, и, как следствие, активность разумной воли. Но цена жизни стала другая – не в экономическом смысле, а в метафизическом, поскольку великая идея кардинально меняет знакомый образ жизни человека. Так было в процессе перехода от языческой модели цивилизации – к ценностям монотеистического мира, и так происходит в наше историческое время, но только значительно в более острых противоречиях, поскольку в первом случае переход от одной модели к другой модели происходил на Земле, а в наше историческое время речь идет о переходе от земной модели цивилизации – к космической модели.

Таким образом, основой социальной конструкции лигаристического союза является отрицание отрицание как базовая сущность развития исторического разума. Она выражается в том, что, отрицая социальное явление псевдоцивилизационных процессов, объективный исторический разум тем самым отрицает предшествующий нигилизм исторической эпохи, который является необходимым историческим условием перехода в принципиально новую модель ис-

торического развития. Субъектом здесь является метафизический процесс действия памяти человека в глубинах его индивидуальной рациональной психологии, объективно активизируя подсознательные импульсы воли к разумному действию. И именно в этом смысле, самосознание существует только тогда, когда оно присутствует в разумных законах развития мировой истории.

Часть XIII

Действия высших ценностей в мировой истории

Гл. 37
Противоречия земного и космического в энергии материи времени

Величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности.

Лебон

Если XX век прошел под влиянием идей нигилизма, в котором мыслители соревновались в мере отрицания ценностей исторического прошлого, то XXI век должен пройти под влиянием наибольшей глубины возвращения к прошлому, которое поставлено на службу настоящему. Это и есть лигаризм, то есть максимальное отрицание нигилизма ценностей, но не в качестве возвращения к слабоумию низ-

ших ценностей, которое мы наблюдаем повсеместно в мифологическом пространстве современной псевдоцивилизации, а для выполнения высшего нравственного долга, который определяет любой проект развития модели мировой цивилизации. Суть этого высшего нравственного долга состоит в том, что мы отказываемся плыть в этом слабоумном дискурсе современной мифологии сознания, которая противостоит нашему самосознанию как взаимосвязи с исторической памятью предков, под которой мы понимаем возвращение к ценностям наследия философии идеализма. Понятно также и то, что объективность современного исторического разума является не попыткой что-то реанимировать из прошлого, что в принципе невозможно, а учитывать тот факт, что самосознание разумной индивидуальности человека оказалось на границе перехода от очередных Темных веков – к раннему Средневековью. Пока же мы наблюдаем имитационные процессы демократических игр мифологического сознания, которое опирается на псевдоцивилизационные процессы, имитируя цивилизацию тогда, когда она почти не существует в качестве рациональных коммуникаций между людьми.

Противоречивость понимания для схематизма абстрактного рассудка социальной конструкции «лигаристический союз», для нас принципиально в качестве позиции действия объективного исторического разума в мировой истории. Ведь противоречивость разумной мысли – это квинтэссенция причастности развитию исторических событий, ко-

торая должна быть не только формальной причастностью на уровне абстрактной схемы научного рассудка, как это имело место, например, в марксизме, который использовал исторические события как формальную схему, а, наоборот, растворять реальность человеческой жизни полностью в мировой истории, как это имело место у Гегеля. В этом смысле, абстрактный рассудок необходимо должен наталкиваться на максимальное действие противоречия сознания реальности, а то и на целый массив противоречий, как у Ницше, чтобы подвергаться воздействию диалектики рационального мышления.

Суть политической конструкции лигаристического состоит в том, что разум, в отличии от поверхностных абстрактных схем рассудка, не уклоняется от противоречивости движения исторического события в реальности, а присутствует в нем в качестве высших процессов памяти, которые обладают метафизической энергией, воздействующей на бессознательные импульсы воли. Следовательно, материальное, восприятие которое сознание получает в результате потока ассоциативного контакта с пространством – это уже не разум, а лишь временный след от его присутствия в энергии происходящего события, когда удержание сознания в движении монотонности течении этого события гарантирует энергетический потенциал активности влечений, но не воли. В этом смысле, понятие в философском идеализме Гегеля мы рассматриваем как этот энергетический потенциал воздей-

ствия метафизических процессов расового бессознательного со стороны самосознания – на сознание, то есть материя является вторичной в том смысле, что она не способно заполнять пустоты от дискретного характера движения локальных фрактальных последовательностей феноменов памяти.

То, что после исторической эпохи нигилизма должен следовать обратный процесс, то есть процесс восстановления утраченной взаимосвязи с разумной действительностью мира, – это вполне логично. Другое дело, что это восстановление не может быть явлением псевдоцивилизации, когда речь уже идет не о симуляции, как у Бодрийяра, когда цивилизация и псевдоцивилизация существуют в каких-то соизмеримых долях, а о тотальном наступлении иррациональных процессов псевдоцивилизации, то есть когда мифологичность сознания реальности уже зашкаливает в непосредственном образе жизни человека. Понятно также и то, что наибольший вклад в мифологизацию сознания в социальной реальности современной псевдоцивилизации вносит та утратившая взаимосвязь с разумом система представлений, которая внесла наибольший вклад в ее старый проект, торгово-промышленный, который в свое историческое время был полноценным.

В основе нашей разумной мысли лежит идея, что человек – это космическое существо, когда его земное начало психики вторично по отношению к этому существу. Подобный перелом подсознательных процессов психики, который был едва намечен в XX веке, в наше историческое время, когда со-

циальная жизнь сознания человека почти полностью погрузилась в процессы псевдоцивилизации, относится в первую очередь к его самосознанию. Но что такое самосознание – это материя или это идея? Именно этот вопрос лежит в основе наиболее острых противоречий в современном рациональном мышлении, которое практически исчезло из дискуссионной системы социального пространства псевдоцивилизации. И если мы утверждаем, что самосознание – это идея, то тем самым мы полагаем, что современное понимание материи на уровне научного представления о ней слишком наивно, то есть не поднимается выше уровня локальных фрактальных последовательностей информационного потока памяти, который движется исключительно в системе его монотонного движения. Дискретный характер течения наиболее сложных и наиболее глубоких воспоминаний в процессах памяти указывает на то, что самосознание есть космогонической процесс действия материальных сил, которые далеко выходят за возможности логики функциональных реакций головного мозга. Поскольку современная фундаментальная наука пока существует в зачаточном состоянии по отношению к пониманию этого рода материи, в котором деятельность головного мозга есть лишь частный случай энергии этого космогонического процесса, то и идея человека как разумного существа практически исчезла из социального пространства современной псевдоцивилизации. Проблема здесь в том, что на первом месте в научном сознании в

наше историческое время существует только реальность, а не разумная действительность, что характеризует саму направленность действия великого мифа на то, что уже не относится к руслу течения великих идей мировой истории. Ведь главный предмет внимания современной научной мысли – это ассоциативная система монотонного действия психических реакций, получаемых от внешних источников пространства, которые формируют сознание, но не самосознание, поскольку самосознание пока еще скрыто в неизвестности действия энергии материи времени.

Характер локальных фрактальных последовательностей феноменов памяти, которые образуют массив доступной информации сознания, не может дать ответ о том, что порождает этот хаос локальных фрактальных последовательностей по границе существования их целого. Эта граница не сводится к земному сознанию, поскольку земное сознание требует конкретного присутствия материи здесь и теперь в полной мере доступности контроля над ее связями, требует контакта движения последовательности связей в том, что именно связно, как это, например, имеет место в логике действия ИИ, когда вопрос о хаотичности этих связей выносится за скобки. Более того, сам хаос предлагается рассматривать как системный хаос, если уж его нельзя классифицировать как разумное целое. Можно сказать, что точечная структура осознаваемого объекта настолько мощно слоится локальными фрактальными последовательностями ассоциативных

потоков памяти, что субъективно мыслится как что-то очень близкое, но тем не менее сохраняющее границу, или дистанцию, с этим хаосом, а потому обладающее научным содержанием субъективного сознания. Но если каждая точка – это в энергии материи времени не точка, а объективная длительность исторического события, которая распадается на бесконечное множество таких локальных фрактальных последовательностей, которые для необходимости ассоциативной связи нужно рассматривать как условные точки, то возникает аналогичное максимально ослабленное напряжение субъективной мысли. И чтобы усилить эту субъективность, лишенную основу целостности разумного основания, требуется объективное действие ИИ, то есть такого инструмента, который этот хаос локальных фрактальных последовательностей наделяет максимальной мерой условной целостности в этой вероятностной картине реальности.

По существу, основное противоречие между современным объективным разумом и научной абстракцией, которая действует в поле активности современного великого мифа, на базе которого строятся социальные процессы псевдоцивилизации, выражается в том, что перестройка современной рациональной психологии человека существует только в самом начале проекта развития космически-технологической модели мировой цивилизации. Так, если Темные века мировой истории в момент перехода от язычества – к монотеизму характеризировались начальной перестройкой в сторону пе-

ремещения сакрального начала мира: из материальных стихий – в глубины индивидуальных начал человеческой души, то современный исторический перелом: от ценностей торгово-промышленной модели цивилизации – к космически-технологической модели предполагает смещение священного сознания долга из субъективного сознания «я» в ту сторону объективности подсознания – «Оно», которое выражает разумную действительность энергии космоса. Но ошибаются те, кто пытается полагать, что речь идет о каком-то возвращении от ценностей религиозного сознания монотеизма – к ценностям язычества. На пути подобного возвращения стоит суровость великого мифа нашего исторического времени, требующего понимать мир сознания исключительно в научном содержании ценностей.

Значит, основная нравственная проблема в действии разумной субъективности самосознания нашего исторического времени состоит в том, что объективность материи времени как разумное целое полностью размыто в представлениях современной научной мысли. С одной стороны, имеет место действие великого мифа нашей исторической эпохи, в котором сознание существует только при условии научного обоснования знания, а, с другой стороны, имеет место энергия материи времени нашего самосознания, которое топологически выражается как архитектоника действия функции фрактального целого. Именно эта функция объективно лежит в основе реальности хаоса современных научных пред-

ставлений о материи, которые не сводятся к чему-то целому, поскольку процесс становления новейшей рациональной психологии человека пока еще не закончился. Топология разума состоит в том, что архитектоника бытия, по отношению к которому существует наше самосознание, слишком сильно размыто в мифологическом сознании, которое тем не менее истинно, как, например, оставалось истинным для сознания др. грека сакральное восприятие дельфийского оракула с его изречением «Познай самого себя!», хотя Сократ и перенес его в самосознание, тем самым дав начало становления истории европейской цивилизации.

Принципиально также и то, что само понятие «лигаристический союз», которое мы вводим для переоценки современного состояния уровня развития рациональных коммуникаций в современной псевдоцивилизации, выражает противоречие между сознанием реальности и самосознанием разумной действительности, поскольку требует полагать архитектонику топологического целого в основании фрактального мира действием энергии космоса. Здесь мы прямо следуем из логики ценностей русского космизма, лишь подвергая критической оценке его узко религиозно-научный подход, который оставляем для области представлений мифологического сознания. Так, хаос монотонных локальных фрактальных последовательностей сознания, которые характеризуются короткими длительностями потоков бессознательной памяти, не удовлетворяют исторической необходимости дей-

ствия воли к власти разумной действительности, которая лежит в основе противоречий между культурой и цивилизацией. Собственно, именно монотонный характер действия процессов памяти характеризует оценку современного научно-технического прогресса как реальности мифологического пространства, лишенного в своем основании разумного целого. Этот характер связности абстрактного мышления не удовлетворяет необходимой глубине связности метафизических процессов памяти, которые существуют в разумной действительности как разумной идеи жизни.

Возвращаясь к философской позиции Диогена Синопского, с которого мы начинали наше историческое понимания разумных законов развития мировой цивилизации, следует сказать следующее. Отрицая наличие человека в среде своих сограждан, он поставил вопрос о сущности человека в особом ключе философского знания, когда до начал возникновения религиозных ценностей монотеизма было еще далеко, несколько веков мировой истории. Время показало, что острота его вопроса, хотя и была крайне несвоевременной для той исторической эпохи, оказалась исключительно актуальной спустя столетия, когда вопрос о ценности человеческой личности стал центральным в средневековой схоластике. Поэтому и мы, отрицая ценности современной цивилизации, определяя их в качестве псевдоцивилизации, тоже не спешим в понимании нашей объективно разумной позиции мысли в историческом времени. Мы вообще занима-

емся по существу возрождением полноценной философской мысли рационализма, следы которой исчезают после философии нигилизма. В этом смысле, если философия нигилизма Ницше определила ценности XX века, то наши идеи по большей своей части относятся к концу XXI века, когда все-таки должны появиться какие-то разумные политические силы мировой истории. Пока такие не наблюдаются в наше историческое время. Другое дело, что самому Диогену повезло встретить себе подобного человека по масштабу высших ценностей в исторической реальности в лице А. Македонского, по крайней мере, как это сообщает Плутарх.

Другой принципиальной особенностью нашей мысли является твердое убеждение, что современные процессы мировой цивилизации вступили в очередную эпоху Темных веков, когда разговоры о «демократии» мы оставляем для поверхностной абстрактной мысли, которая не знакома с суровостью разумных законов мировой истории. Ведь после кардинальных политических изменений во внутренних процессах мировой цивилизации всегда возникает очередное болото человеческой жизни, которое дает возможность временной передышки для движения вперед в развитии исторических событий. Главное – не тешить себя иллюзиями, занимаясь той пустой болтовней, которая характеризует современный социальный дискурс пространства ценностей псевдоцивилизации. Разумное требует справедливости, которая должна касаться каждого человека как разумного существа,

то есть показывать наличие мировой цивилизации в качестве единого проекта развития событий мировой истории, тогда как земные ценности по существу исчерпаны. Продать и купить – это не ценности, а возвращение к той первобытной непосредственности сознания, которая характеризует не разумную действительность, а лишь возвращение образа жизни человека к чему-то самому примитивному, что не может скрыть мифология ценностей массового общества. Речь все-таки должна идти о высшем благе, которое необходимо должно присутствовать в непосредственном образе жизни человека в смысле платоновской идеи.

Вообще, лигаристические союзы возникают как политические структуры, которые приостанавливают процесс распада цивилизации, но не имитацией ее наличия в реальности, а действием самосознания в разумной действительности, когда возникает нравственный закон, утверждающий иерархию ценностей по отношению к разуму. Но этот закон не может быть чем-то мифологическим, когда, с одной стороны, говорят о традиции, а с другой, пляшут и поют в русле распада псевдоцивилизации. Великие идеи мировой истории требуют по отношению к себе максимального уважения, а не использования их в культуре потребления как бытовые вещи. Как раз, наоборот, именно бытовое сознание должно быть расходным материалом в развитие внутренних процессов мировой цивилизации. В этом смысле, именно бытовое сознание непосредственного образа жизни челове-

ка существует в глубоком противоречии с его самосознанием, которое стремится избавиться от этого земного любой ценой. Ведь цивилизация всегда ломает человеческий быт, мнет его и перестраивает, а то и бросает в разрушительные войны, чтобы высшие процессы памяти обладали возможностью утвердить разумную действительность в качестве нравственной нормы жизни.

Главная проблема перехода от процесса распада торгово-промышленной модели мировой цивилизации – к космически-технологической модели состоит в том, что психологически человек не готов к этому радикальному переходу. Его рациональная психология существует по отношению к этому новому проекту пока что в зачаточном состоянии, когда бессознательно он пытается приостановить этот внутренний процесс перестройки высших процессов памяти, но ему не удается. Не удается по той причине, что в основе энергии расового бессознательного существует мировая воля, определяющая внутренние процессы развития мировой цивилизации, и ее действие кардинально отличает возможности сознания человека оставаться в мифологическом сознании коллективного бессознательного. Она требует его быть самим собой, действовать от имени своего самосознания, а не плыть по течению тех бессознательных массовых инстинктов, в которых псевдоцивилизация уже зачистила какое-то присутствие цивилизации.

Лигаристический союз, исторически, возникает после

возвращения к этим первобытным инстинктам, которые периодически возвращают самосознание человека к метафизическому началу бытия. Так, поскольку мировая воля, или энергия высших процессов памяти, действующих в расовом бессознательном, зачищает старые представления о ценностях, память становится тем чистым листом бумаги, с которого фундаментальная функции топологии фрактального целого все начинает с начала. Но «чистота» этого листа относительна. Она относительна по той причине, что каждая условная точка фрактальной последовательности памяти сохраняет взаимосвязь с прошлым на уровне высших ценностей, которые расовое бессознательное очистило от того непрерывного сна массового бессознательного, который протекает в стороне от энергии рациональной психологии человека. Поэтому возврат назад невозможен. Он был невозможен, когда после постепенного распада Римской империи племенные инстинкты народов пытались как-то тщетно найти компромисс со старой моделью цивилизации, так невозможен он и в наше историческое время, когда торгово-промышленная модель современной псевдоцивилизации пытается втиснуться в новую модель развития. Социальное, с позиции действующего разума, является тонкой пленкой внутренних процессов развития мировой цивилизации, когда она рвется тогда, когда на поверхность сознания вырываются энергетические импульсы расового бессознательного.

Гл. 38
Фрактальные циклы событий мировой истории

Народа много, а людей совсем мало.
Диоген

После разрушительных действий различных орд, появление которых предшествует становлению новой модели мировой цивилизации, исторически необходимо – по разумным законам развития мировой истории, появляются лигаристические союзы. В них, в отличии взаимоотношения вождей и масс, должны существовать принципы высших ценностей равных среди равных, когда должна выявляться позиция разумной индивидуальности человека в качестве обновления нравственного закона. Ведь нравственный закон – это не догма, а действие в свободном движении разумной воли к действию, в котором самосознание переоценивает разумную идею жизни в качестве нового откровения. Это откровение и есть пространство существования лигаристического союза, в котором мир открывается заново, а потому появляется возможность для действия разумной воли человека. Понятно, что неразумная воля способна действовать и в социальных процессах псевдоцивилизации, поскольку эта неразумная воля действует, в основном, под влиянием биологических влечений, а потому Платон и относил класс торговцев к низшему социальному типу людей, соотнося с ними

вожделеющее начало души. Понятно, что в современной исторической реальности все значительно сложнее, чем в идеальном государстве Платона, когда в современные экономические процессы вовлечены научные аспекты современной логистики, но суть от этого не меняется. Не меняется то, что не может измениться, – фрактальный характер процессов энергии материи времени, который производит определенное психологическое поведение человека в любой социальной реальности и в любом историческом народе, указывая на психологическое подобие поведение человека в различных исторических моделях мировых цивилизаций.

Одним из основных тезисов нашей философии является понимание, что изменения внутренней социальной структуры мировой цивилизации происходят не из-за каких-то внешних причин: экономических или как-то связанных с природными катаклизмами, а из-за сложнейшей перестройки бессознательных процессов памяти человека в его расовом бессознательном, которые мы резко отделяем и от массового, и от коллективного бессознательного. Эта перестройка обусловлена той мерой суровости нравственного закона, который требует безальтернативной необходимости дальнейшего разумного понимания мира, меняя в соответствие с этим требованием социальную систему представлений определенной исторической эпохи. Поэтому на рациональном уровне социальные изменения представлений происходят не потому что эмпирически меняется восприятие

в сознании, а потому что исчерпывается определенная целостность разумного понимания мира. Именно момент этого исторического исчерпания и является началом становления новой модели мировой цивилизации. Примером подобного перехода может служить историческая необходимость слома средневековых представлений о мире в момент появления начальных элементов новой модели мировой цивилизации, торгово-промышленной, которая требовала дальнейшего расширения цивилизации с требованием охватить не только определенную группу народов, но и весь мир. И вот весь мир народов охвачен торгово-промышленной моделью цивилизации, вплоть до первобытных племен в джунглях Амазонки, но распад этой модели очевиден. Почему? Мы полагаем, что этот тупик возник в силу того, что эта модель нашла свои границы, охватив всю Землю, и поэтому единственным выходом за пределы этой модели распада может быть только выход в космос как необходимое историческое продолжение развития мировой цивилизации, то есть необходимое пространство ее расширения.

Значит, основная проблема распада современной модели цивилизации состоит не в экономических причинах, которые являются следствием, а в том, что исчерпан потенциал той энергии разумной воли, из которой ее проект черпал свою энергию, то есть в наше историческое время исчерпаны те ресурсы протестантской этики, которые питали этот проект, если учесть, что источник его энергии был в Запад-

ной Европе. То, что это действительно так, можно убедиться по пустым храмам в Европе, которые стремительно пустеют год от года. Но ведь так было и в последний век существования Римской империи, когда языческие боги уже не могли быть внутренней силой продолжения языческой цивилизации, когда самосознание индивидуальности человека требовало более универсальной модели ее развития. Значит, характер циклических процессов развития мировой цивилизации слишком очевиден, когда он указывает на то, что модель цивилизации начинает рушиться тогда, когда исчерпывается что-то в высших процессам психики человека как его подсознательного энергетического потенциала действия воли. При этом, любое поле сознания культуры может найти причины подобного кризиса: в экономических процессах, в оскудении религиозной веры, в природных катаклизмах, в войнах и проблемах демографии. Понятно, что эти проблемы также очевидны, но нельзя подменять следствиями основную причину. Впрочем, здесь также очевидны попытки сознания подменять собой высшие ценности самосознания, то есть проблемами различных полей культуры – сложнейшие процессы развития мировой цивилизации.

В понимании разумных законов развития мировой цивилизации мы не можем действовать в русле мифологических представлений о реальности, которым сознание оперирует в поле активности современной псевдоцивилизации. Самосознание разумной действительности требует нас признать,

что мы существуем на границе между очередными Темными веками и ранним Средневековьем, когда старые социальные институты висят какими-то зловещими гирями прошлого, мешая продвигаться дальше в развитии рациональных коммуникаций между людьми. Наш анализ ценностей фашизма и большевизма в этом смысле был направлен не на то, чтобы как-то возродить эти родоплеменные отношения между людьми, какими бы идеями они не обосновывались, а в качестве доказательства общего характера нравов людей в очередную эпоху Темных веков. Взаимоотношения между вождем и массовым сознанием – это, наоборот, то, что необходимо преодолеть на основании понимания законов разумной действительности. Но, с другой стороны, этот провал к энергии первобытных инстинктов, которые периодически прорываются в своей агрессивности внутри мировой цивилизации, указывает на неизбежность перехода мировой цивилизации к принципиально новой модели.

Историческая необходимость возникновения лигаристических союзов обусловлена тем, что в мировой цивилизации практически исчезло пространство, в котором может существовать сообщество разумных людей. «Команды», о которых рассуждают в социуме псевдоцивилизации, являются всего лишь командами, то есть массовыми образованиями внутри массовых образований, которые не предполагают наличие внутри себя существования разумного человека. Эти команды предназначены только для того, чтобы растянуть

как можно дальше время существования псевдоцивилизации. Однако грядущее неизбежно. Оно надвигается в качестве исторической необходимости радикальных социальных изменений тогда, когда разум старой модели цивилизации исчерпан, хотя старая модель цивилизации и ищет постоянно для себя новых псевдоцивилизационных форм, чтобы протянуть свое время существования. Агония может длиться долго, на что указывает мировая история, поскольку выжимка из ее высших исторических ценностей должна перейти к наследию новой цивилизационной модели, ибо именно энергия материи времени связывает этот хаос распада с разумным целым, которое проступает во многом зловещими тонами Темных веков.

Если линейный характер течения времени характеризует сознание исторической реальности в психологической попытке – видеть во времени движение исключительно вперед, – то феномен памяти дежавю указывает на мощное возвращение энергии материи времени, действующей в подсознании, назад. Значит, помимо поверхностных слоев памяти, действующих в массовом и коллективном бессознательном, существует более глубокий слой памяти, который активизируется только при условии взаимодействия с высшими историческими ценностями, который является расовым слоем. Этот слой активизируется не от энергии бытового сознания, а от разумной действительности самосознания, которая отображает реальность лишь частным случаем. Дру-

гими словами, помимо человеческой воли, которая ограничена в различной степени подсознательной энергией биологических влечений, существует мировая воля расового бессознательного, которая, с научной точки зрения, является функцией топологии фрактального целого, владеющего хаосом локальных фрактальных последовательностей информационного потока сознания.

Характером движения массового бессознательного в сознании современного понимания феноменов времени в мифологическом социальном пространстве является подсознательное ощущение, что время движется исключительно вперед. На этом поступательном движении времени только вперед строится вера в исключительную ценность научно-технического прогресса. Однако это движение вперед, которому наиболее близко в системе геометрических образов существует образ прямой линии, ограничено голографической картиной сознания реальности, которая незнакома с источником разумной действительности. В этом смысле, Платон и рассуждает в своем мифе о пещере мрака, определяющей сознание, лишенное причастности вечным идеям, которые в нашем понимании являются высшими ценностями мировой истории. Можно также сказать, что если взаимосвязь с высшими ценностями исчезает в самосознании, то сознание неминуемо погружается во мрак реальности.

Понятно, что в понятие «раса» мы вкладывает нечто небиологическое по содержанию самого явления, что оправ-

дывает биологическое существование человека перед чем-то высшим в его индивидуальном самосознании, то есть перед тем чувством подсознательного долга, который и является основой существования высших ценностей мировой цивилизации. Но разумная действительность и существует только тогда, когда сознание и самосознания находятся в крайности своих противоречий, что характеризует фундаментальное противоречие: между культурой и цивилизацией. При развитии в реальности какой-то непротиворечивой абстрактной логической мысли в сознании всегда необходимо помнить, что в расовом бессознательном, ориентированном на высшие ценности мировой истории, всегда существует слой памяти, который ее отрицает. На конструкциях подобной противоречивой логики построена философия нигилизма Ницше, которая показывает, что субъективность разумного самосознания постоянно следит за поверхностной логикой движения абстракции в сознании.

То, что нас интересует в активности человека как расового существа – это наиболее сложные и наиболее глубокие процессы подсознательной памяти, которые способны раскрываться только по отношению к высшим ценностям мировой истории. Какие это ценности: религиозные, научные, политические или ценности искусства – нас интересует мало, поскольку поле культуры оказывается вторичным после энергетической обработки в энергии феномена дежавю. Последнее, мы объясняем тем, что вся история мировой циви-

лизации показывает ограниченность действия любого комплекса социальных представлений, которые действуют в сознании на определенном историческом промежутке времени. Собственно, их ограниченность каким-то комплексом представлений и становится приговором в конце их исторического существования. Эта позиция ценностей рациональной объективности исторической мысли у нас полностью совпадает с философской позицией диалектики исторической логики событий Гегеля.

Различие между животным и человеком мы рассматриваем с позиции кардинально различных ресурсов памяти. Если у животного эти ресурсы не выходят за пределы его подсознательных влечений, то у человека они насколько глубоки, что мы вынуждены признать эти ресурсы метафизическими. Именно в этом вопросе мы возвращаемся к традиции разума исторического идеализма, который указывает на позицию философии Платона в качестве преимуществ ее акцента на высших процессах памяти. С другой стороны, возвращение к философии Платона прямо следует из возвращения философии Ницше к досократическому периоду философской мысли, в первую очередь, к Гераклиту. Поэтому мы продолжаем позиции философии идеализма после той жесткой критики его традиционного понимания, которое произвел нигилизм. Но иначе и быть не могло в традиции развития философских полноценных идей, когда метод отрицания отрицания предшествующего опыта философской мысли, субъ-

ективно или объективно, отрицает предшествующие исторические идеи философской мысли. Можно также сказать, что историческая эстафета полноценной философской мысли постоянно перестраивает основы рациональной психологии человека в проекции на внутренние противоречия развития событий мировой истории. С объективной точки зрения, субъективно разумное дает историческую предпосылку для ее объективного развития, а объективно разумное, наоборот, предпосылку ее для субъективно разумного.

В вопросе субъективных позиций разума философии нигилизма не все так просто, как это пытаются полагать различные социологи в представлениях современной псевдоцивилизации, которые имеют место быть в том, что принято в этой социальной среде называть «философией», относя его к области «иррационализма». Собственно, исчезновение элементарно полноценной философской мысли, которое можно наблюдать в последние полвека, – это тоже один из признаков распространения Темных веков мировой истории, когда следы разума почти исчезают. Понятно, что они не могут исчезнуть полностью, поскольку великий миф своей исторической эпохи продолжает насыщать сознание различным многообразием информационного потока, который поражает воображение «чудесами» достижений научно-технического прогресса. Таким образом, сознание всегда мифологично, если оно утратило разумную взаимосвязь с самосознанием. Причем, момент наибольшей утраты этой взаимо-

связи происходит именно в переходные исторические эпохи – от одной модели развития мировой цивилизации – к другой ее модели.

Любое понимание сущности ничто, исходя из логики отрицания отрицания философии диалектики Гегеля, предполагает собой нечто, включающее в себя это ничто как значительную долю разумного целого. В понимании разумных законов развития мировой истории этот диалектический переход в нашем историческом самосознании является в реальности переходом эпохи Темных веков мировой истории – к раннему Средневековью. Понятно, что наши оценки исторической ситуации резко расходятся с мифологическими представлениями современной социальной среды, которая обслуживает социальные процессы современной псевдоцивилизации. Однако разумная мысль всегда существует в конфликте с социальным сознанием, поскольку это социальное сознание ограничено комплексом представлений своей исторической эпохи, которые все равно исчезнут с течением исторического времени.

Причина, по которой на нас мало влияют современные представления о мифологических «демократических» ценностях, обусловлена необходимостью придерживаться понимания разумности мировых исторических событий, а не мифологических представлений социального пространства, которое нас окружает. Массовое сознание не может быть демократичным, поскольку в нем отсутствует взаимосвязь с выс-

шими ценностями мировой истории. Оно способно выражать лишь продукты распада старой модели исторического развития, которые уже не относятся к разумным процессам цивилизации. Для развития разумных основ мировой цивилизации необходима хотя бы элементарно вменяемая социальная среда по отношению к историческому разуму.

Гл. 39
Разум мировых исторических событий

Идеи начинают оказывать своё действие только тогда, когда они после очень медленной переработки преобразовались в чувства и проникли, следовательно, в тёмную область бессознательного, где вырабатываются наши мысли.
Лебон

О какой переработке здесь идет речь у Лебона? Мы полагаем, что речь идет именно о подсознательной энергии расового бессознательного, которое перерабатывает высшие ценности мировой истории, передавая результат этой активности от самосознания – сознанию. Значит, сознание вторично по отношению к самосознанию, поскольку в процессе передачи информационного сигнала от самосознания – к сознанию, проходит некоторое время, которое существует не в линейной последовательности своих связей, а во фрактальном потоке своего присутствия в энергии бессознательно-

го. Ведь если идея очень проста, будучи связана, например, с каким-то набором физиологических особенностей человеческих потребностей, то она не поднимается выше уровня животных рефлексов. Эта идея есть лишь энергия материи сознания реальности, которая присутствует в этих животных рефлексах как энергия бессознательных влечений. Но в эпохи расовых катастроф, когда взаимосвязь с самосознанием разрывается, только массовое сознание как продукт распада мировой цивилизации, начинает доминировать в социальной реальности. Можно сказать, что катастрофически ослабляются ресурсы подсознательной памяти, то есть центр энергии бессознательного смещается от индивидуального бессознательного – в сторону коллективного бессознательного. Коллективное же бессознательное действует приблизительно также, как действует ИИ, только значительно более замедленно, поскольку в своем движении должно заглушать индивидуальное бессознательное.

Преимущество психоаналитического учения Фрейда перед философией нигилизма Ницше состоит в том, что его учение заглядывает дальше в глубины процессов исторической памяти, высвечивая не только события европейской истории, но и историю памяти др. восточных моделей цивилизаций самого отдаленного исторического прошлого. Само понятие «бессознательного» значительно более продуктивно, если поставить вопрос о том, как рождаются высшие ценности в подсознании, когда, зародившись в какой-то наивной

форме, великая идея неожиданно захватывает и сознание, и самосознание в их совокупности ценностей через несколько веков, становясь основой модели развития какой-то исторической цивилизации. С другой стороны, преимущество философии нигилизма перед учением психоанализа состоит в том, что эта философия рассматривает ценности с позиции цивилизации, а не культуры, то есть ищет не только объяснения природы поведения человека в его бытовом сознании, но и в качестве первого опыта самосознания, во многом относящего к новой модели ее развития. В этом смысле, Фуко справедливо выделял: нигилизм Ницше, социологическое учение Маркса и психоанализ Ницше как три основные «техники восприятия» или техники «терапии» в XX веке. И действительно, сознание в начале процессов перехода от цивилизации – к псевдоцивилизации, требует какой-то энергии бессознательной терапии, чтобы удержать позиции разума хотя бы в инерционной системе исторического распада.

Для нас, учеников энергии памяти новой модели мировой цивилизации, нет необходимости имитировать сопричастность продуктам распада мировой цивилизации, поскольку мы являемся носителями ее нового исторического проекта с позиции объективного исторического разума. Субъективность в этом процессе становления ее как реальности уже позади, когда зачистка остаточных звеньев этой мистерии должна происходить не в мистификации сознания, которое мы наблюдаем в социальном пространстве псевдоцивилиза-

ции, а в пространстве, где возможна дискуссия об историческом будущем цивилизации.

«Темная область» бессознательного, о которой рассуждал Лебон, и есть та энергия расового бессознательного, о которой мы рассуждаем с учетом анализа процессов современной псевдоцивилизации. Ее фундаментальное отличие и от массового, и от коллективного бессознательного состоит в том, что это процессы бессознательного, куда современная наука не может проникнуть в силу слишком слабого развития своих аналитических методов. Эта область бессознательного откликается только на великие идеи мировой истории, активизируя разумную психологию человека в эпицентре мировых исторических событий. Здесь наша философия пересекается с содержанием фундаментальной науки, но не со стороны анализа энергии биологических влечений, характеризующих массовое сознание, а со стороны анализа энергетических импульсов воли, которые активизируются этими великими идеями в мировой истории. Ведь не трудно заметить, что почти всегда активизация этих импульсов направлена против известных представлений культуры своей исторической эпохи, то есть собственно, против той ценности жизни, которая в ней доминирует на бессознательно уровне в социальных представлениях своей исторической эпохи. Следовательно, движение великой исторической идеи начинается из самых разрушительных пластов подсознательной энергии памяти, можно сказать, раздвигая более поверх-

ностные ее слои своей остротой и разрушительностью.

Воля к власти, таким образом, в отличии от сбалансированной энергии воли и влечений в реальности сознания, есть та неизвестная энергия материи времени, которая постоянно перестраивает представления людей о реальности в соответствии с высшими ценностями мировой истории, заметая незначительные воспоминания и акцентируя самосознание на том, что нельзя предать забвению. При этом движение в историческое будущее характеризуется тем разрушительным потоком множества самодовлеющих фрактальных последовательностей ценностей сознания, которые выстраиваются в направлении движении функции топологии фрактального целого, которое собирает эти группы множества различных локальных человеческих целей в общую динамику понимания действия разума в исторических событиях.

Вся сложность обладания разумом, как субъективным, так и объективным, состоит в том, что самосознание вынуждено постоянно путаться в поверхностных слоях памяти, которые отвлекают полноценную мысль от внимания к разумной структуре предмета. Это отвлечение – суть энергия бессознательных влечений, которые требуют возврата высших процессов памяти к насущным земным проблемам реальности, тем самым замутняя содержание мысли чем-то некачественным со стороны прозрачности движения разума во времени. В определенном смысле, можно сказать, что разумная действительность мнет сознание реальности как топологи-

ческий объект, который высвечивается своей субъективной сущностью множества потоков локальных фрактальных последовательностей памяти, охваченных единым логистическим тензором самосознания.

Проблема полноценности существования современного рационального мышления состоит в том, что оно должно охватывать максимум информационного потока высших ценностей культуры, при этом перерабатывая его в качестве единой структуры лигаристического тензора, который связывает наш субъективный разум с наиболее глубокими процессами памяти. И возникает вполне закономерный вопрос: что производит эти наиболее глубокие и разрушительные процессы памяти, в которых, собственно, в отличии от остального биологического мира, рождается разумный импульс воли человека? Мы полагаем, что это пока неизвестно, являясь той метафизической загадкой полноценной картины происхождения разума, который, учитывая современный уровень фундаментальной науки, нельзя понять. Но это не говорит о том, что следует отказаться от дальнейшего исследования. Необходима полноценная философская дискуссия, но не на уровне поверхностных знаний ограниченных полей культуры, а с учетом совокупности всего известного знания через максимальную переоценку их ценностей в проекции на психологический разрыв: между психологией земного сознания и зачатками рациональной психологии в этих темных глубинах подсознания, где пробивается бессо-

знательный импульс космического самосознания.

Непредсказуемость событий мировой истории, которая связывалась во всех традициях народов с загадкой происхождения духовного начала жизни, обновляется именно этими самыми темными глубинами бессознательного, которым Ницше пропел свой гимн в процессе анализа их проявления в культе бога Диониса. И действительно, если бы все было бы заранее известно, как в какой-то абстрактной логической схеме, что будет хотя бы через век мировой истории, то зачем тогда жить? Жизнь должна быть загадкой, ибо, в противном случае, это уже не жизнь, а примитивная логика какого-нибудь чипа сознания, который крутится в своей фрактальной последовательности повторения схемы вокруг определенного набора пространственных ассоциаций памяти. Здесь основная проблема состоит в том, что полностью стирается граница между искусственной имитацией жизни, которая в реальности отображает функциональные возможности ИИ, и ее разумной идеей.

Где вообще пролегает граница между жизнью и смертью? Ведь сравнение нашего субъективного самосознания с общим историческим путем, которая прошла мировая цивилизации, утверждает, что мы уже мертвы, поскольку наш промежуток времени является бесконечно малым промежутком по отношению к судьбам тех людей, которые жили до нас. Именно в этом вопросе исключительное значение имеет функция энергии расового бессознательного, поскольку оно

вырывает энергию памяти нашего самосознания из социальной мифологии представлений массового сознания, которое довольствуется мифами своей исторической эпохи, заставляя нас обратиться к нашему субъективному разуму. Именно здесь восстанавливается нравственная взаимосвязь с исторической памятью предков. Причем, чем более отчетлива позиция субъективного разума, – тем полноценней объективность его власти над реальностью, подчиняющейся законам объективной разумной действительности. Но это не энергия насилия животных импульсов воли, которая стремится подчинить сознание мифам своей исторической реальности, а понимание, которое обладает направлением расширения возможностей свободы человека от его оков в земном сознании. Это тот наивысший характер содержания разума в понятии, которое вкладывал в него Гегель в своей диалектики логики развития исторических событий.